

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Владимирский государственный университет

ТРУДЫ
ВЛАДИМИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 6

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Владимир 2009

УДК 378(06)
ББК 74.58я54
Т78

Редакционная коллегия:

В.Н. Ланцов, д-р техн. наук, проф. (гл. редактор)
В.А. Немонтов, канд. техн. наук, проф. (зам. гл. редактора)
О.В. Богатова, канд. юрид. наук, доц.
М.А. Барашев, канд. искусствовед. наук, доц.
Н.М. Маркова, канд. филос. наук, доцент
Е.И. Аринин, д-р филос. наук, проф.
В.В. Гуляева, д-р истор. наук, проф.
О.В. Филатова, канд. психол. наук, доц.
А.Ю. Скировский, директор изд-ва
Л.А. Чалая, канд. истор. наук, доц. (отв. секретарь)
Т.Г. Павелина, инженер кафедры теории и истории государства и права
(техн. секретарь)

В настоящий выпуск вошли научные статьи преподавателей, аспирантов и студентов, раскрывающие проблематику гуманитарного знания и рассчитанные на студентов всех специальностей, а также широкий круг читателей.

УДК 378(06)
ББК 74.58я54

ISBN 978-5-9984-0012-4

© Владимирский государственный университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПРАВО И ПСИХОЛОГИЯ

Богатова О.В. ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ КОНСТИТУЦИИ РФ	5
Чалая Л.А. МОНОНОРМЫ КАК ГЕНОТИП ПРАВА	8
Ашин А.А. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (1941–1945 гг.).....	12
Рузевич О.Р. УГРОЗА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ.....	19
Погодина И.В. ПРОБЛЕМНО-МОДУЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН	25
Мешков Д.Н., Корсаков А.А. К ВОПРОСУ О СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОЛНОСТЬЮ ДЕЕСПОСОБНЫМ.....	27
Савельева О.Е. ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ	30
Абрамова О.К. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА.....	32
Анциферова Ю.С. УЧЕНИЕ О КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ ПО В.Д. СПАСОВИЧУ ...	37
Филатова О.В. СИСТЕМОГЕНЕЗ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ	41
Великова С.А. ДИНАМИКА УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ-РЕЛИГИОВЕДОВ ВЛГУ.....	44
Черкасова И.П. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА В ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОМ УЧРЕЖДЕНИИ	49
Литвинова Н.Ю. К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ ЗДОРОВЬЯ И РОЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ВУЗА	54

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Гуляева В.В. РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРАНЗИТНОЙ ТОРГОВЛИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ (VIII – XI ВВ.)	57
Нугаева Г.А. ВЛИЯНИЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ НА ИСТОРИЮ РУСИ.....	63
Микерова А.В. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – 60-е гг. XIX в.	65
Мягтина Н.В. ПОПЕЧИТЕЛЬНОЕ О ТЮРЬМАХ ОБЩЕСТВО В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ 1831 – 1879 гг.	69

Соловьева В.В. ОФЕНСКАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX в.	77
Кириллова Л.В. ВЫДАЮЩИЙСЯ КРАЕВЕД АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СМИРНОВ (1854 –1918 гг.)	79
Шутова Н.Е. ВХОЖДЕНИЕ ЗАКАВКАЗСКИХ РЕСПУБЛИК В СССР	83
Маркелова Е.В. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА РОССИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ	86
Погорелая С.В. К ВОПРОСУ О МИСТЕРИАЛЬНОСТИ ТВОРЧЕСТВА А.Н. СКРЯБИНА	89
Воробьева А.С. РОССИЙСКОЕ МЕЦЕНАТСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.	94
Марычева Е.П. ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ИННОВАЦИОННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ.....	97
Новикова Л.В. К ВОПРОСУ О ВНЕДРЕНИИ СРЕДСТВ МУЛЬТИМЕДИА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС	100

РАЗДЕЛ 3. ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ

Латышева Ж.В. К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЕ»	103
Маркова Н.М. ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ И КРИТИКА КАТОЛИЦИЗМА ПРАВОСЛАВНЫМИ АВТОРАМИ	106
Тихонов А.К. ВОССТАНИЕ 1863 –1864 гг. В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КАТОЛИКОВ	109
Аринин Е.И. РЕЛИГИОЗНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	113
Матвеев П.Е. АНАЛИЗ НЕОПЛАТОНИЧЕСКИХ ИДЕЙ В АКСИОЛОГИИ	119
Жильцова В.М., Нечаева И.И., Новиков И.А., Щитко В.С. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ	126

РАЗДЕЛ 1. ПРАВО И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 342

О.В. Богатова

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ КОНСТИТУЦИИ РФ

В статье рассмотрены проблемы прямого действия Конституции РФ 1993 г. Актуальность данной темы объясняется тем, что 12 декабря 2008 года исполнилось 15 лет со дня принятия Конституции, поэтому возникла возможность проанализировать итоги ее действия, ибо Основной закон призван стать фундаментом общественного климата. Не случайно Президент РФ Дмитрий Анатольевич Медведев в своем послании к Федеральному собранию обратился к проблеме прямого действия Конституции, ее решающей роли в становлении российской демократии. Конституция РФ должна быть не торжественной декларацией, а работающим политико-юридическим документом.

In given clause the problems of direct action of the Constitution of Russian Federation of 1993 are considered. The urgency of the given theme is explained to that December 12, 2008 executed 15 years from the date of acceptance, therefore there was an opportunity to analyze results of its action, for the Basic Law to become called by the base of a public climate. Not casually, the President of Russian Federation D. Medvedev in the message to Federal Assembly has addressed to a problem of direct action of the Constitution, its main role in the making of the Russian democracy. The constitution of Russian Federation should be not the solemn declaration, and working politics-legal document.

12 декабря 2008 г. исполнилось 15 лет со дня принятия Конституции Российской Федерации. Пришла пора обобщить итоги действия Конституции РФ, возникшие при этом проблемы, касающиеся формирования общественного и социального климата в стране, функционирования публичной власти, рассмотреть некоторые перспективы, в особенности связанные с предложениями по совершенствованию Конституции РФ и конституционного законодательства, внесенными в Послании Президента РФ Федеральному собранию РФ от 5 ноября 2008 г. [1].

Нельзя не согласиться с заведующим кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации С.А. Авакьяном в том, что ключевой аспект в анализе, посвященном 15-летию Конституции Российской Федерации, должен быть больше связан с тем, как действуют положения Основного закона РФ в жизни [2].

Несомненно, Основной закон призван стать фундаментом общественного климата.

Конституция Российской Федерации 1993 г. провозгласила наше государство правовым, однако для реализации всех основных признаков последнего России необходим очень длительный период. К признакам правового государства относят верховенство права и закона, принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, развитое гражданское общество. Все они еще находятся на этапе становления, развития и утверждения. Основной закон нашего государства гласит: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации» [3]. Следует отметить, что прямое действие Конституции РФ – это политико-юридическая новелла, которая отсутствовала в прежних (советских) конституциях, характеризующая собой значительный шаг в развитии демократии, которое указывает, что Конституция

РФ – не пропагандистский документ, а нормативный правовой акт, статьями которого надлежит руководствоваться при рассмотрении конкретных вопросов. Не нужно забывать о том, что прямое действие конституции может превратиться в декларативный принцип, если не создать четкий правовой механизм его последовательного осуществления.

Необходимо прежде всего выяснить те особые юридические ситуации, которые вызывают прямое действие Конституции РФ. Основными из них являются следующие: во-первых, острая потребность повышения авторитета Конституции РФ как Основного закона государства; во-вторых, существование пробелов в праве, наличие которых стало особенно заметным в результате реформирования российского общества; в-третьих, расширение коллизийного правового поля, в ходе которого увеличилась рассогласованность нормативных правовых актов. Названные правовые ситуации имеют непосредственное отношение к правильному пониманию принципа прямого действия Конституции РФ, что требует специального рассмотрения.

Прямое действие Конституции РФ по повышению ее авторитета несовместимо с былой правоприменительной практикой, когда административные правовые акты по существу занимали ведущее место в непосредственном юридическом регулировании поведения физических лиц и их организационных объединений.

Объективная необходимость прямого действия Конституции РФ обусловлена и фактом наличия пробелов в российском законодательстве. Состояние пробельности в праве довольно значительно усиливается в период резкой смены экономического и политического курсов государства, кардинального реформирования его социальных и конституционных основ, что и наблюдается в современном российском обществе.

Какие же меры необходимо принимать в тех случаях, когда соответствующие законы еще не появились, или часть из них не подготовлена правотворческими органами? Многие суды просто уходят от решения таких сложных дел, руководствуясь при этом простым правилом: «нет закона, нет и проблемы». Такой негативный подход есть отступление от

принципа прямого действия Конституции РФ. Как указано в заключительных и переходных положениях Конституции РФ, все ее статьи обладают прямым и непосредственным действием со дня официального опубликования данного правового акта [4].

В случае если отраслевые источники права не содержат норм, направленных на регулирование определенных отношений, пробел будет восполняться Конституцией. Причем в данном случае скорее можно говорить об аналогии права, а не об аналогии закона. Восполнение пробелов на основе конституционно-правовых норм может проявляться при регулировании качественно новых общественных отношений: мобильных и динамичных, являющихся предметом регулирования новых нормативных актов.

Необходимо обратить внимание на проявление субъективного фактора в правотворчестве. Это и деятельность всех субъектов законодательной инициативы, и давление населения, граждан, и их правовые ожидания, и лоббизм, и действия политических партий, фракций, и участие консультантов, экспертов и т.д. Как заявил Д. Медведев в своей недавней речи перед Федеральным собранием: «Какие бы идеальные законы и стратегии ни принимались на основе Конституции, реализация заложенного в них смысла зависит от конкретных людей» [5].

Конституция обладает всеми качествами нормативного акта и отличается рядом особенностей, обусловленных ее местом в системе законодательства. Они накладывают существенный отпечаток на характер ее действия, формы осуществления и пр. Нормы Конституции, закрепляя сложившиеся общественные отношения, способствуют их стабилизации и развитию в соответствии с установленными Конституцией целями и становятся определенной преградой на пути негативных явлений и процессов, развивающихся в обществе. Независимо от выполняемых социальных, политических и иных функций, равно как и от занимаемого в Конституции места, все они являются основными, обладают регулирующим значением и имеют действующий характер.

Сказанное нельзя истолковывать как абсолютизацию регулятивного значения и роли

Конституции. Детально регламентируя многие даже частные вопросы организации и деятельности государства и его органов, Конституция в то же время содержит достаточно общие и отличающиеся формальной определенностью положения (преамбула, нормы-принципы и др.).

Конечно, действие Конституции не ограничивается только регулированием, оно шире и включает иные формы воздействия на общественные отношения (например, информативное, ценностно-ориентационное), но именно конституционное регулирование, рассматриваемое в динамике осуществления норм Конституции, составляет ядро прямого действия Основного закона. В одних случаях для урегулирования общественных отношений достаточно конституционных норм, в других – конституционная норма нуждается в конкретизации.

Конституция помимо регулятивной выполняет и ценностную функцию. Ценностям, закрепленным в Конституции, уделено значительное внимание Президент РФ Д. Медведев в своем первом Послании Федеральному собранию [1]. Ценности, закрепленные в Конституции России, имеют столь важное значение, что прямо влияют на все аспекты внутренней и внешней политики.

Во-первых, это справедливость, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. Справедливость реализуется в виде социальных гарантий и требует преодоления бедности и коррупции.

Во-вторых, это свобода. Личная, индивидуальная свобода (свобода предпринимательства, слова, вероисповедания, выбора места жительства и рода занятий) и свобода общая, национальная (подразумевается самостоятельность и независимость Российского государства).

В-третьих, это жизнь человека, его благосостояние и достоинство, межнациональный мир, единство разнообразных культур, защита малых народов (признание независимости Южной Осетии и Абхазии – это, кстати, пример такой защиты).

В-четвертых, это семейные традиции. Любовь и верность. Забота о младших и старших.

В-пятых, это патриотизм, даже при самом трезвом, критическом взгляде на отечественную историю и на наше далеко не идеальное настоящее. В любых обстоятельствах, всегда присутствует вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре.

Таковы наши ценности, таковы устои нашего общества, наши нравственные ориентиры. А говоря проще – таковы очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас единым народом, Россией.

В том же Послании Федеральному собранию президент обратился и к проблеме прямого действия Конституции, ее решающей роли в становлении российской демократии: «Гарантируемый ею уровень свободы личности, зрелость демократических институтов и процедур – это источник нашего дальнейшего подъема. Ставя задачи нового этапа развития, мы должны обеспечить широкое участие граждан, политических партий и других общественных институтов в их решении».

Вторая тема, затронутая президентом, – значение Конституции для формирования качественно новой правовой системы и независимого суда, для избавления от коррупции и правового нигилизма. Последний, заметим, появился в России не вчера. Он уходит своими корнями в наше давнее прошлое. И пятнадцать лет – слишком малый срок для преодоления столь укоренившихся традиций. Однако справедливо и то, что этой проблемой – проблемой пренебрежения к праву – мы ещё системно и глубоко не занимались.

Третье – это Конституция и дальнейшее расширение экономической, предпринимательской свободы. Именно в этом успех формирования среднего класса, роста малого и среднего бизнеса, становления инновационной экономики.

Четвёртое – это реализация социальных гарантий, закрепленных Конституцией: зарплат, пособий, пенсий, сбережений. В сегодняшний непростой период государство будет выполнять свои обязательства, обязательства перед гражданами. Хотелось бы, кстати, напомнить, что Конституцией также установлен запрет на пропаганду социального превосходства. Эта моральная норма является у нас и нормой закона.

Наконец, пятая тема – это Конституция и укрепление международной законности. Известно, что она складывается из соблюдения государствами своих национальных конституций и обязательности следования международным соглашениям и договорам. Потому, чем лучше состыкованы действия государств на мировой арене с международно-правовыми нормами, тем выше уровень безопасности на планете.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. не должна быть отнесена к числу законов.

2. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. обладает рядом уникальных качеств и характеристик, требующих применения к ее толкованию и реализации особого подхода.

3. Возможность Конституции непосредственно регулировать общественные отношения закреплена в статье 15 Конституции. Этот тезис, приведенный выше, неоднократно повторенный отечественной доктриной (свидетельствующий о принципиально новом характере Конституции 1993 г.), нуждается в дополнительном рассмотрении с использованием не только анализа статьи 15, но и оценки

особенностей механизма правового регулирования в РФ и фактической способности Конституции выполнять роль источника действующего права.

Конституция является неотъемлемой частью правовой системы отечественного законодательства. Она должна быть не торжественной декларацией, а работающим политико-юридическим документом, позитивное воздействие которого на общество и государство и положение в нем личности тем больше, чем полнее Конституция претворяется в жизнь. Однако ее реализация носила чрезвычайно ограниченный характер, и эта тенденция еще не преодолена.

Библиографические ссылки*

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 05.11.2008 // Рос. газ. – № 230. – 6 нояб. – 2008.

2. См.: Авакьян, С.А. Конституция Российской Федерации: итоги развития // Конституц. и муницип. право. – № 23. – 2008.

3. Конституция Российской Федерации (1993) : офиц. текст. – Ст. 15, ч. 1.

4. Там же. – Ст. 1.

5. www.kremlin.ru.

УДК 347.132.6(091)

Л.А. Чалая

кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права

МОНОНОРМЫ КАК ГЕНОТИП ПРАВА

Поставлена проблема возможности более широкого использования в современном гражданском обществе плюрализма права на основе изучения мононорм как генотипа права.

The problem of an opportunity of wider use in a modern civil society set of opinions of the right is put on the basis of study of mononorms – as genotype of the right.

Высокие темпы экономического, социального и политического развития общества находят отражение в праве, которое в современных условиях отличается не только значительным количеством издаваемых норм, но и сопровождается увеличением специализации, что приводит к правовым коллизиям, к усложнению правоприменительной практики. Как результат – за этим правовым масси-

вом теряется сам человек и невозможность реализации не только его индивидуальности, но даже обычных естественных прав.

Утвердившееся мнение, что закон должен быть морально оправданным и ценнос-

* Библиографические ссылки, примечания и библиографические списки приводятся здесь и далее в авторской редакции.

тно-ориентированным, т.е. включенным в систему жизненных и этических ориентиров человека – одно из решений этой проблемы. Но достижение этой цели возможно лишь с признанием правового плюрализма, считающего субъектом правосозидания не только государство, но и человека во всех сферах его общественного бытия.

Проблема правового плюрализма означает изучение права не столько как обычного или как традиционного в противовес закону, исходящему от государства, а как сосуществующие системы в едином гражданском сообществе. Эта проблема всегда поднималась в юридической науке. И действительно, начиная с античности, и особенно в XIX – XX веках, многие юристы при ее рассмотрении обращались к этнографическим, археологическим и социологическим материалам (И. Бахофен, Г.Л. Морган, Э. Дюркгейм, Ф. Энгельс, М. Ковалевский и др.). Все эти вопросы сегодня потребовали нового осмысления при изучении конкретного человека, его прав и положения в обществе в целом.

Дискуссию о том, что возникает раньше: право или государство, о соотношении закона и права и что следует отнести к праву, невозможно вести без привлечения исследований исторических материалов о человеке и социуме. Игнорирование права, не зафиксированного в законе (оно есть часть биосоциогенетического процесса), приводит к утилитарному подходу понимания права.

Изменение общества, перерастание на протяжении тысячелетий родовых общин в территориальные и объединение их в племена, а затем образование государства сопровождалось возникновением определенных регуляторов на каждом этапе организации общества. Вполне естественно, что при этом одни нормы отмирали, но, чаще всего, основная же их часть, как и само общество, продолжали существовать, оставаясь основой для появления новых регуляторов. Таким образом, вместе с эволюцией общественной организации человека происходит и движение права, что позволяет говорить в теории права о принципах общей формы движения права, о непрерывности культур.

Отсюда, история права государства возникает не на пустом месте – именно такое понимание приводит к идее существования генотипа и на его основе плюрализма права.

Возможности антропологического объяснения проблемы есть, ибо человек в силу своей биологической природы изначально наделен чувством пропорциональности, которое его как общественного субъекта заставляет формировать собственное поведение по отношению к себе подобным. В результате движущими стимулами развития, как самого человека, так и в целом общественной организации, являются, с одной стороны, природная среда, с другой – сам человек и человеческое окружение. В дальнейшем он стремится к созданию собственных стимулов для реализации своих интересов, что приводит к проявлению творческих начал.

Тейяр де Шарден прекрасно сказал: «Человек вошел в мир бесшумно...» [1], т.е. ничего не изменяя, а только познавая его и приспособляясь к нему.

Первые применявшиеся нормы в виде запретов (табу), и прежде всего, на кровосмесительные отношения, способствовали биологическому становлению человека [2].

На это же были направлены и дальнейшие экономические изменения, вызванные приспособлением человека к новым природным условиям, связанным с отступлением ледников. В эпоху мезолита и раннего неолита появляются соответственно лук и стрелы и глиняная посуда, что свидетельствует о появлении семьи и приготовлении пищи на огне. Результат – становление современного человека – *Homo sapiens*.

В дальнейших процессах генезиса важную роль регулирования играют представления о мире и месте человека в этом мире: тотемизм, анимизм, магия, ритуалы, мифы [3]. Община и род управлялись на основе этих существующих социальных общественных норм, которым, думается, подчинялись не столько по принуждению, сколько на основе бессознательного инстинкта. Эти нормы касались правил разделения труда, сотрудничества, распределения, взаимозащиты, экзогамии

и т.д., т.е. они отвечали жизненно важным интересам коллектива и, как правило, неукоснительно соблюдались. Кроме того, применяясь из поколения в поколение, они приобрели силу привычки и стали обычаями.

Вполне естественно, что и тогда находились нарушители общественных норм. Споры и конфликты были во всех социальных организациях, и их регулирование сводилось к переговорам, соглашениям, испытаниям. Крупные проступки влекли за собой серьезные наказания: побои, увечья и даже умерщвление, но самым страшным было изгнание из коллектива, ведь человек не мыслил своего существования без сородичей [4]. Как показывает анализ этнографических материалов, при возникающих конфликтах отдельные члены общины, как правило, старейшины, берут на себя разбор дела и добиваются единодушного одобрения своих решений. Это позволяет говорить, что «суд» в том или ином виде существовал на всех этапах развития общества и у всех народов независимо от уровня их социальной организации. Но он в меньшей степени рассматривал отношения между личностями, скорее всего – это конфликты между группами: между родами, мужчинами и женщинами, старшими и младшими и т.д. Разбирательство вели на основе тех норм, которые признавались всем обществом.

К какой категории следует отнести эти возникающие нормы? Они не могут считаться моральными нормами, ибо общество требовало неукоснительного их соблюдения.

Многие авторы не называют их правом, считая, что право исходит только от государства. Наконец, третьи называют их мононормами [5] (от греч. *monos* – единый и латинского *posita* – правило), ибо в них нет дифференциации социальных регуляторов: права, нравственности, религии, но именно они способствовали установлению порядка в различные периоды эволюции социума, на основе которого и возникает следующий этап развития государства. Человек, общество не исчезают с приходом государства, а переступают его порог.

И в этот период обычай, моральные религиозные нормы продолжают действовать и в пределах одного государства разнятся между собой не только по территориальному признаку, но даже по отдельным категориям населения, существуя вместе с возникающим правом государства, и, таким образом, составляя «единое правовое поле». Именно для ранних этапов развития государства характерен плюрализм права. В странах Древнего Востока, хозяйство которых основано на поддержании ирригационной системы в порядке, во всех законодательных документах большую роль играли нормы взаимопомощи, взаимозащиты и взаимответственности.

Многие из первобытных регуляторов прослеживаются в государственном периоде через сохранение в формах общественного сознания, о чем свидетельствуют древнейшие правовые документы. В ряде норм законов Хаммурапи проводилось требование, чтобы богатые не притесняли бедных, а сильные слабых, вдов и сирот. Это было не чуждо и государствам античности. Так, в реформах Солона была провозглашена «сисахфия» (сбрасывание бремени), введен закон о литургии (через повинности аристократов в пользу бедных).

Обычай еще продолжают оставаться основной нормой. Вот почему римские юристы разработали целый ряд условий, при которых те или иные обычаи становились законами (длительность применения, на значительной территории и подобного нет в Законе). В истории российского законодательства в первых текстах русских договоров (911, 944, 971 гг.) обычай и закон выступают как синонимы, при этом они означали выражение божественной воли. Само название «Русская Правда» (Краткая, Пространная, Сокращенная) означает юридическую истину, исходящую от государства, соединенную со справедливостью, а потому и название преступлений обозначено понятием «обида». С дальнейшим развитием государственности мы, с одной стороны, в праве продолжаем встречать соединение обычаев

и законов, а с другой – их разграничения. Так, в Наказе Екатерины II читаем: «Законы суть особенные и точные установления законоположника; а нравы и обычаи суть установления вообще народа». А далее идет достаточно любопытное суждение: «В государстве, в собрании людей, обществом живущих, где есть законы, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и чтоб не быть принужденну делать то, чего хотеть не должно. Надобно в уме себе точно и ясно представить: что есть вольность» [6]. Не есть ли это необходимость использования норм, диктуемых обычаем, религией, моралью, лишь бы они только «законы не преступали».

Привлечение таких нормативных регуляторов социального поведения – норм общественных организаций, морали, обычаев, традиций – наряду с законом стимулируют поведение и деятельность человека на развитие саморегуляции. И это в большей степени связано с возрастанием удельного веса договоров, основанных на проявлении, свободы воли и волеизъявления в рамках закона.

Таким образом, в современных условиях мы можем избежать явления законодательной и регламентарной инфляции, используя моонормы как генотип права.

Исследуя моонормы и указывая на их значимость, ни в коем случае не ставится задача упразднения «права государства» и возврата только к «обычному праву». Задача состоит в том, чтобы выяснить, какие исторические формы нормативного регулирования современное государство может без ущерба использовать в гражданском обществе и потому стать по-настоящему правовым государством.

Примечания

1. Шарден, де Т. Феномен человека / Т. де Шарден. – М.: Прогресс, 1965. – С. 183.

2. См. напр.: Ефименко, П.П. Первобытное общество. Государственное социально-экономическое государство / П.П. Ефименко. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1938. – С. 342 – 345;

Семенов, Ю.И. Как возникало человечество / Ю.И. Семенов. – М., 1966; Мнение, что кровосмесительные браки не ведут к дефективному потомству, скорее всего, относится к какому-то единичным случаям. В то же время следует отметить, что во всех правовых документах ранних государственных образований такой брак находится под запретом (в Ветхом Завете – Второзаконие, глава 27, Институтах Гая – кн. 1, ст. 64). С древнейших времен в России «Кормчая книга» устанавливала запреты на заключение браков между родственниками до седьмой степени родства, а в 1810 г. Синодский указ установил запрет на браки до четвертой степени.

3. Фрэнгер, Дж.Дж. Золотая ветвь / Дж.Дж. Фрэнгер. – М.: Полит. лит-ра, 1980; Токарев, С.А. Религия в истории народов мира / С.А. Токарев. – М.: Полит. лит-ра, 1986.

4. Изгнание как тяжкое наказание использовалось не только в догосударственных образованиях, но характерно и для ранних государственных образований, в том числе демократических Афин.

5. Алексеев, В.П. История первобытного общества / В.П. Алексеев, А.И. Першиц. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 204; Ковлер, А.И. Антропология права / А.И. Ковлер – М.: Норма, 2002. – С.118 – 119; Достаточно резко, без серьезной аргументации, против такого понимания моонорм выступает Т.В. Кашанина в своей работе «Происхождение государства» (М., 2004, С. 210). В то же время, критикуя, автор, по сути дела, на той же странице дает следующее определение: «Социальная жизнь в тот далекий период регулировалась с помощью множества социальных норм, многие из которых еще не получили своего целостного развития». Возникает вопрос: что следует понимать под «целостным» и, наконец, почему этим нормам для общего употребления не дать понятие «моонорм»?

6. Екатерина II. Сочинения. – М.: Современник, 1990; Из «Наказа комиссии о сочинении проекта нового Уложения». Ст. 37, 58. – С. 24.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (1941 – 1945 гг.)

Статья посвящена особенностям исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, обусловленным Великой Отечественной войной. Рассмотрены некоторые аспекты исправительно-трудовой политики, нормативно-правового регулирования отбывания несовершеннолетними наказания в исправительных учреждениях.

The article deals with peculiarities of imprisonment regard for juveniles during the Second World War. Such subjects as correction-labour policy, legal regulation acts of imprisonment of juveniles in jails of the.

Великая Отечественная война внесла существенные коррективы в содержание карательной политики государства и практику ее реализации. Продолжается дальнейшее ужесточение мер уголовного наказания, принимаются законы, устанавливающие новые виды уголовной ответственности. Поток поступления заключенных в места лишения свободы был огромен. Во второй половине 1941 г. судами и военными трибуналами осуждается 1339702 человека, из них 67,4 % к различным срокам лишения свободы; в первой половине 1942 г. – соответственно 1396810 человек и 69,3 %. В течение войны наблюдается изменение состава заключенных в лагерях и колониях. С 22 июня 1941 г. по 1 июня 1944 г. в места лишения свободы поступило 1800 убыло 2900 заключенных [1].

По состоянию на начало войны в лагерях и колониях содержалось 2300000 человек, из которых 27 % отбывали наказания за особо опасные государственные преступления [2].

В соответствии с требованиями военного времени была перестроена и работа исправительно-трудовых учреждений (ИТУ). Деятельность ИТУ, а также положение осужденных регулировались ведомственной инструкцией «О режиме содержания и охране заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР в военное время», изданной в феврале 1942 г. Эта инструкция наделяла оперативно-служебные наряды правом в ряде случаев применять оружие без предупрежде-

ния (при побеге и преследовании заключенных, при нападении на администрацию и конвой). При открытом, злостном сопротивлении заключенных, если оно грозило серьезными последствиями и не могло быть ликвидировано иными мерами, охрана лагеря имела право после двукратного предупреждения применять оружие. Допускалось его применение и при отказе заключенных приступить к работе. Неприменение оружия, когда к этому вынуждала обстановка, так же, как и неправильное его применение, влекло за собой судебную или административную ответственность. Это открывало дорогу для произвола [3].

Охрана тюрем и колоний немедленно переводилась на военное положение. Прекращались отпуска всех сотрудников, находящиеся в отпусках немедленно отзывались [4].

Был прекращен вывод несовершеннолетних из тюрем в специальные колонии. Несовершеннолетние правонарушители в возрасте от 16 лет и выше направлялись для отбытия срока наказания в местные ИТК, где размещались отдельно от взрослых заключенных [5].

12 сентября 1941 г. тюремное управление НКВД СССР в условиях военного времени запретило всем категориям заключенных в тюрьмах, кроме несовершеннолетних, свидания с родственниками [6].

Отметим, что Великая Отечественная война крайне усугубила положение заключенных, особенно в плане материально-бытового обеспечения и медико-санитарного обслужи-

вания. В первые месяцы войны подлежали эвакуации из мест заключения европейской части страны 750 тыс. заключенных, что вызвало их большую концентрацию в учреждениях по месту передислокации. В 1941 – 1942 гг. на одного заключенного приходилось менее 1 м² жилой площади [7].

Особенно для работников тюремного ведомства СССР первые дни войны были сопряжены с невероятными трудностями, связанными с эвакуацией заключенных из тюрем западных областей Союза. Из тюрем Украины, к примеру, подлежали эвакуации 34200 заключенных, для перевозки которых требовалось 1308 вагонов, из расчета 50 – 60 заключенных на один вагон. Однако по распоряжению начальников железных дорог было выделено только 300 вагонов, в которых можно было разместить 14000 заключенных [8].

Во многих случаях эвакуация проводилась пешим порядком, преимущественно под конвоем надзоров состава тюрем. Для заключенных эвакуация была связана с неисчислимыми трудностями и бедствиями, нередко представляла собой путь в небытие. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные документы, содержащие сведения об условиях и порядке эвакуации тюремных учреждений [9].

Время в пути следования эвакуированных заключенных к местам назначения нередко исчислялось месяцами. Голод, холод, антисанитария, завшивленность, истощение, тяжелые болезни и, как результат, смерть многих из заключенных – постоянные спутники эвакуируемых эшелонов. Начальник тюремного отдела УНКВД по Алтайскому краю лейтенант Г.Б. Евсеев в докладной записке от 1 февраля 1942 г. сообщает в Тюремное управление НКВД СССР о состоянии принятых с 3 июля по 20 декабря 1941 г. эшелонов с эвакуированными заключенными следующее: за указанный период принято шесть эшелонов с численностью заключенных 3879 чел.; 3 июля 1941 г. принято из тюрьмы № 2 г. Ленинграда 899 чел., в их числе 404 несовершеннолетних преступников и 495 женщин. Санитарное состояние поступившего эшелона неудовлетворительное: 50 % несовершеннолетних прибы-

ли больными чесоткой, трахомой и другими кожными заболеваниями. Все несовершеннолетние приняты раздетыми – без верхней одежды и обуви, в трусах и майках [10].

Необходимо отметить, что вследствие ухудшения материально-бытового обеспечения несовершеннолетних осужденных у большей их части при эвакуации одежда не соответствовала сезону, что приводило к массовым заболеваниям осужденных и повышенной смертности.

Основной причиной детской смертности в исправительно-трудовых колониях являлось недостаточное и неполноценное питание, в результате чего были распространены такие заболевания, как алиментарная дистрофия, пеллагра, цинга и туберкулез легких. Эта группа заболеваний составляла 10 % всех первичных амбулаторных посещений, от 20 до 25 % всех госпитализируемых больных, от 30 до 40 % всех койко-дней и от 60 до 80 % всей смертности [11]. Во время Великой Отечественной войны широкое распространение получили некоторые необычные для мирного времени заболевания, к которым относятся алиментарная дистрофия, авитаминозы, бронхолит [12]. Так, смертность воспитанников детских колоний в первом квартале 1942 г. выражена следующими цифрами: январь – 57 чел. (или 0,34 % всего списочного состава), февраль – 48 чел. (0,25 %), март – 38 чел. (0,20 %) [13].

Для того чтобы нормализовать ситуацию с питанием несовершеннолетних осужденных, был принят приказ НКВД СССР от 23 июня 1942 г. № 355 «О довольствии несовершеннолетних заключенных». Однако данный нормативный акт остался только на бумаге и ситуацию с детской смертностью в связи с ухудшением материально-бытового обеспечения несовершеннолетних осужденных в исправительно-трудовых колониях не изменил.

Например, для питания несовершеннолетних заключенных в Верхотурской колонии имелась столовая, рассчитанная на 600 мест. Кухня столовой размещалась в грязном и тесном помещении, совершенно непригодном для этих целей. Столовая посудой и ложками была обеспечена недостаточно, поэтому заключенные пищу принимали через край

миски или железной самодельной ложкой. Колонии постоянно не хватало продуктов питания, а жиров, овощей, мяса, рыбы в рационе не было совсем. На завтрак заключенные, в основном, получали чай, на обед и ужин – суп из ржаной муки и кашу из ячневой крупы или горошницу. Провести качественный сравнительный анализ дифференцированных норм питания взрослых заключенных и несовершеннолетних правонарушителей не представляется возможным. С одной стороны, что вполне объяснимо, взрослым требовалось больше калорий в виду тяжелого физического труда, с другой – подростки больше нуждались в таких необходимых продуктах, как белки, которых в рационе явно было недостаточно. Кроме того, вопреки всем нормативно-правовым актам, несовершеннолетних заключенных часто использовали на вредных производствах. Поэтому можно лишь констатировать, что общим здесь являлась зависимость питания заключенных от норм выработки производственных заданий [14].

Санитарная служба в исправительно-трудовых колониях для несовершеннолетних была поставлена просто в безвыходное положение. Штатных должностей медиков в аппарате по медицинскому снабжению не было, что не позволяло обеспечивать лечебные учреждения медикаментами. В областных и краевых отделах по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью была предусмотрена штатом только одна должность старшего инспектора или инспектора-врача, и то не везде. Но и эти должности не могли быть укомплектованы, так как НКВД первоначально установил для этих должностей ставку не врача, а фельдшера, не доведя ее даже до уровня Отдела исправительно-трудовых колоний (ОИТК) системы ГУЛАГа. Само Санотделение Отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДББ) НКВД СССР состояло всего из четырех единиц по штату, что, безусловно, было недостаточно [15]. В целом по стране медико-санитарное обслуживание несовершеннолетних было неудовлетворительное. Так, например Камышловская исправительно-трудовая колония не имела своей амбулатории, стационара, дезо-

камеры и бани. Медицинская помощь оказывалась в Камышловской городской больнице, а мытье проводилось в городской бане, однако не регулярно. Смена нательного белья и прожарка верхней одежды производились редко, в результате чего заключенные, проживающие в зоне и на сельхозучастке, были завшивлены [16]. По состоянию на июль 1942 г. в колонии из медперсонала находился только один фельдшер, который в своем распоряжении имел только одну аптечку с небольшим набором медикаментов. В несколько лучшем положении находилась Верхотурская колония. Для медико-санитарного обслуживания несовершеннолетних заключенных колония имела амбулаторию и стационар, рассчитанный на 27 коек, и в целом санчасть врачебно-медицинским персоналом была укомплектована. По состоянию на апрель 1942 г. в стационаре лежало 35 чел. больных, в том числе: пеллагрой – 10, гриппом – 10, малярией – 3, туберкулезом легких – 2, воспалением легких – 1, кожными заболеваниями – 2, с заболеванием органов пищеварения – 4, другими болезнями – 3. Кроме этого болели, но не нуждались в стационарном лечении, куриной слепотой – 219 чел. и пеллагрой – 12 чел. Для санобработки несовершеннолетних заключенных имелись баня, рассчитанная на 50 человек, жаровая дезокамера, парикмахерская и прачечная [17].

Отсутствие квалифицированной медицинской помощи приводило к увеличению смертности среди осужденных.

По мнению В. Земскова, в годы войны в лагерях и колониях ГУЛАГа смертность среди заключенных составляла: в 1941 г. умерло 100997 заключенных, в 1942 г. – 248877, в 1943 г. – 166967. В течение 1941 – 1945 гг. ГУЛАГом погребено 621637 заключенных, а с 1934 г. по 1947 г. – 963766 человек [18]. Среднемесячный процент смертности заключенных по годам составил: 1939 – 0,25 %; 1940 – 0,1 %; 1941 – 0,21 %; 1942 – 1 %; 1943 – 0,8 % (20 792 человека) [19].

Вследствие начавшейся Великой Отечественной войны ослабел надзор за осужденными, в том числе и за несовершеннолетними осужденными, что привело к увеличению

совершения осужденными побегов из мест лишения свободы и контрреволюционного проявления (например, среди заключенных Покровской колонии Московской области распространялись фашистские свастики и контрреволюционные лозунги. В Бузулукской детской колонии заключенные по предварительному сговору учинили бунт, разгромили столовую, напали на охрану, ранили шесть стрелков ВОХР) [20]. На борьбу с ними со стороны антисоветского элемента была направлена работа оперативно-чекистских отделов лагерей и тюрем, которыми было установлено, что агентурно-оперативное обслуживание несовершеннолетних заключенных, содержащихся в трудовых колониях и приемниках-распределителях НКВД, до сих пор не организовано. В подкрепление данной работы 9 мая 1941 г. был принят циркуляр оперативного отдела ГУЛАГа НКВД СССР № 95 «Об агентурно-оперативном обслуживании трудовых колоний несовершеннолетних преступников и детских приемников-распределителей».

В соответствии с данным циркуляром агентурно-оперативное обслуживание трудовых колоний несовершеннолетних преступников и детских приемников-распределителей было возложено на оперативно-чекистские отделы, отделения и группы Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛ и К) и ОИТК НКВД – УНКВД. Большое значение уделялось вербовке агентурно-осведомительной сети из числа обслуживающего персонала колоний и распределителей и несовершеннолетних заключенных старших возрастов. Каждая вербовка несовершеннолетних тщательно подготавливалась с учетом ее целесообразности и перспективности.

Циркуляр особое внимание уделял агентурному обслуживанию несовершеннолетних, осужденных за контрреволюционную работу, перебежчиков и детей репрессированных. Выявленный антисоветский элемент из числа обслуживающего персонала и несовершеннолетних ставился на оперативный учет и активно разрабатывался. В дополнение к этому выявлялись антисоветские связи разрабатываемого элемента на свободе.

Во всех случаях открытых антисоветских проявлений среди несовершеннолетних, террористических высказываний, разжигания национальной розни, распространения контрреволюционных лозунгов и листовок, массовых отказов от работы и учебы, подготовки к побегам, наряду с непосредственными виновниками, выявлялись и привлекались к ответственности организаторы и вдохновители этих проявлений.

С целью предупреждения эксцессов среди несовершеннолетних заключенных, морально-бытового разложения среди них, а также среди обслуживающего персонала, начальники оперативно-чекистских отделов (отделений, групп) должны были своевременно информировать начальников трудовых колоний о выявленных преступных проявлениях для принятия необходимых мер, а о результатах агентурно-оперативной работы среди несовершеннолетних заключенных начальники оперативно-чекистских отделов (отделений, групп) УИТЛ и К ОИТК НКВД – УНКВД должны были отчитываться перед Оперативным отделом ГУЛАГа НКВД СССР.

С самого начала Великой Отечественной войны производство страны во всех направлениях было переведено на режим работы военного времени. Любое производство и вся деятельность были определены интересами обороны. В сложившейся ситуации руководство страны огромное значение уделяло труду осужденных.

Война потребовала максимальной централизации всех людских и материальных ресурсов. Сотни объектов промышленного значения в рекордные сроки были восстановлены или построены вновь руками заключенных. За 1941 – 1945 гг. были освоены европейский Север и северо-восток страны. Там, где строились новые промышленные объекты, появились новые лагеря [21].

С началом войны ГУЛАГ направил в народное хозяйство страны заключенных, из них в лесную промышленность – 320 тыс., горно-металлургическую – 171 тыс., на строительство железных дорог – 448 тыс., аэродромное и шоссейное строительство – 268 тыс., строительство оборонительных сооружений –

200 тыс. До войны заключенные выделялись 350 предприятиям, к концу – 640. При этих предприятиях было создано 350 специальных ИТК с 225 тыс. заключенных [22]. Наибольшее их количество было занято на строительстве – 34 %, в цехах работало 25 %, на горно-рудных работах – 11 %, на лесозаготовках, погрузочно-разгрузочных и других видах работ – 30 % [23]. Наиболее значительными сферами производства ГУЛАГа стали выпуск боеприпасов (мин, гранат, запалов, авиабомб), средств связи, снаряжения и обмундирования для армии.

В юридической литературе уделяется внимание трудовому энтузиазму, с которым заключенные, в том числе несовершеннолетние, в период военного времени трудились: производительность труда заключенных в 1944 г. превысила довоенную в два раза, в пять раз сократилось число отказчиков от работы. И это при постоянном ухудшении физического состояния здоровья содержащихся в лагерях заключенных, ибо по способности к труду заключенные в 1940 г. подразделялись на следующие категории: способные к тяжелому труду – 35,6 %, к труду средней тяжести – 25,2 %, к легкому – 15,6 %, ослабленные и инвалиды – 23,1 %. В 1942 г. картина уже выглядела следующим образом: способных к тяжелому труду – 19,2 %, к труду средней тяжести – 17,0 %, легкому – 38,3 %, ослабленных и инвалидов – 25,5 % [24].

Например, подростки Камышловской ИТК (Свердловская область) работали на Камышловском кожзаводе (20 чел.), в Лесопитомнике железной дороги им. Кагановича (29 чел.), сельхозработах Военведа (40 чел.), лесосплаве и смолокурении (7 чел.) [25]. Несовершеннолетние заключенные на кожзаводе работали в зольном цехе, что было грубым нарушением, поскольку детей запрещалось привлекать на вредные производства. На лесопитомнике подростки использовались на земляных работах, на сельхозучастке Военведа они занимались заготовкой сена, где из 40 чел. трое заключенных работали машинистами сенокосилок [26].

Заключенные Верхотурской трудовой колонии для несовершеннолетних работали на

лесозаводе в деревообделочных мастерских, изготавливая спецтару для Военведа и корпуса для зерносортировок «Клетон». Подростки также привлекались к работе в слесарно-механический цех, изготавливавший насосы «Тарда». Помимо этого, заключенные работали в литейном цехе, который занимался отливкой деталей для насосов зерносортировок. В апреле 1942 г. в колонии была организована учебно-производственная мастерская, в которой обучалось 137 человек, из них: на токарей – 9 чел., слесарей – 101 чел., кузнецов – 11 чел., жестянщиков – 16 чел. [27].

Производственный процесс проходил на основе трудового соревнования, что было характерно и для всей страны в целом. Согласно материалам проверки Верхотурской ИТК на день обследования (3 июля 1942 г.) в числе работавших на производстве были: рекордисты – 266 чел., работавшие стахановскими методами – 461 чел., работавшие по ударному – 422 чел., выполнявшие норму до 100 % – 4 чел. Не работало на производстве 78 чел. (освобождены по болезни, находились в изоляторе, не использовались по различным причинам). Производственная программа по основным видам продукции была выполнена (по состоянию на май 1942 г.) на 116 %.

Сам профиль производства колонии не давал возможности использовать на работах всех несовершеннолетних заключенных, где бы они смогли получить ту или иную специальность, если не считать механический, литейный и сборочный цеха. Значительная часть несовершеннолетних заключенных была задействована в подсобных работах. Так, из 1153 работавших подростков на прямом производстве было задействовано только 384 чел. [28]. Именно поэтому по окончании срока наказания только очень незначительная часть заключенных могла получить специальность. Организация же специальных обучающих мастерских и создание рабочих мест с целью получения специальности несовершеннолетними заключенными были невозможны по причине слабой материальной базы колонии. В целом, анализ источников позволяет считать использование труда подростков в большей степени воспитательной задачей,

нежели производственной необходимостью. Использование заключенных в промышленности и в сельском хозяйстве в военное время и в условиях скачкообразной экстенсивной индустриализации страны было явлением закономерным [29].

В 1943 г. наряду с трудовыми колониями создаются детские трудовые колонии для беспризорных и безнадзорных подростков-правонарушителей. В соответствии с Постановлением СНК СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» учреждения для несовершеннолетних вновь были выделены в самостоятельную службу. Для руководства этими учреждениями создается специальный самостоятельный отдел – Отдел по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью (ОБДБПП). В ведении этого отдела находились детские приемники-распределители, трудовые колонии для несовершеннолетних и вновь созданные детские воспитательные трудовые колонии [30].

По мнению А.С. Смыкалина, пенитенциарная система, как и вся страна, переживала тяжелые годы. И все же жизнь в лагерях во время Великой Отечественной войны была «не слаще» жизни на свободе. Видимо, поэтому некоторые осужденные обращались с просьбой направить их на фронт, где бы они могли кровью искупить свою вину перед обществом и государством. Патриотические настроения среди заключенных были достаточно сильны, и идея гитлеровского командования создать из них «пятую колонну» не увенчалась успехом [31].

В конце Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы в советском государстве появилось большое количество беспризорников, которые совершали преступления и правонарушения. Советское государство с целью изоляции преступных элементов осуществляло деятельность по перепрофилированию различных видов исправительных учреждений в колонии для несовершеннолетних.

Одним из таких примеров является образованная в конце 1944 г. Абаканская воспитательная колония.

До 1944 г. на территории Абаканской воспитательной колонии находился лагерь заключенных, возводивших в Хакасии сахарный завод. Когда эта задача была выполнена, подневольных строителей перебросили на другое место. 150 человек оставили, чтобы перестроить и подготовить бараки для приема беспризорных детей. Тут стоило бы подчеркнуть, что до этого времени на юге Красноярского края колоний для содержания несовершеннолетних правонарушителей не было. Имелись детские дома, следственный изолятор, тюрьма в Минусинске. К приезду беспризорников готовились основательно, даже завезли новые постельные принадлежности. Обустроили территорию, на которой располагались три жилых барака, штаб и стадион, клуб и столовая, помещение для карантина, школа и санчасть. Производственная зона состояла из механического и столярного цехов. Все здания и подсобные помещения были деревянными. Потому колония имела свою пожарную команду из нескольких человек, лошадей и повозку с бочкой воды. Колонию совсем не озеленяли – на ее территории рос всего один тополь. Еще особенность тех времен – в распоряжении начальника колонии находился не автомобиль, а выездная лошадь с пролеткой [32].

Для обогрева как производственных, так и жилых помещений использовалось лишь печное отопление. И когда в зону привозили уголь, он моментально растаскивался: воспитанники запасались углем про запас и даже прятали его в спальнях под полом. Начиная с 1945 г. колония постепенно обновляется. Расширилось производство, дополнительно были открыты литейный и слесарный цехи. Первой продукцией литейки стали корпуса гранат-лимонок. Еще рабочие отливали печные дверки и плиты. Из воспитанников создали учебные группы формовщиков. Но в смены выводили лишь ребят старшего возраста, так как рабочих мест не хватало. Лишь школьным обучением были охвачены все колонисты. Постепенно старые производственные и жилые помещения сносились. Вместо них строили современные кирпичные здания с централь-

ным отоплением. С территории жилой зоны убрали штаб, пекарню, пожарную часть и котельную. Появились ПТУ, ОГМ, стадион, здание ДПНК и другие объекты [33].

Отметим, что возникшая в конце Великой Отечественной войны колония для несовершеннолетних на современном этапе функционирования уголовно-исполнительной системы является одним из образцово показательных исправительных учреждений для несовершеннолетних.

Библиографические ссылки

1. См.: Уголовно-исполнительная система, 125 лет / Под. ред. Ю.Я. Чайки. – М., 2004. – С. 127.
2. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 325. Л. 5.
3. Мулукаев, Р.С. История отечественных органов внутренних дел: учеб. для вузов / Р.С. Мулукаев, А.Я. Малыгин, А.Е. Епифанов. – М., 2005. – С. 232.
4. Материалы Тюремного отделения. Оп. 3. Д. 1. Л. 125; Д. 1/4. Л. 94.
5. Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 157.
6. Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 158.
7. См.: Ивашов, Л. ГУЛАГ, 1941 – 1945 годы / Л. Ивашов, А. Емелин // Воспитание и правопорядок. – 1991. – № 8. – С. 41 – 43.
8. ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 23. Л. 130 – 131.
9. См.: Детков, М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России / М.Г. Детков. – М., 1999. – С. 232 – 233.
10. Там же. – С. 233.
11. ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 19. Л. 93 (об.).
12. См.: Военно-медицинская подготовка. – М., 1989. – С. 447.
13. ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 19. Л. 94.
14. См.: Пажит, Ю.Ю. Заключение, трудмобилизованные НКВД СССР и спецпоселенцы в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Ю. Пажит. – Екатеринбург, 2005. – С. 190.
15. ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 19. Л. 88.
16. См.: Пажит, Ю.Ю. Заключение, трудмобилизованные НКВД СССР и спецпоселенцы в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Ю. Пажит. – Екатеринбург, 2005. – С. 190.
17. Там же. – С. 204 – 205.
18. См.: Земсков, В. Архипелаг ГУЛАГ: глазами писателя и статистика / В. Земсков // Аргументы и факты. – 1989. – № 45.
19. См.: Полиция и милиция России: страницы истории. – М., 1995. – С. 177.
20. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 107. Л. 112 – 112 об.
21. Смыкалин, А.С. Пенитенциарная система Советской России, 1917 – начало 60-х гг. (Историко-юридическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук / А.С. Смыкалин. – Екатеринбург, 1998. – С. 227 – 228.
22. См.: Попов, В.П. Государственный террор в Советской России 1923 – 1953 гг. (Источники и их интерпретация) / В.П. Попов // Отечеств. арх. – 1992. – № 2. – С. 27.
23. Там же. – С. 28.
24. См.: Ивашов, Л. ГУЛАГ, 1941 – 1945 годы / Л. Ивашов, А. Емелин // Воспитание и правопорядок. – 1991. – № 8. – С. 42 – 43.
25. См.: Пажит, Ю.Ю. Заключение, трудмобилизованные НКВД СССР и спецпоселенцы в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Ю. Пажит. – Екатеринбург, 2005. – С. 114.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же. – С. 115.
29. Там же. – С. 115 – 116.
30. См.: Кашуба, Ю.А. Уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.А. Кашуба. – Рязань, 2002. – С. 179.
31. См.: Смыкалин, А.С. Пенитенциарная система Советской России, 1917 – начало 60-х гг. (Историко-юридическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук / А.С. Смыкалин. – Екатеринбург, 1998. – С. 227 – 228.
32. См.: Тарабин, А. Абаканская воспитательная / А. Тарабин, С. Федотов // Преступление и наказание. – 2005. – № 1. – С. 36 – 37.
33. Там же. – С. 37.

УГРОЗА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

В статье рассмотрены вопросы, связанные с историческим развитием угрозы как способа совершения преступления против собственности, начиная с Краткой редакции Русской Правды и до современного уголовного законодательства. На основе историко-правового анализа правовых памятников автор приходит к определенным выводам и показывает преемственность уголовного законодательства.

The article deals with the threat and its historical development as a kind of committing a crime against property. It covers the period from the brief survey of "Russkaya Pravda" to up-to-date criminal law. The author comes to some conclusions and shows the inheritance of criminal law. These conclusions are based on historical and law analysis of legal papers.

В литературе по истории права подчеркивается, что уже в первых правовых памятниках понятие «угроза» употреблялось в двух значениях: или в качестве деяния, или способа совершения преступления, в том числе против собственности [1]. Так, в первом значении оно употребляется, например, в ст. 9 Краткой редакции Русской Правды, предусматривавшей ответственность за угрозу обнаженным мечом без его применения («Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тыи гривну положить») [2].

Эта же норма содержалась в ст. 24 Пространной редакции Русской Правды («Аже ли вынезь меч, а не утнеть, то гривна кун») [3].

Угроза как способ совершения преступления против собственности, на взгляд автора, впервые встречается в ст. 1 Псковской судной грамоты, предусматривавшей ответственность за разбой, нападение («наход»), грабеж, которые могли сопровождаться угрозой убийством [4].

Ф.Б. Гребенкин полагает, что в этом акте говорится и о вымогательстве имущества «в виде одежды или коня волостелем – должностным лицом, осуществляющим в волости административную, финансовую и судебную функции. Требуя передачи ему имущества, он должен был оказывать на потерпевших и психическое воздействие» [5].

Вряд ли можно согласиться с такой интерпретацией положений Псковской судной грамоты. По нашему мнению, в этом случае речь идет об одной из первых попыток законодателя создать норму о вымогательстве взятки, поскольку упоминается должностное лицо.

В Соборном Уложении 1649 г. предусматривалась ответственность за угрозы убийством («а будет кто ... учнет похвалятца на кого смертным убивством» – ст. 133), уничтожением имущества путем поджога или причинением иного имущественного вреда («а будет кто на кого похвалится каким лихим делом, что он хочет дом его, или гумно с хлебом зжечь, или иной какой убыток учинити» – ст. 202) [6].

В проект Уголовного Уложения 1767 г. предлагалось включить положения об «угрозах словами, писмами против одного или против общества». Оно не вступило в силу, однако его основные положения вошли в т. XV Свода законов Российской империи, являвшегося основным источником уголовного права в первой половине XIX в.

В уголовно-правовых нормах Свода законов Российской империи термин «угроза» использовался исключительно в значении «способ совершения преступления». Пожалуй, с этого момента можно говорить о начале системного и последовательного

становления уголовно-правового статуса рассматриваемого признака в преступлениях против собственности. Угроза выступала конститутивной характеристикой разбоя (ст. 679), «воровства-грабежа» (ст. 726), вымогательства (ст. 310) [7].

В законодательстве XIX в. расширился и перечень видов угрозы. Различались обиды словами (ст. 369), письмом (ст. 370) и действием (ст. 371). В первых двух случаях угроза могла относиться к угрожаемому лицу («угрозы личные») или к его имуществу («имению»), а сущность обиды действием заключалась в угрозе потерпевшему «рукой или ногой или орудием» [8].

Уголовно-правовое регулирование угрозы и ответственности за нее получило дальнейшее развитие в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Во-первых, увеличилось количество составов преступлений, в которых она фигурировала в качестве способа совершения преступления (например, в преступлениях и проступках против «веры и о нарушении ограждающих оную постановлений» – ст. 192, 199, против порядка управления – ст. 293, против «жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц» – ст. 1526, против «прав семейственных» – ст. 1550 и др.) [9].

Во-вторых, отдельно были выделены посягательства против «собственности частных лиц», совершаемые путем угрозы (ст. 1627, 1637, 1641–1643) [10].

В-третьих, наиболее распространенные виды уголовно наказуемых угроз были объединены в специальной главе [11], что может свидетельствовать о совершенствовании законодательной техники, стремлении законодателя закрепить их в одной главе в целях облегчения применения уголовного закона.

В-четвертых, Уложение признавало наказуемыми лишь угрозы физическим насилием (лишением жизни, поджогом, иными насильственными действиями), подразделяя их: 1) на угрозы, имевшие целью принудить угрожаемого к совершению какого-либо преступления; 2) угрозы, соединенные с требованием денег или вещей, либо совершаемые с целью принудить жертву к принятию на себя каких-либо невыгодных обязательств.

В-пятых, вряд ли можно согласиться с утверждением, что «угрозы, кроме значения своего, как способа совершения преступных деяний, являются в уголовном праве еще и самостоятельным преступлением» [12]. По нашему мнению, угрозы в указанных случаях выступали исключительно в качестве способа совершения преступных деяний.

В-шестых, Уложением предусматривалась ответственность за угрозы убийством, поджогом, совершением насильственных действий, «когда к тому было присоединено требование выдать или положить в назначаемое для того место сумму денег, или вещь, или письменный акт, или что-либо иное, или же принять на себя какие-либо невыгодные обязательства, или отказаться от какого-либо законного права». Указанные деяния характеризуются корыстной целью, их основным объектом выступали имущественные права человека, поэтому нормы о них логичнее было видеть в разд. XII Уложения «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц». Угрозы в этих преступлениях, по сути, играют роль способа совершения деяний [13].

В-седьмых, Уложение выделяет угрозу, сопровождавшуюся демонстрацией «оружия, топора или иного орудия» (ст. 1263) или имитацией их применения; такая угроза признавалась «усиленной или наглядно выраженной» [14] и влекла за собой более строгое наказание по сравнению с простыми угрозами.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864 г.), в целом формулируя содержание угрозы, по сути, почти так же, как и в Уложении, исключил указание на ее корыстную и иную преступную цель. Данным уставом запрещались: 1) угрозы «причинить кому-либо насильственные действия» [15] – ст. 139; 2) угрозы «на словах» лишить кого-либо жизни или «произвести поджог» – ст. 140; 3) угрозы лишить кого-либо жизни или «произвести поджог», «когда они сделаны на письме» – ст. 141.

Уголовное уложение 1903 г. к преступлениям против собственности, совершаемым путем угрозы, относило вымогательство чужого недвижимого имущества (ст. 590).

Кроме того, выделялся шантаж (ст. 615), законодательная конструкция которого в целом сходна с современным составом вымогательства. Согласно закону, под ним понималось «... побуждение, с целью доставить себе или другому имущественную выгоду, к передаче имущества, или к уступке права по имуществу, или к вступлению в иную невыгодную по имуществу сделку, посредством угрозы оглашением вымышленных или истинных сведений ...» [16].

Позднее гл. 5 Уложения «О преступлениях и проступках по договорам и другим обязательствам» была дополнена нормой, предусматривающей ответственность за принуждение к даче обязательств (ст. 1686). Ее действие ограничивалось «сферой письменных документов, содержащих права на имущество» [17].

Анализ эволюции уголовного законодательства о регулировании угрозы вообще и угрозы в преступлениях против собственности, в частности, позволяет сделать следующие выводы:

1. Первоначально законодатель в нормативных правовых актах фиксировал наиболее простые виды угрозы (демонстрацию оружия, имитацию его применения и др.), затем – ее квалифицированные виды (угрозу убийством, уничтожением имущества путем поджога или причинением иного имущественного ущерба), соответственно произошло усиление наказания за нарушение соответствующих запретов (по законодательству Петра I за угрозу убийством предусматривалась смертная казнь).

2. Начиная со Свода законов Российской империи, угроза стала чаще использоваться в качестве способа совершения преступных деяний. В дальнейшем было конкретизировано содержание уголовно наказуемых видов угрозы, закреплены объективные и субъективные признаки посягательств, используемые законодателем и в настоящее время при конструировании аналогичных составов преступлений.

Первым советским нормативным актом, в котором упоминалась угроза, было постановление Кассационного отдела ВЦИК «О

подсудности революционных трибуналов» 1918 г. В нем давалось понятие контрреволюционного преступления как любого «...выступления, независимо от поводов, по которым они возникли, против Советов, или их исполнительных комитетов или отдельных советских учреждений ... если они сопровождалась разгромами или иными насильственными действиями или хотя бы угрозами таковых по отношению к деятельности или деятелям этих органов (курсив наш. – О. Р.)» [18].

В законодательстве первых лет советской власти угроза признавалась запугиванием, обещанием причинить зло и возможной опасностью.

УК РСФСР 1922 г. содержал положения об угрозе как в нормах Общей (например, ст. 7 и 25), так и Особенной частей [19].

В преступлениях против собственности угроза имела различное содержание и видовую принадлежность. Так, в ст. 184 УК РСФСР под психическим воздействием при разбое понимаются угрозы «смертью или увечьем». В составе же вымогательства (ст. 194 УК РСФСР) содержание указанного воздействия было иным – кроме «учинения насилия над личностью» признавалась преступной угроза истребления имущества потерпевшего. Угроза огласить позорящие потерпевшего сведения или сообщить властям о противозаконном его деянии в соответствии со ст. 195 УК РСФСР образовывала состав шантажа, отнесенного к имущественным преступлениям.

Следует заметить, что в УК РСФСР 1922 г. в качестве обязательного признака мародерства упоминалась угроза военным оружием (ст. 214).

Таким образом, анализ норм данного УК РСФСР показывает, что уголовно-правовой статус угрозы ограничивался способом совершения преступления, она не использовалась в роли самостоятельного деяния и возможного последствия посягательства.

Необходимо также обратить внимание еще на особенность данного кодекса: в нем нет четкого разграничения психического воздействия и угрозы, эти термины законодателем использованы как синонимы.

УК РСФСР 1926 г. в регулировании угрозы в преступлениях против собственности отличался от прежнего рядом положений. В некоторых нормах появилось одновременное указание на «угрозы» и «запугивание». Хотя значение этих слов является различным, упоминать их вместе вряд ли было правильно [20]. Запугивание как способ совершения преступления охватывается понятием угрозы. Это обстоятельство было учтено законодателем в последующих кодексах.

Угроза как способ совершения преступного деяния была исключена из состава разбоя (ст. 167). В результате этого были декриминализованы деяния, состоящие в нападении с целью завладения чужим имуществом, с применением психического насилия и угроз, что фактически, на взгляд автора, ослабило меры борьбы с насильственно-корыстной преступностью.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» [21] устранил указанный недостаток. В новой редакции основной состав разбоя выражался в нападении с целью завладения чужим имуществом, соединенного с насилием или с угрозой применения насилия (ч. 1 ст. 167 УК РСФСР 1926 г.). Нетрудно заметить, что данная конструкция в принципе совпадала с описанием насильственного грабежа (за исключением содержания угрозы) в УК РСФСР 1960 г. и УК РФ.

По мнению А.А. Крашенинникова, законодательное описание квалифицированного вида разбоя, соединенного с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой смертью или тяжким телесным повреждением (ч. 2 ст. 167 УК РСФСР 1926 г.), даже удачнее по сравнению с аналогичными составами «простого» разбоя в последующих уголовных кодексах. Оно точнее отражает содержание угрозы в разбое [22].

Законодатель в состав вымогательства включил шантаж. До этого времени являясь самостоятельным преступлением против собственности, он стал выступать способом совершения указанного преступления. В таком виде ст. 174 УК РСФСР предусматривала: 1) угрозу насилием над личностью; 2) угрозу оглашения

позорящих потерпевшего сведений; 3) угрозу истребления имущества потерпевшего. Впоследствии указанные виды угроз учтены законодателем в кодексах 1960 и 1996 гг.

В драматические для России годы насильственной коллективизации государство принимало жесточайшие меры для борьбы с проявлениями недовольства «кулацких элементов». Так, по постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» [23] применявшиеся «противообщественными кулацко-капиталистическими элементами» насилие и угрозы, а также подстрекательство к их применению, были приравнены к государственным преступлениям. Обращает на себя внимание тот факт, что, установив в качестве «меры судебной репрессии» лишение свободы от 5 до 10 лет с заключением в концентрационный лагерь, законодатель оперирует оценочными понятиями как насилия, так и угрозы, оставляя определение их содержания судейскому усмотрению.

Как отмечается в специальной литературе, уголовно-правовое регулирование в советский период было подчинено периодически возникавшим потребностям государства по борьбе с наиболее опасными посягательствами, например разбоем, вымогательством и т.п., что вынуждало законодателя каждый раз конструировать специальные составы угрозы [24].

В гл. 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» УК РСФСР 1960 г. был закреплен общий состав угрозы, отражающий самостоятельное преступление. Согласно ст. 207 УК РСФСР оно выражалось в угрозе убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества путем поджога, если имелись основания опасаться ее осуществления. Следует заметить, что в УК Грузинской ССР и УК Таджикской ССР говорилось об угрозе уничтожения имущества любым общепаспым способом (путем взрыва, затопления и т.п.), что представляется более удачной формулировкой, в большей степени отражающей общественно опасный способ посягательства.

В указанном кодексе значительно возросло число норм о преступлениях, которые совершались путем угрозы. В целом же угроза сохранила свое значение одного из основных способов совершения насильственных преступлений, в частности, она осталась в составах разбоя (ст. 91 и 146) и вымогательства (ст. 95 и 148).

Впервые в советском уголовном законодательстве угроза стала признаваться квалифицирующим признаком преступления, отражающим повышение степени общественной опасности посягательства.

Статьи 95 и 148 УК РСФСР, предусматривающие ответственность за вымогательство, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1989 г. были дополнены квалифицирующими признаками, в частности, угрозой убийством или нанесением тяжких телесных повреждений (части вторые указанных статей) [25].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1988 г. в УК РСФСР была введена новая норма [26]. Она имела конвенционный характер, была принята в связи с международно-правовыми обязательствами СССР, вытекающими из Конвенции о физической защите ядерного материала (Вена, 26 октября 1979 г.) [27]. Уголовно наказуемой признавалась угроза совершения хищения радиоактивных материалов и их использования, если имелись основания опасаться ее осуществления.

В дальнейшем законодатель неизменно придерживался курса на усиление ответственности за деяния, сопряженные с угрозой. В этом нетрудно убедиться, обратившись к нормам о незаконном повышении или поддержании цен путем насилия или угрозы его применения (ч. 3 ст. 154 УК РСФСР) [28] и др.

Краткий анализ советского уголовного законодательства позволяет сделать следующие выводы:

1. Угроза в нормах уголовных кодексов использовалась в качестве:

– самостоятельного преступления (причем заметна тенденция увеличения специальных составов преступлений);

– способа совершения преступного деяния (содержание угрозы, выступающей в качестве средства его совершения, в ряде случаев определялось непосредственно в законе, однако некоторые нормы содержали оценочные понятия);

– факультативного признака состава преступления (в этом случае закон не раскрывал содержания угрозы);

– возможного последствия посягательства.

По мнению Г.К. Кострова, УК РСФСР 1960 г. содержал статьи, в которых угроза как таковая не упоминалась, однако формулировка соответствующих норм и характер преступлений, описанных в них, не оставляли сомнений, что эти деяния могли быть совершены путем угроз (ч. 2 ст. 90, ст. 118, ч. 2 ст. 141, ст. 143, ч. 2 ст. 145, ч. 2 ст. 173, ст. 182, 188, 210, 227, 233, 240, 260, 267) [29].

2. В законодательных формулировках использовались различные термины: «угроза наступления ... последствий»; «угроза применения насилия»; «угроза насилием»; «угроза применения насилия, не опасного для жизни и здоровья»; «угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья»; «угроза убийством»; «угроза нанесением тяжких телесных повреждений»; «угроза причинением тяжкого телесного повреждения»; «угроза причинением телесных повреждений»; «угроза нанесением побоев»; «угроза истреблением имущества»; «угроза уничтожением имущества путем поджога»; «угроза уничтожением имущества»; «угроза повреждения имущества»; «угроза оглашения позорящих сведений»; «угроза дальнейшим удержанием лица в качестве заложника»; «угроза совершить хищение», «угроза использовать радиоактивные материалы».

3. Уголовный кодекс РФ в основном воспринял указанные составы преступлений и использовавшиеся в прежнем законодательстве термины, что отражает преемственность уголовного права. Лишь некоторые из них подверглись незначительным изменениям и дополнениям исходя из новых экономических, политических и социальных реалий.

Примечания

1. См. об этом подробно: Фомичева, М.А. Угроза как способ совершения преступления (основание криминализации, виды и характеристика) / М.А. Фомичева. – Владимир, 2007.
2. Российское законодательство X – XX веков / Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., 1984. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – С. 47.
3. Там же. – С. 65.
4. Там же. – С. 331 – 332, 345 – 346.
5. Гребенкин, Ф.Б. Психическое насилие в российском и зарубежном уголовном законодательстве / Ф.Б. Гребенкин. – Киров, 2004. – С. 6.
6. Российское законодательство X – XX веков / Под общ. ред. И.И. Чистякова. – М., 1985. – Т. 3. Акты Земских соборов. – С. 120 – 121, 135.
7. Свод законов Российской империи. Законы уголовные. – СПб., 1833.
8. Там же.
9. Российское законодательство X – XX веков / Под общ. ред. И.И. Чистякова. – М., 1988. – Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. – С. 214, 216, 243, 267 – 268, 278 – 281, 294 и др.; Нумерация ст. 1526, 1550 приведена по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных (издание 1885 г.).
10. Нумерация статей приводится по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных (издание 1885 г.).
11. Глава IX «О угрозах» входила в разд. X «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц» (Российское законодательство X – XX веков. – М., 1988. – Т. 6. – С. 167).
12. Белогриц-Котляревский, Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части / Л.С. Белогриц-Котляревский. Киев, 1882. – С. 379.
13. См. об этом подробно: Неклюдов, Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. В 4 т. Т. 1. Преступления и проступки против личности. – СПб., 1876. – С. 95 – 98; Т. 2. Преступления и проступки против собственности. СПб., 1876. – С. 636 – 645.
14. См. об этом подробно: Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1 / Н.С. Таганцев. – М., 1994. – С. 625.
15. Там же. – С. 220.
16. Цит. по: Познышев, С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложения / С.В. Познышев. – М., 1912. – С. 274.
17. Там же. – С. 270.
18. Изв. ВЦИК. – – 6 окт. 1918.
19. Собр. узаконений РСФСР. – 1922. – № 15.
20. См. об этом подробно: Андреева, Л.А. Состав преступления изнасилования в советском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук / Л.А. Андреева. – Л., 1962. – С. 81 – 82.
21. Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1947. – № 19.
22. Крашенинников, А. А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / А.А. Крашенинников. – Ульяновск, 2002. – С. 66 – 68.
23. Собр. законодательства СССР. – 1932. – № 62. – ст. 14.
24. См. об этом подробно: Лукьянова, И.В. Угроза как преступление: социальная обусловленность криминализации и проблемы ответственности / И.В. Лукьянова. – Калуга, 2004. – С. 29 – 60.
25. Ведомости Верхов. Совета РСФСР. – 1989. – № 3. – Ст. 50.
26. Об уголовной ответственности за незаконные действия с радиоактивными материалами: указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 30 марта 1988 г. // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. – 1988. – № 14. – Ст. 396.
27. Князькина, А.К. Конвенциональные преступления в Уголовном кодексе РФ и международных актах / А.К. Князькина, А.И. Чуцаев. – М., 2007. – С. 236; Сборник международных договоров СССР. – М., 1989. – Вып. XLIII.
28. Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 32. – Ст. 1231.
29. Костров, Г.К. О содержании угроз в уголовном законе / Г.К. Костров // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11. Право. – 1970. – № 4. – С. 55.

ПРОБЛЕМНО-МОДУЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Статья посвящена одной из наиболее приспособленных к условиям вуза, а потому и наиболее востребованных в настоящее время технологий обучения – модульному обучению. Модуль можно рассматривать как программу обучения, индивидуализированную по содержанию, методам обучения, уровню самостоятельности, темпу учебно-познавательной деятельности обучающихся.

Article devoted to one of the tailor-made or institute of higher education (college) and that's why one of the more claiming nowadays education technology – module education. Module consider to be educational program with individual content, educational methods, level of students' independence, rate of their cognitive activity.

Инновационные технологии в образовании – актуальная тема последних лет.

Процесс обучения любому делу сложный и многоступенчатый. В обучении должна быть предусмотрена возможность выбора индивидуального пути и самооценки результата. Программа обучения должна быть не прямым «тоннелем», а иметь планетарную структуру [1].

Работа с содержанием учебной дисциплины для каждого преподавателя – наиболее важный элемент профессиональной деятельности.

Если раньше кафедра, являясь интеллектуальным цехом, разрабатывала программы, действующие несколько лет, а преподаватель имел возможность, разработав тему, спокойно пользоваться своими лекциями из года в год, то сейчас все изменилось. Дисциплины то укрупняются, то дробятся, приходится составлять новые программы. Появляются неизвестные ранее курсы, под которые надо подбирать содержание, его структурировать, методически обеспечить и организовывать усвоение информации студентами. В этих условиях преподавателю высшей школы трудно быть добросовестным, обеспечивать качество образования, не владея на высоком уровне образовательными технологиями. Если вместе с тем взять на себя ответственность за качество усвоения информации студентами, слушателями, за их профессиональную подготовку, то не всякий за эту работу возьмется.

Выбор технологии обучения, как верно замечает Н.Р. Журбина, определяется типом учебного заведения, целями и спецификой подготовки специалистов, опытом и пристрастиями преподавателя [2]. Одной из наиболее приспособленных к условиям вуза, а потому и наиболее востребованных, является технология модульного обучения. Модульный подход ориентирован на создание специальных программ, имеющих четко заданные цели, хорошее методическое обеспечение и оптимизирующих процесс обучения по определенному набору показателей.

О технологии в педагогике стали говорить, начиная с 60-х гг. прошлого века, и вызвано это коренными изменениями в системе высшего образования, произошедшими в первой половине XX в. Высшее образование в России, как и во всем мире, стало массовым. Обучать студентов так же, как учили раньше, стало невозможно.

С другой стороны, в связи со скачкообразным развитием науки, техники и производства, в XX в. резко возросли требования к уровню и качеству высшего образования. Все это потребовало новых подходов и идей в области образования. Одним из таких новых подходов и является использование различных технологий обучения. Учить технологично – значит учить воспроизводимо, надежно, достигая намеченных целей. Маловероятно, что обучающая технология поможет воспи-

тать в стенах вуза большое количество выдающихся ученых. Ее задачи другие – обеспечить высокий средний уровень образования, избежать ошибок в практическом преподавании. Технология обучения проектирует учебный процесс адекватно образовательным целям.

Следует отметить, что не все педагоги одобряют идею технологизации процесса обучения. Некоторые из них убеждены, что технологии утверждают рассудочные (низкие) формы мысли, массовую (низкую, а не высокую) культуру, искусство; развитие уникального творческого ума подменяют эрудицией – многознанием. Такие формы не научают уму, мудрости, а ведут к бюрократизации сферы управления, «силовым» методам решения социальных и мировых проблем. Несмотря на категоричность и некоторую односторонность этого мнения, нельзя не согласиться с тем, что технологизация обучения при чрезмерном увлечении ею может привести и к отрицательным результатам. Чтобы этого не произошло, нужно помнить, что: 1) педагогические технологии – это только один из способов повышения эффективности педагогического процесса; 2) целесообразность использования той или иной технологии обучения определяется в каждом конкретном случае целями обучения и условиями их реализации.

Новыми образовательными технологиями должны стать проблемно-модульные лекционные курсы, сопровождающиеся практическими занятиями (семинарами) – кейс-стади.

Модуль – это целевой функциональный узел, в котором учебное содержание и технология овладения им объединены в систему высокого уровня целостности. Модуль можно рассматривать как программу обучения, индивидуализированную по содержанию, методам обучения, уровню самостоятельности, темпу учебно-познавательной деятельности обучающихся. Каждый модуль имеет свою дидактическую цель.

Это означает, что:

- в модуле излагается принципиально важное содержание учебной информации;
- дается разъяснение к этой информации;
- определяются условия погружения в информацию;
- приводятся теоретические задания и рекомендации к ним;
- указаны практические задания.

В теории и практике модульного обучения исследователями приводится соотношение в модуле практического к теоретическому материалу как 80 к 20 %. Ценность модульной системы обучения в том, что она, воспитывая умение самостоятельно учиться, развивает рефлексивные способности учащихся.

Модульное обучение в системе воспитательных технологий является новаторской методикой. Образование проходит не в среде конкуренции, где происходит оценка знаний каждого участника, а в партнерском взаимодействии, которое позволяет усилить ценностный уровень использования технологий программы. Модульная система предполагает разнообразие методов обучения – дискуссию, брейнсторминг, мини-лекцию, метод кейсов, тренинговые упражнения. Также необходимо заметить, что использование интерактивных методов обучения (ролевые и деловые игры) дает участникам уникальную возможность создания и развития комплекса навыков по рассматриваемой в каждом модуле теме. Инновация – нововведение в области техники, технологии, а также создания продукции и услуги, организации труда или управления, готовое к внедрению и основанное на использовании достижений науки, новых идей и передового опыта предприятий, обеспечивающее качественное повышение эффективности производства.

Для юридического образования представляется возможным и полезным соединить в единый модуль казалось бы несоединимые дисциплины. Например, такие, как финансовое право, банковское право, уголовное право и криминалистика. При этом все дисциплины преподаются на разных кафедрах и в разные годы обучения.

Разработка модулей по юридической специальности лишь начата. Предстоит большая работа для достижения тех целей и задач, которые ставятся перед новыми образовательными технологиями.

Итак, современная жизнь ставит перед системой образования серьезные задачи эффективной подготовки людей к трудовой деятельности в условиях научно-технического прогресса. Практика и результаты деятельности образовательной системы показывают необходи-

мость новых подходов к совершенствованию педагогического процесса, заключающихся в его интенсификации, повышении качества обучения, самостоятельности обучающихся, индивидуализации содержания обучения. Одним из способов повышения эффективности педагогического процесса является использование различных технологий обучения. Одним из самых востребованных в настоящее время является модульный способ обучения.

Библиографический список

1. Громкова, М.Т. Андрагогика. Теория и практика образования взрослых / М.Т. Громкова. – М.: Юнити-Дана, 2005. – 496 с. – ISBN 5-238-00823-6.
2. Журбина, Н.Р. Проблемно-модульная технология преподавания уголовно-процессуального права в высшем учебном заведении / Н.Р. Журбина // Вестн. ТИСБИ. – 2004. – № 2.

УДК 347.157

Д.Н. Мешков

кандидат юридических наук

доцент кафедры гражданского права и процесса

А.А. Корсаков

студент факультета права и психологии

(специальность – юриспруденция)

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОЛНОСТЬЮ ДЕЕСПОСОБНЫМ

В рамках данной статьи авторы раскрывают особенности судебного порядка объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным. Указывают, что институт эмансипации несовершеннолетних – не произвольная искусственная конструкция, но необходимый организационно-нормативный регулятор, обусловленный новым экономическим укладом России. Раскрывают сущность эмансипации несовершеннолетнего. Анализируя процессуальные особенности данного института гражданского права, выделяют обстоятельства, которые должны входить в предмет доказывания в ходе судебного разбирательства.

In this article writers examine the peculiarities of judicial proceeding of declaration of the adult sui juris. They point out that the institution of emancipation of minors is not an optional artificial construction but indispensable organizational regulatory benchmark according to the new economic structure of Russia. Writers expose the essence of the emancipation of minors. Analyzing procedural features of this institution of civil law, authors of the article lay special emphasis on facts that must be included in the circumstance in proof during the judicial examination.

Институт эмансипации несовершеннолетних – не произвольная искусственная конструкция, являющаяся плодом субъективных устремлений авторов проекта действующего ГК РФ. Дозволение несовершеннолетнему собственнику обрести полную дееспособность в порядке эмансипации не только и столько «своеобразная дань процессу стремительно развивающегося предпринимательства» [1], но необходимый организацион-

но-нормативный регулятор, обусловленный новым экономическим укладом нашей страны и биосоциальной природой человека.

Сущность эмансипации состоит в том, что несовершеннолетний, достигший шестнадцатилетнего возраста, может быть объявлен полностью дееспособным, если работает по трудовому договору (контракту) или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской

деятельностью, о чем говорят нам положения ст. 27 ГК РФ. Объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным существенно изменяет гражданско-правовой режим его участия в торговом обороте. Отныне он вправе самостоятельно совершать любые сделки, согласие его родителей не имеет какого-либо правового значения. Законные представители не отвечают по обязательствам эмансипированного, в том числе и по обязательствам из причинения вреда. Он не может приобретать лишь те субъективные права и обязанности, для приобретения которых федеральным законом установлен возрастной ценз. В этом случае ч. 3 ст. 55 Конституции РФ допускает эти «возрастные» ограничения [2].

Согласно ст. 21 ГК РФ полная дееспособность возникает при достижении совершеннолетия, т.е. с 18 лет. Гражданское и семейное законодательство предусматривает несколько исключительных случаев, когда полная дееспособность возникает ранее. Так, полная дееспособность приобретается:

- при вступлении в брак до достижения совершеннолетия. Приобретенная в результате заключения брака дееспособность сохраняется в полном объеме и в случае расторжения брака до достижения 18-летнего возраста. Однако при признании брака недействительным суд может, но не обязан, принять решение об утрате несовершеннолетним супругом полной дееспособности с момента, определяемого судом (ст. 21 ГК РФ);

- в случае объявления несовершеннолетнего (достигшего 16-летнего возраста) эмансипированным, если он работает по трудовому договору, в том числе по контракту, или с согласия родителей, усыновителей (попечителя) занимается предпринимательской деятельностью. Такое объявление производится по решению органа опеки и попечительства с согласия обоих родителей, усыновителей (попечителя) либо при отсутствии такого согласия по решению суда.

Процедура эмансипации, итогом которой являются столь существенные изменения статуса подростка, инициируется не иначе как по его прямому волеизъявлению, которое должно быть зафиксировано в его письменном заявлении в орган опеки и попечительства (орган местного самоуправления). В случае отказа органа местного самоуправления вы-

нести постановление об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным, подросток может обратиться в суд с соответствующим заявлением. При этом необходимо в обязательном порядке соблюсти два условия, которые содержатся в ч. 1 ст. 287 ГПК РФ.

1. В суд должен обратиться от своего имени только несовершеннолетний, который получил отказ в объявлении эмансипированным. Подача заявления либо ведение дела через представителя невозможны, т.к. способность поручать ведение дела в суде представителю принадлежит в полном объеме только гражданам, достигшим возраста 18 лет. Иными словами, в соответствии с ч. 1 ст. 37 ГПК РФ несовершеннолетние не обладают процессуальной дееспособностью. Однако в случаях, предусмотренных законом, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе лично защищать в суде свои права, о чем указано в ч. 4 ст. 37 ГПК РФ. Также это важно в виду того, что в ходе этой процедуры будет разрешаться вопрос, имеющий самое непосредственное отношение к осуществлению его конституционного права на занятие экономической деятельностью в силу ст. 34 Конституции РФ.

2. Это условие связано с правилом территориальной подсудности, а именно – подросток обращается с заявлением в районный суд по месту своего жительства. Местом жительства должно быть признано место его постоянной или временной регистрации.

Заявление об эмансипации несовершеннолетнего должно быть рассмотрено с участием самого заявителя, родителей (одного из них), усыновителей (одного из них), попечителя, представителя органа опеки и попечительства, прокурора. В данном случае обязательно, чтобы родители не были лишены родительских прав [3].

Необходимо также отметить, что при установлении факта отказа органа опеки и попечительства в эмансипации следует обжаловать действия названного государственного органа по правилам гл. 25 ГПК, хотя в литературе встречается иная точка зрения. Её сторонники склоняются к тому, что отказ органа опеки и попечительства должен быть обжалован в порядке гл. 32 ГПК РФ [4]. Данное мнение представляется ошибочным в виду того, что отказ в эмансипации сам по себе является решением органа опеки и попечительства и мо-

жет приравняться к их административным действиям, следовательно, данное действие, в случае несогласия с ним, может быть обжаловано в суде и рассмотрено в порядке производства по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих. Этот порядок возможен только лишь в том случае, когда несовершеннолетний «формально» подпадает под все критерии объявления эмансипированным и имеется согласие родителей (попечителей), но орган опеки и попечительства все равно отказал в эмансипации. Другой вопрос, когда отказ мотивирован отсутствием согласия родителей (попечителей), либо одного из них. Тогда более правильным будет подача заявления в суд и его рассмотрение по правилам гл. 32 ГПК РФ.

Если же родители выразили согласие на эмансипацию несовершеннолетнего уже в период рассмотрения дела об эмансипации в суде в порядке гл. 32 ГПК РФ – производство по делу прекращается на основании ч. 1 ст. 134 ГПК РФ и разрешается во внесудебном порядке, т.е. посредством обращения в орган опеки и попечительства.

При рассмотрении такой категории гражданских дел важно установить те обстоятельства, которые имеют материально-правовое значение, без которых нельзя правильно разрешить дело по существу и которые составляют основание требований заявителя. К ним можно отнести:

1) возраст несовершеннолетнего (от 16 до 18 лет);

2) факт работы по трудовому договору, контракту или факт занятия предпринимательской деятельностью. В последнем случае для этого должно быть установлено согласие родителей, усыновителей, попечителей. Если несовершеннолетний занимается предпринимательской деятельностью, то требуется установить не только факт регистрации его в качестве индивидуального предпринимателя, но и занятие данной деятельностью систематически;

3) отсутствие согласия родителей, усыновителей (попечителя) несовершеннолетнего на его эмансипацию. Достаточно несогласия с эмансипацией несовершеннолетнего одного из родителей;

4) отсутствие спора о праве.

Следует отметить, что в нормах ГПК РФ отсутствует примерный минимальный перечень документов, на которые может ссылаться заявитель в обоснование своего заявления об объявлении его полностью дееспособным, что создает определенные трудности в применении нормы института эмансипации.

Можно предположить, что для обеспечения положительной судебной перспективы в такого рода делах заявителям необходимо предоставлять в суд в подтверждение своих правовых притязаний следующие доказательства:

- копию свидетельства о рождении, паспорт несовершеннолетнего;

- трудовой договор или контракт между работодателем и несовершеннолетним или регистрацию его в качестве индивидуального предпринимателя без образования юридического лица, при этом выполнение работы по договору или осуществление предпринимательской деятельности должно носить постоянный, а не временный характер;

- документы о налогообложении несовершеннолетнего как индивидуального предпринимателя;

- показания родителей несовершеннолетнего о несогласии на его эмансипацию;

- иные доказательства, к коим можно отнести, например, характеристику с места учебы, работы или жительства, документы об образовании, сведения об имуществе заявителя.

Представляется, что, вынося решения об удовлетворении либо отклонении заявления несовершеннолетнего об объявлении его полностью дееспособным, суд должен руководствоваться как субъектным (уровнем интеллектуального развития, психической зрелости, уравновешенности характера, склонности к совершению противоправных действий и иными аспектами личности заявителя), так и объектным (экономической состоятельностью) критериями. Правоприменитель должен убедиться в том, что психическое развитие ребенка, уровень жизненного опыта позволяют ему участвовать в гражданских правоотношениях, не прибегая к помощи родителей при совершении сделок, выяснить мотивы эмансипации, определить, является ли волеизъявление ребенка свободным, осознанным либо вынужденным (интеллектуальный, личност-

ный критерий). Все эти характеристики должны, в первую очередь, подтвердить готовность несовершеннолетнего к решению различных задач, возникающих при занятии предпринимательской деятельностью, а также осознание самим несовершеннолетним необходимости отвечать за свои действия. Вполне вероятно, например, что родители, не желая нести субсидиарной ответственности по деликтным обязательствам своего отпрыска, «уговорили» его подать заявление об эмансипации. Может выясниться, что работодатель несовершеннолетнего является подлинным инициатором предстоящей эмансипации, полагая, что эмансипированному несовершеннолетнему легче зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, нежели подростку с неполной (частичной) дееспособностью, рассчитывает после легитимации ребёнка в качестве предпринимателя заключить с ним договор о совместной деятельности или подраде, таким образом «спрятав», имеющиеся между ними трудовые отношения.

В заключение необходимо отметить, что в силу ст. 289 ГПК РФ суд, рассмотрев по существу заявление об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным, принимает решение, которым, как говорилось выше, удовлетворяет или отклоняет просьбу

заявителя. При удовлетворении заявленной просьбы несовершеннолетний, достигший возраста 16 лет, объявляется полностью дееспособным (эмансипированным) со дня вступления в законную силу решения суда об эмансипации. Отклонение же просьбы заявителя само по себе не может препятствовать повторному обращению в суд с той же просьбой при условии появления новых оснований для объявления несовершеннолетнего гражданина полностью дееспособным.

Библиографические ссылки

1. Могилевский, С.Д. Акционерные общества: учеб.-практ. пособие / С.Д. Могилевский. – 3-е изд. – М., 2000. – С. 46.
2. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса РФ : постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 01 июля 1996 г. № 6/8 // СПС «Консультант-плюс». – П. 16.
3. «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» : постановление Пленума ВС РФ от 27 мая 1998 г. № 10 // СПС «Консультант-плюс». – П. 14.
4. Жилин, Г.А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу / Г.А. Жилин. – М., 2003. – С. 206.

УДК 331.101.3:340.132.1

О.Е. Савельева
ассистент кафедры
гражданского права и процесса

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

В условиях рыночных отношений конкурентоспособность молодого специалиста-юриста на рынке труда определяется не только уровнем профессиональных знаний, но и его широкой разносторонней гуманитарной культурой, знанием общества, умением жить в нем на основе общепринятых норм культуры, где ценят не только деловые, но и нравственные качества юриста, его честность, ответственное отношение к делу, умение находить общий язык с разными людьми на основе общечеловеческих норм нравственности, терпимости и взаимопонимания.

In conditions of market relation competitiveness of young specialist in law in labour-market will be determined not only level of professional knowledges, but of his many-sided humanitarian culture, knowledge of society, ability to live in it with the rules of culture, where moral qualities are value like business one. Nowadays lawyer must be honest, responsible for the case, can find tongue with different people on the base of humanitarian rules of moral, tolerance and common understanding.

Юридическое образование сегодня – это развитие творческого потенциала личности, которое становится реальностью психолого-педагогического процесса. Много нового появилось в образовательном учреждении, которое можно классифицировать в соответствии с системно-аналитическим подходом: инновации в содержании образования, в методиках, технологиях, методах, приемах, средствах учебно-воспитательного процесса, в его организации, в управляющей системе вуза, в источниках финансирования.

Если в период классической индустриализации роль физической работы уменьшалась, роль знания несколько увеличивалась, а значение капитала значительно возросло, то в постиндустриальном обществе, которое характеризуется как информационно-инновационное, соотношение трех названных факторов существенно меняется. Знание становится наиболее значительным фактором, менее значимым становится капитал, физическая работа – очень малозначимый фактор. Современная цивилизация в отличие от традиционных обществ уже не может вооружить подрастающие поколения готовой системой специализированных умений и знаний, необходимых для полноценного выполнения разнообразных видов общественно-трудовой деятельности. Во всем мире растет осознание ценности образования как фактора благосостояния общества, его конкурентоспособности и стабилизации. Юридическое образование в различных социально-политических условиях выступает стабилизирующим фактором между новыми социальными представлениями и идеалами предшествующих поколений, воплотившихся в исторических традициях. В условиях радикального изменения идеологических воззрений, социальных представлений, идеалов бытия людей в целом именно образование не только выполняет стабилизирующую функцию, но и способствует адаптации человека к новым жизненным условиям.

Следовательно, наметилось отдаление от многих представлений, которые «поддерживали» классическую парадигму образования эпохи индустриализма, и переход к образованию, главной ценностью которого является креативная личность.

Креативность – это творческие возможности (способности) человека, которые могут проявляться в мышлении, чувствах, общении, отдельных видах деятельности, характеризовать личность в целом и/или ее отдельные стороны, продукты деятельности, процесс их создания. Разработка и внедрение в учебный процесс новых педагогических технологий способствуют развитию креативности – творческого мышления и творческих качеств личности студентов. Только личностное знание является духовным знанием. Духовным оно становится тогда, когда оно превращается в личностно значимое (Смирнов, С.Д. Педагогика и психология высшего образования от деятельности к личности. – М., 1995. – С. 154).

В современном обществе очень важно говорить о креативности образовательной среды, в которой должны быть реализуемы механизмы преодоления препятствий творческого мышления: конформизма, цензуры, ригидности, чрезмерно высокой мотивации скорейшего достижения результата. Естественно, все эти препятствия – продукт определенного социокультурного развития, их наличие свидетельствует о некотором социокультурном фильтре, не допускающем поток псевдоноваций, и абсолютное игнорирование их есть не что иное как вырождение культуры, ее репрессивной функции, благодаря которой и возможно своевременное ограничение возможностей внедрения псевдоноваций, которые направлены не на созидание, а на разрушение.

Безусловно, воздействие на развитие креативности как личностного качества должно идти через определенный комплекс условий микросреды: высокую степень неопределенности и потенциальную многовариантность (богатство возможностей). Неопределенность стимулирует поиск собственных ориентиров, а не принятие готовых; а многовариантность обеспечивает возможность их нахождения. Предметно-информационная обогаченность, низкая степень регламентации поведения, возможность усвоения эвристических методов в обучении позволяют создать наиболее благоприятный климат для развития творческого мышления.

Граница между традиционным и современным образованием проходит, прежде всего, на противопоставлении обучения и образования, которые в действительности не ис-

ключают, а дополняют друг друга. Обучение и образование – это социально-педагогическая реальность. Они отличаются и по целям, и результатам. Обучение дает алгоритм деятельности, а образование развивает творческий потенциал.

Таким образом, отличает указанные два типа педагогического процесса:

- обучение в режиме функционирования дает сумму знаний, умений, навыков, а образование в инновационном режиме кроме знаний, умений, навыков обеспечивает условия развития личности, его творческого потенциала и коммуникативных способностей. Очевидно, одним из главных препятствий для адаптации в условиях радикального изменения социокультурной и политико-экономической среды является низкий уровень способностей отношенческого поведения, требующего свободы выбора и независимости в принятии решения;

- обучение, нацеленное на сумму знаний, умений, навыков, хотя и предполагает дальнейшее повышение квалификации, тем не менее не ставит своей целью развитие потребности и способности к непрерывному самообразованию; образование же, осуществляемое в инновационном режиме, развитие когнитивных способностей рассматривает в единстве с личностными качествами в целом.

Задача юридического образования сегодня – преподавать новые методологические ориентиры, в частности, обосновать суть нового подхода к управлению, который заключается в том, что он ориентирован не на внешнее воздействие и не на его силу, а на согласованность с собственными тенденциями самоструктурирования нелинейной среды, не на желания, намерения субъекта деятельности, а на собственные законы эволюции открытой нелинейной среды.

УДК 342.5

О.К. Абрамова

*старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Данная статья посвящена актуальным проблемам государственного устройства России, связанным с регулированием предметов совместного ведения органами государственной власти РФ и её субъектов. Автор раскрывает проблему на примере Российской Федерации и Владимирской области.

The article deals with the important problems of State organization in Russia. Many questions are arised today, such as federative relations between the Russian Federation and its federative subjects and their authorities. The author of the article shows the samples of cooperation between the Russian Federation and Vladimir Region.

Федеративное устройство России закреплено в Конституции РФ 1993 года, где в ст. 4, 5, 15, 71 – 73 [1] установлены следующие принципы: государственный суверенитет РФ; единство системы государственной власти; равноправие субъектов РФ; единство конституционного пространства; разграничение предметов ведения между РФ и субъектами

РФ; разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ; полнота государственной власти субъектов РФ вне пределов ведения РФ и полномочий РФ по предметам совместного с её субъектами ведения; равноправие и самоопределение народов в РФ.

Фактически установлены две взаимосвязанные системы органов государственной власти – федеральная и субъектов РФ, обладающие собственными полномочиями и одновременно предметами совместного ведения. Фактором, затрудняющим разграничение компетенции между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации, является само определение предметов совместного ведения, что впоследствии отражается на экономических и иных интересах участников отношений.

Так, в организации конструктивного взаимодействия равноуровневых органов власти более детальной проработки заслуживает проблема согласования и взаимного учета интересов центральных и региональных структур государственного управления, отражённая в 72-й и других статьях Конституции РФ. Поэтому более 60 % федеральных законов, регулирующих отношения в сфере экономики, природопользования и социального развития, устанавливают для решения отдельных вопросов обязательность согласованных действий федеральных и региональных органов власти, а каждый 20-й закон к тому же определяет необходимость соответствующих согласований и с органами местного самоуправления. Что касается субъектов РФ, то более 80 % их законов предусматривают те или иные формы взаимодействия органов власти субъектов РФ с органами местного самоуправления. Именно поэтому возникает вопрос о механизмах обеспечения согласованного взаимодействия между органами публичной власти всех уровней, который, на наш взгляд, в настоящее время урегулирован в РФ недостаточно, хотя и насчитывает несколько тысяч актов. Существующий массив российского законодательства (федерального и регионального уровней) отражает различные политические и правовые подходы к решению социально-экономических проблем, возникающих на разных этапах проводимых в России реформ. В ряде случаев допускались отступления от принципов федерализма, в том числе неадекватное перераспределение предметов ведения Российской

Федерации и разбалансированность предметов совместного ведения РФ и её субъектов, как в форме сужения федеральными актами компетенции субъектов РФ, так и в форме регулирования субъектами РФ предметов федерального ведения [4].

Можно привести конкретные примеры сужения компетенции субъектов РФ. Например, во Владимирской области, активно развивающей придорожный сервис, актуальной является проблема перевода земельных участков из одной категории в другую. Для этого в каждом конкретном случае необходимо решение Правительства РФ. Совершенно очевидно, что такую задачу более оперативно, грамотно и поэтому эффективно могут решать региональные органы власти. Ст. 72 Конституции РФ определяет в совместном ведении вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами. Во Владимирской области администрация области взаимодействует по этим вопросам с Главным управлением природных ресурсов во Владимирской области Минприроды РФ (сейчас находится в стадии реформирования). Практика показывает, что отсутствует четкое разграничение полномочий между федерацией и областью. В результате хозяйствующие субъекты, подавая заявку на предоставление водных объектов в пользование, «обрекают» себя на хождение в восемь различных организаций, в числе которых территориальные структуры федеральных органов государственной власти, органы исполнительной власти субъекта. На это тратится от 5 до 12 месяцев. Двухступенчатая процедура предоставления водного объекта в пользование снижает оперативность и порождает дополнительные административные барьеры. При этом кроме территориальных органов, расположенных в области, приходится обращаться еще и в бассейновые инспекции, курирующие ряд субъектов РФ. Нельзя не отметить, что сегодня различными ведомствами формируются информационные системы учета – так, территориальные федеральные исполнительные органы ведут земельный кадастр, учет недвижимости. В субъектах РФ

накапливается информация об инженерных коммуникациях, транспортных магистралях, существует градостроительный кадастр. В целях упрощения бюрократических процедур по инициативе губернатора Владимирской области несколько лет ведется планомерная работа по созданию системы, работающей по принципу «Одно окно». Однако форматы и классификаторы банков данных всех объектов кадастров информации не являются едиными. В каждой службе существуют ограничения доступа к информации. В результате наибольшее распространение она получила только в г. Владимире.

В настоящее время основным законодательным актом, призванным конкретизировать ст. 72 Конституции РФ путем урегулирования взаимоотношений между федерацией и ее субъектами в сфере реализации полномочий по предметам совместного ведения, является ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [2]. В нем определен круг полномочий органов государственной власти субъектов РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ. Что касается возможности заключения договоров о разграничении полномочий, то она ограничена рядом условий. Договоры и соглашения не должны подменять, а тем более разрушать федеральное законодательство. Они могут содержать лишь положения, обусловленные спецификой субъекта федерации, с которым данный договор (соглашение) заключается, политические и экономические особенности региона.

Разговор об использовании такой формы регулирования отношений между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ как соглашение о передаче осуществления части полномочий позволяет упорядочить взаимодействие между федеральными органами исполнительной власти, их территориальными органами и органами исполнительной власти субъектов РФ, а в ряде случаев – учесть региональные особенности [4].

В то же время ни в новой редакции вышеуказанного федерального закона, ни в других федеральных актах не определен порядок осуществления исполнительных полномочий по предметам совместного ведения. На наш взгляд, именно это позволило бы избежать дублирования деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ.

Как известно, задачи и функции каждого уровня власти определяются в федеральных законодательных актах, принимаемых по предметам совместного ведения РФ и ее субъектов. Практически каждый из них регулирует вопросы не только разграничения полномочий, но и взаимодействия равноуровневых органов государственной власти. Но при этом ни в одном не содержится конструктивных, операциональных и универсальных механизмов организации взаимодействия. В этой связи нельзя оставить без внимания важнейший вопрос о содержании самого предмета совместного ведения и о компетенциях сторон при участии в этом процессе. Практика федеративных отношений содержит много примеров разночтений по поводу конституционных формулировок: «общие вопросы», «установление общих принципов» и т.п. Однако вопрос о том, что является «общими» вопросами, принципами остается открытым. Еще одна важнейшая проблема состоит в том, что на данном этапе главным становится не решение частных вопросов, а установление самой процедуры согласования интересов: порядка взаимодействия соответствующих органов, способов принятия ими согласованных решений, юридических форм этих решений, норм ответственности за их исполнение, форм и методов контроля и т.д.

Так, в совместном ведении РФ и субъектов России находится жилищное законодательство. Существующая система предусматривает разделение государственных полномочий по вопросам ценообразования, экспертизы проектов в зависимости от того, за счет каких бюджетов ведется строительство. В результате владимирские строители, осваивающие

федеральные бюджетные средства, вынуждены в Москве проводить экспертизы проектов, согласовывать расценки на работы, хотя подобные организации созданы во Владимире и выполняют заявки строительных организаций по областным и муниципальным объектам.

Другим примером несогласованности при решении общегосударственной задачи, прямо затрагивающей интересы субъектов РФ, стала практика разработки общероссийских программ. В течение последних десяти лет Правительством РФ был разработан ряд экономических программ развития страны. Они должны были стать принципиально важными, однако на практике имели скорее декларативный характер и выступали необходимым условием для получения кредитов международных финансовых организаций. Рассмотрение программ было формальным, они не утверждались ни Президентом РФ, ни Парламентом и не выступали в качестве основы для назначения новых правительств и т.д. Ни одно Правительство РФ публично не отчиталось о результатах своей деятельности ни перед главой государства, ни перед законодательной властью. Хотя этот механизм установлен с внесением изменений в действующую Конституцию РФ в 2008 г., однако пока субъекты РФ исключены из процесса обсуждения этих программ и итогов их реализации.

Позитивную роль при совершенствовании механизма взаимодействия федеральных и региональных органов власти может сыграть расширение практики передачи органам исполнительной власти субъектов РФ осуществления части полномочий территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти. Заключение соответствующих соглашений прямо предусмотрено ч. 2 ст. 78 Конституции РФ. Однако Правительство РФ до настоящего времени не определило порядок подготовки и заключения соглашений между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ.

Одним из вариантов введения в практику передачи исполнительным органам

государственной власти субъектов РФ осуществления части полномочий, которыми в настоящее время обладают территориальные органы федеральной власти, может быть создание в структуре органов государственной власти органа, руководитель которого назначается и увольняется главой субъекта федерации по согласованию с соответствующим федеральным органом власти. При неудовлетворительном исполнении возложенных на него функций и/или ненадлежащем исполнении федерального законодательства указанные органы полностью переподчиняются соответствующему федеральному исполнительному органу (министерство, ведомство и т.п.). В этом случае назначение и увольнение руководителей территориальных органов должно осуществляться по согласованию с субъектами федерации. Это связано и с тем, что особой зоной согласования интересов и взаимодействия федеральных и региональных органов власти является предупреждение или разрешение конфликтных ситуаций, возникающих при одностороннем вторжении одного уровня власти в предмет их совместной компетенции. Чаще всего это проявляется в федеральных законах, где РФ в своих регулятивных действиях выходит далеко за пределы «общих вопросов» и определяет единый порядок конкретных действий по решению этих вопросов на территории всех субъектов РФ. Дополнительную регулятивную конкретизацию осуществляют различные федеральные министерства и ведомства в издаваемых ими соответствующих подзаконных актах.

Однако в этой связи возникают проблемы согласования интересов в бюджетной сфере, которые чрезвычайно разнообразны и имеют серьезное влияние на социально-экономическое развитие страны. К примеру, при формировании доходной части бюджета субъекты РФ постоянно сталкиваются с ограничениями в предоставлении информации от федеральных налоговых органов. Речь идет о динамике поступлений налогов, являющейся конфиденциальной информацией Федеральной налоговой службы. Как, не имея данных

по сбору налогов по предприятиям и организациям, регион может качественно сформировать бюджет и управлять финансовыми процессами? Но при этом федеральные органы, видимо, умышленно не замечают некоторое превышение полномочий субъектами. Так, во Владимирской области в соответствии со ст. 1 ФЗ «О мировых судьях в РФ» [3] мировые судьи входят в единую судебную систему РФ. Однако согласно ст. 3, 4, 5 областного закона материально-техническое обеспечение их деятельности осуществляют органы исполнительной власти области, что противоречит ст. 124 Конституции РФ, устанавливающей финансирование судов только из федерального бюджета.

Таким образом, согласование интересов и организация взаимодействия органов власти федерации и ее субъектов по предметам совместного ведения нуждается в коррекции правового обеспечения содержательного и процедурного характера. Это определяется не только своеобразием правовой природы и специфичностью правового регулирования отношений в данной сфере, но и исключительным разнообразием подходов для осуществления таких действий.

Считается общепринятым, что согласование интересов органов государственной власти субъектов федерации и органов государственной власти РФ должно начинаться уже со стадии разработки и принятия федеральных и региональных законов. Конституция РФ не содержит положений о совместном законотворчестве по предметам совместного ведения федерации и ее субъектов. В то же время, например, можно считать своеобразной формой прямого участия субъектов РФ в процессе федерального законотворчества сам порядок формирования верхней палаты Федерального Собрания из «представителей субъектов РФ» (ст. 95 Конституции РФ). Согласование экономических и иных интересов субъектов РФ частично реализуется в ходе федеральной законотворческой работы путем осуществления законодательными органами субъектов РФ права законодательной инициативы федеральных законов, направления Госдумой про-

ектов федеральных законов субъектам РФ для получения заключений. Практикуется создание рабочих групп с участием представителей субъектов РФ при подготовке федеральных законов по вопросам совместного ведения, участие представителей субъектов РФ (от федеральных округов) в заседаниях Правительства РФ, на которых рассматриваются такие проекты ФЗ.

Следовательно, практика реально существует, но она никогда не обобщалась и не изучалась с позиций практической результативности и юридической обоснованности. В результате, по мнению многих законодателей, главным недостатком нынешнего положения является отсутствие нормативно закрепленных процедур согласования интересов РФ и ее субъектов, а также проработанных схем паритетного участия в выработке окончательных решений.

Библиографические ссылки

1. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993), с изменениями и дополнениями. – М.: Юристь, 2009.
2. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ с изм. на 31.12.2008 // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 42.
3. О мировых судьях в Российской Федерации : федер. закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ // Рос. газ. – 1998. – 31 декабря.
4. Материалы заседания Государственного Совета РФ // Известия. – 2004. – Спец. вып.: Управление делами Президента РФ.
5. О мировых судьях во Владимирской области / закон Владим. обл. от 20.08.2000 № 48-ОЗ // Владим. ведомости. – 2000. – 27 августа.
6. Крылов, Б.С. Проблемы разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов. Федеративное устройство: реализация Конституции Российской Федерации / Б.С. Крылов. – М., 2005.

УЧЕНИЕ О КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ ПО В.Д. СПАСОВИЧУ

В.Д. Спасович в своем учебнике уголовного права 1863 г. предложил нестандартный подход к изучению института крайней необходимости. Он проанализировал учения о крайней необходимости других ученых и сделал собственные выводы. Его подход был более прогрессивным, чем тот, который был закреплен в российском уголовном законодательстве XIX в. В частности, он указал, что институт крайней необходимости может применяться не только для защиты физических лиц, но и общества, и государства.

V.D. Spasovich the author the textbook of criminal law of 1863. In this textbook he has offered the non-standard approach to studying institute of emergency. Spasovich has analysed doctrines about emergency of other scientists and has made own conclusions. His approach was more progressive, than what has been fixed in the Russian criminal legislation of XIX century. In particular he has specified, that the institute of emergency can be applied not only to protection of physical persons, but also a society, and the state.

В.Д. Спасович – видный криминалист, адвокат и общественный деятель России второй половины XIX в. В своем учебнике уголовного права 1863 г. он на высоком для своего времени уровне разработал учение о преступлении, в том числе дал анализ института крайней необходимости.

Вопрос о крайней необходимости был отражен еще в римском, а затем и в средневековом каноническом праве. Но в науке уголовного права теоретическое обоснование крайней необходимости появилось только в XVIII в. При этом сложилось два направления в изучении этого вопроса – объективное и субъективное [1].

Для того чтобы оценить взгляд В.Д. Спасовича на уголовно-правовое значение крайней необходимости, обратимся к основным положениям обоих направлений. Так, И. Фихте, представитель объективных воззрений, считал, что вред, причиненный при условиях крайней необходимости, когда одно лицо может спастись только за счет другого, нельзя назвать ни законным, ни противозаконным, поскольку столкновение равных интересов уничтожает само бытие права. Но данный подход не был удовлетворительным, поскольку чрезмерно расширял пределы крайней необходимости для защиты не только таких

неотчуждаемых прав, как жизнь и здоровье, но и менее значимых. А Г.В.Ф. Гегель, сторонник того же направления, напротив, сузил институт крайней необходимости как обстоятельства, исключающего преступность деяния (Nothstand) до права крайней нужды (Nothrecht), по которому признавалась правомерной защита жизни – основы бытия личности – за счет какого-либо другого права, например права собственности. Последователи Г.В.Ф. Гегеля [2] распространили право крайней нужды на случаи противопоставления жизни с личными правами, и даже (Кестлин) – жизни матери и будущего ребенка. В остальных случаях коллизии прав сторонники этого воззрения видели условия, не исключающие преступность деяния, а только смягчающие наказание. Так, если представители объективного направления признавали крайнюю необходимость или крайнюю нужду обстоятельством, исключающим преступность деяния, то сторонники субъективных воззрений считали, что противоправное деяние, даже совершенное в состоянии крайней необходимости, является преступным, но последнее обстоятельство должно являться основанием освобождения от уголовной ответственности. Например, И. Кант, придерживавшийся субъективного направления, указывал, что

при столкновении равноценных невосстановимых благ – жизни с жизнью, – защита одного блага за счет другого, не переставая быть преступной, становится ненаказуемой из соображений уголовной политики (боязнь наказания не может быть сильнее страха потери жизни). А с точки зрения Г. Филанджери, другого сторонника субъективных воззрений, в состоянии крайней необходимости действия не могут быть вменяемы из-за отсутствия свободы воли, поскольку необходимость принуждает субъекта нарушить закон. Недостатком субъективного подхода к крайней необходимости являлось то, что его сторонники абсолютизировали уголовно-правовое значение свободы воли. Если рассматривать крайнюю необходимость как принуждение со стороны сил природы или человека, как это делали субъективисты, то тогда она является основанием невменяемости, но если учесть полную свободу воли при выборе преобладающего в действиях человека мотива, тогда крайняя необходимость не может устранять вменяемость [3].

Эти же, не лишённые недостатков, направления в обосновании крайней необходимости получили развитие в российской науке уголовного права XIX в., поскольку 1) многие преподаватели юридических факультетов в ещё только созданные университеты приглашались из-за границы, 2) учения западноевропейских криминалистов использовались при разработке российского уголовного законодательства, 3) криминалисты, не уступающие по профессиональной подготовке и известные за пределами государства, появились у нас только во второй половине рассматриваемого столетия [4].

В.Д. Спасович – первый из криминалистов, создавший учебник уголовного права на русском языке. Соответственно, при недостаточном уровне российской научной литературы он опирался на уголовно-правовые воззрения, в том числе и по поводу крайней необходимости, западноевропейских мыслителей. При этом он не просто излагал известные уголовно-правовые учения, а анализировал и дополнял их собственными выводами, участвовал в решении актуальных научных задач.

По В.Д. Спасовичу, *состояние крайней необходимости* (Nothstand) «есть такое положение человека, когда он находясь в опасности угрожающей его собственной личности и правам или личности и правам других лиц ему в каком-нибудь отношении близких, не иначе может спасти свою личность и права или личность и права других лиц, как нарушая положительно чье-либо чужое право». Так, В.Д. Спасович указывал, что основанием причинения вреда при крайней необходимости является угрожающая опасность. Кроме того, он давал ответы на вопросы, которые не имели однозначного подхода среди криминалистов – об объекте, защищаемом при крайней необходимости, круге лиц, права которых следует защищать посредством этого института, а также об условиях его применения.

В законодательстве одних государств (в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в России) крайняя необходимость распространялась только на защиту жизни человека, в других (в уголовном законодательстве Венгрии) – жизни и здоровья, в третьих (в уголовных кодексах Франции, Бельгии, Голландии) – на защиту любого блага [5]. В.Д. Спасович же рассматривал крайнюю необходимость как коллизию прав, при которой возможно столкновение между равноценными и неравноценными общественными благами – «собственностью и собственностью», «личностью и собственностью», «личностью и личностью», то есть он расширял пределы применения института крайней необходимости по сравнению с действующим в России уголовным законодательством и законодательством некоторых европейских государств. Уложение о наказаниях, например, развивало теорию психического принуждения, и в ст.100 говорилось, что совершившему противозаконное деяние «вследствие непреодолимого к тому от превосходящей силы принуждения и токмо для избежания непосредственно грозившей его жизни в то самое время неотвратимой другими средствами опасности, содеянное им также не вменяется в вину» [6], то есть смешивало угрозу и необходимость, как и австрийское, французское, итальянское уголовное законодательство.

В.Д. Спасович, как и следующие за Кантом сторонники субъективного направления в решении вопроса о крайней необходимости, допускал защиту одного права за счет другого, ему равноценного, как социально приемлемую, поскольку оба эти права одинаково защищаются законом, и «общество не может требовать, чтобы собственник сложа руки смотрел на гибель своей собственности, когда он может спасти ее» [7]. Здесь В.Д. Спасович также использовал аргументы не только кантовского подхода к крайней необходимости, но и идеи Г. Филанджери. В.Д. Спасович писал, что лишение жизни одного лица для спасения жизни другого «можно считать недостойным, безнравственным, потому что нравственный закон вменяет нам в обязанность самоотвержение, но обязанность эта не юридическая и государство не в праве требовать ее исполнения под страхом наказания» [8]. Однако, как известно в современном уголовном праве, крайняя необходимость предполагает, что нарушаемое вследствие применения данного института право должно быть менее значительным, чем защищаемое. Этой же точки зрения придерживались и некоторые криминалисты XIX в., труды которых появились позже учебника В.Д. Спасовича. Например, С. Будзинский писал по этому поводу: «Нельзя также спасать жизнь одного пожертвованием жизни другого: ибо и та и другая жизнь имеет одинаковую ценность пред лицом закона, исключая если б спасающий предвидел вместе с тем и собственную опасность, или если б спасаемое им лицо было близко ему» [9].

А вот в случае коллизии неравноценных прав, по В.Д. Спасовичу, предпочтение должно отдаваться наиболее значимому из них. При этом он, как и германские криминалисты – представители объективного направления – коллизию между жизнью человека, его здоровьем и собственностью именовал «крайней нуждой» (Nothrecht) [10]. Как и гегелианцы, В.Д. Спасович распространял действие крайней нужды на случаи перфорации. Но, в отличие от Г.В.Ф. Гегеля, В.Д. Спасович считал, что наказанию

не подлежат и деяния, совершенные в состоянии крайней необходимости и в состоянии крайней нужды, то есть практически не разделял их.

Интересен подход В.Д. Спасовича к нарушению чужого права собственности для спасения жизни нуждающихся. Он считал, что для того, чтобы не умереть от голода, субъект может совершить кражу, причем не только еды, но и денег с целью ее купить, в то время как в законодательстве европейских государств со времен канонического средневекового права, ненаказуемой в таких случаях признавалась только кража еды, о возможности кражи денег с этой целью не упоминалось. В Германии еще Каролина признала ненаказуемость кражи съестных припасов для предотвращения смерти от голода, а в России это начало было закреплено в Воинском артикуле Петра I.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (ст. 1663 – 1674), а затем и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (ст. 171 и 176), голод (судя по всему, не грозивший опасностью для жизни) признавали только обстоятельством, вызывающим снисхождение к виновному. Кроме того, в уголовно-правовой литературе существовало мнение, вообще отрицающее безнаказанность подобной кражи (Буатар, Лохвицкий) [11].

В решении вопроса о круге лиц, в интересах защиты которых может применяться крайняя необходимость, единого мнения в XIX в. также не было. В одних случаях посредством института крайней необходимости защищать разрешалось только собственные блага (по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных в России), в других (в германском и венгерском уголовном законодательствах) – блага определенного круга лиц (родственников), в третьих (в голландском и итальянском уголовном законодательствах) – любых лиц, чьи права нарушены, в четвертых (французском и бельгийском уголовном законодательствах) вообще не говорилось о том, кого можно защищать посредством применения крайней необходимости [12]. Из криминалистов Н.С. Таганцев, например, подде-

рживал распространение действия института крайней необходимости на защиту прав неопределенного круга лиц, а Н.Д. Сергеевский выступал против этого [13].

В.Д. Спасович был сторонником расширения применения крайней необходимости на неопределенный круг лиц и обоснованно аргументировал свою позицию. С одной стороны, он указывал, что посредством крайней необходимости можно защищать собственные права и права лиц «в каком-нибудь отношении близких» [14] субъекту деяния, как это было установлено в германском законодательстве. С другой стороны, слово «близкий» он толковал расширительно, с исторической точки зрения, поскольку «христианство внесло в современные законодательства то начало, что все люди наши ближние» [15]. При этом, в отличие от своих современников, В.Д. Спасович указывал, что право крайней необходимости может распространяться и на общество, и на государство, которое в некоторых случаях ограничивает одни права населения для защиты других прав. Примечательно, что В.Д. Спасович – автор первого изданного на русском языке учебника уголовного права – в решении вопроса о круге лиц, которые подлежат защите на основании крайней необходимости, занял позицию, которая теперь отражена в УК РФ (ч.1 ст. 39): действие института крайней необходимости распространяется не только на самого субъекта деяния и иных лиц, но и на общество и государство.

Однако В.Д. Спасович указывал на то, что право крайней необходимости имеет пределы, что, если, например, голодный украдет больше того, «сколько ему нужно было для утоления голода» [16], то он превысит эти границы. Кроме того, право крайней необходимости, по В.Д. Спасовичу, не распространяется на лица, на которых лежала специальная обязанность подвергаться опасности или если эта опасность была последствием совершенного этим субъектом преступления. В упрек В.Д. Спасовичу можно поставить то, что он, в отличие от своих современников – Н.Д. Сергеевского,

В.В. Есипова, Л.Е. Владимировой и др., – не анализировал причины и критерии крайней необходимости [17]. По его мнению, вопрос о наличии состояния крайней необходимости должен решаться судьей в каждом отдельном случае.

Библиографические ссылки

1. О данных направлениях см. подробнее: Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1 / Н.С. Таганцев. – М., 1994. – С. 214 – 215; Есипов, В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая / В.В. Есипов. – СПб., 1888. – С. 218.
2. Таганцев, Н.С. Указ. соч. – С. 345.
3. Там же. – С. 214 – 215.
4. См.: Фельдштейн, Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г.С. Фельдштейн. – Ярославль, 1909. – С. 505 – 508.
5. См.: Таганцев, Н.С. Указ. соч. С. 215 – 216.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в ред. 1885 г.
7. Спасович, В.Д. Учебник уголовного права. Т. I / В.Д. Спасович. – СПб., 1863. – С. 104.
8. Он же. Указ. соч. – С. 105; Об учении Филанджери см.: Таганцев, Н.С. Указ. соч. – С. 215.
9. Будзинский, С. Начала уголовного права / С. Будзинский. – Варшава, 1870. – С. 143.
10. Спасович, В.Д. Указ. соч. – С. 104.
11. См. подробнее: Таганцев, Н.С. Указ. соч. – С. 215 – 222.
12. Там же. – С. 219.
13. Сергеевский, Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая / Н.Д. Сергеевский. – СПб., 1990. – С. 269; Таганцев, Н.С. Указ. соч.
14. Спасович, В.Д. Указ. соч. – С. 103.
15. Там же.
16. Там же. – С. 104.
17. См.: Сергеевский, Н.Д. Указ. соч. – С. 267; Есипов, В.В. Указ. соч. – С. 217 – 221; Владимиров, Л.Е. Учебник русского уголовного права. Часть Общая / Л.Е. Владимиров. – Харьков, 1889. – С. 69 – 73.

СИСТЕМОГЕНЕЗ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Статья посвящена одному из центральных вопросов организационной психологии и психологии труда – системогенезу личности в процессе профессионального становления. Анализ развития личности в профессиональной деятельности необходимо осуществлять с позиций системного подхода. Деятельность выступает условием для развития личности в процессе профессионализации. Однако специалист, который обладает определенными психическими качествами и свойствами, способен выполнять только конкретную профессиональную деятельность. Необходимость комплексного исследования данной проблемы указывается в статье.

Summary to clause “System genesis of personality in process of professional becoming”. One of central questions of organizational psychology and labour psychology – system genesis of personality in process of professional becoming. Clause is devoted to this problem. Person needs to realize development analysis in professional activity from positions of system approach. Activity acts with condition for development of person in process of professionalism. However only expert, who has determined mental qualities and properties, is capable to execute the concrete professional activity. Necessity of complex research of given problem is specified in the article.

Познание психики с позиций системного подхода предполагает изучение её как целостного образования, компоненты которого организованы в подсистемы, составные части которых тоже являются подсистемными образованиями. Познание этой сложной иерархии является актуальной проблемой современной психологии, решение которой позволит раскрыть взаимосвязи между явлениями психики и связь психики с окружающим миром. «Специфика системного познания состоит в возможности описания и объяснения интегральных образований действительности (целостностей)», – отмечает В.А. Барабанщиков. Автор указывает, что «функциональный организм как целостность позволяет животному и человеку гибко ориентироваться в перманентно меняющейся среде, коммуницировать и действовать. ... “Психическое” открывается как регулятор поведения, деятельности общения, как природное и социальное, как сознательное и бессознательное. Психика выступает в виде

многомерного, организованного, развивающегося целого, организованного, компоненты которой имеют общий корень и онтологически не делимы» [2].

Расширение сферы практического применения психологических знаний требует формирования комплексного подхода к человеку, изучения его как целостной системы, включенной в другие системы мира, природы, общества, культуры и др. Особое значение эта проблема приобретает при изучении человека в социальной и производственной сферах. Изучение психики как системного образования предполагает выявление состава, структуры, способов функционирования, иерархической организации систем, их взаимосвязей, становления и развития. Система представляет собой интегральное образование входящих в неё элементов, она приобретает интегральные свойства, определяющие её как целостное образование, способное к развитию. Любую систему следует рассматривать в развитии, в процессе которого обнаруживаются функ-

циональные связи между её компонентами и структурные трансформации, которые приводят к изменениям свойств системы. Формирование новых свойств является атрибутом целостности новой системы. Развитие систем зависит от влияния различных факторов, которые являются внешними и внутренними детерминантами трансформаций. Следовательно, при системном подходе следует изучать взаимосвязи системы с другими системами, которые обеспечивают ее функционирование и трансформации при переходе на другой уровень, фазу, стадию развития, влияют на формирование новых связей и разрушение старых, не эффективных. Метасистемный подход – это новый уровень изучения системных образований, он позволяет изучать такое сложное системное образование, как психика, представляющее собой систему систем [7].

Другое важное условие изучения психики как системы – субъектный подход, который обеспечивает интегративную целостность психики, так как «... любой психический акт представляет собой конкретного субъекта жизни», которому он принадлежит [6]. Субъект выполняет роль стержня, интегрирующего звенья психики, объединяющего различные ее свойства и уровни организации. Субъект, по мнению А.В. Барабанщикова, это «внутренний момент» психики, определяющий её целостность, выражающий основу многообразных отношений человека к действительности, который, вступая в эти отношения, подчиняется действительности и воплощает в ней себя, проявляя свои функциональные возможности. Субъект становится компонентом другой системы, окружающей среды, которая представляет собой сложную систему детерминант, влияющих на субъект, а внутренний мир субъекта также является сложной системой, взаимодействующей с окружающей средой через активные формы проявления субъекта в деятельности. Внешняя активность субъекта сопровождается внутренней активностью психики, которая обеспечивает процессы отражения внешнего мира субъектом и организации его внутренней и внешней активности. Субъект устанавливает баланс

между внутренним и внешним миром. «К внутренним условиям существования относятся мотивация, оценочный, когнитивный, диспозиционный, рефлексивный и другие компоненты» [2]. При изучении психики следует опираться на системный, метасистемный и субъектно-генетический подходы, которые обеспечивают многомерное отражение психических явлений в их сложной взаимосвязи. Такая многогранность в исследовании адекватна самой изучаемой системе. Ее особенность – самоорганизующее начало, которое обеспечивает внутреннюю регуляцию и взаимодействие с окружающей средой.

«Любой человек не рождается, а становится субъектом в процессе своей деятельности, общения и других видов активности. Субъект – это человек, люди на высшем (индивидуально для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности и т.д. Субъект – это всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т.д. Личность, напротив, менее широкое и недостаточно целостное определение человеческого индивида» [4] – пишет А.В. Брушлинский, но в то же время он отмечает, что в психологии очень тщательно и систематически исследуются различные черты личности, так или иначе связанные с её природными и социальными свойствами. В «Кратком психологическом словаре» зафиксированы два определения личности, в которых подчеркивается значимость её социальных отношений, но не говорится о способностях, которые, как известно, проявляются и развиваются в деятельности из природных задатков. Таким образом, в процессе деятельности развивается единство природного и социального, тогда личность начинает выделять себя из окружающей действительности и противопоставлять себя ей. На высшем уровне развития возникают сложные способы взаимоотношений с окружающим миром, которые обусловлены социальной природой личности, её способностью активно воздействовать на окружающую

ший мир и управлять своим внутренним миром. Основным условием развития личности является деятельность, которая обеспечивает актуализацию внутренних потенциальных возможностей психики человека и превращает её в личность, субъект социальных отношений, способный осваивать наиболее сложную форму социальной активности – профессиональную деятельность – на определенном этапе развития, опираясь на такие формы активности, как общение, игра, учеба, спорт, художественные виды деятельности. В процессе освоения разных видов деятельности у человека формируются интегративные свойства, которые позволяют ему адаптироваться к окружающему миру. Интегративные свойства представляют собой сложные системные образования, которые организованы из свойств психики, присущих человеку как биологическому виду. Наиболее важным интегративным свойством, участвующим в адаптации человека к миру, является рефлексия, выполняющая регуляторную функцию в деятельности и поведении личности. По мере освоения сложных видов деятельности её роль возрастает, особенно, как отмечает А.В. Карпов, в управленческой деятельности, где она выступает центральным звеном регуляции и выполняет главную функцию регуляции поведения личности. Другим важным компонентом в управленческой деятельности является такой интегративный процесс, как принятие решений, в котором участвуют интеллектуальный, мотивационный и эмоционально-волевой компоненты, обеспечивающие ориентирование в ситуации и организацию действия по её преобразованию. Такая сложная форма регуляции поведения возможна на достаточно высоком уровне развития личности. По мнению А.В. Карпова, существует целый комплекс интегративных образований, которые участвуют в регуляции деятельности, они являются интегративными компонентами деятельности. Это целеполагание и планирование, антиципация и прогнозирование, которые становятся внутренними психологическими механизмами организации деятельности. В труде управленцев особенно ярко проявляется взаимо-

связь системы деятельности и системы личности, деятельность становится подсистемой в структуре личности, которая обеспечивает перестройку системных компонентов личности, адаптируя их к деятельности. Рефлексия является интегратором структуры деятельности со структурой личности.

Библиографические ссылки

1. Анциферова, Н.И. Эпигенетическая концепция личности Эрика Эриксона / Н.И. Анциферова // Принципы развития психологии. – М.: Наука, 1978. – С. 212 – 242; Она же. К пониманию личности как развивающейся системы / Н.И. Анциферова // Психология формирования и развития личности. – М.: Наука, 1981. – С. 3 – 19.
2. Барабанщиков, В.А. Принцип системности в современной психологии / В.А. Барабанщиков // Проблемы системогенеза учебной и профессиональной деятельности : материалы Рос. науч.-практ. конф. 8 – 10 октября 2003 г. – Ярославль, 2003. – С. 11 – 23.
3. Бодров, В.А. Профессиогенетический подход к проблеме формирования профессионала / В.А. Бодров // Психология субъекта профессиональной деятельности. – М.-Ярославль: ДИА-пресс, 2001. – С. 54 – 72.
4. Брушлинский, А.В. О критериях субъекта и его деятельности / А.В. Брушлинский // Психология субъекта профессиональной деятельности. – М.-Ярославль: ДИА-пресс, 2001 – С. 5 – 22.
5. Ермолаева, Е.П. Преобразующие и идентификационные аспекты профессиогенеза / Е.П. Ермолаева // Психол. журн. – 1998. – Т. 19. – № 4. – С. 80 – 87.
6. Завалишина, Д.Н. Способы идентификации человека с профессией / Д.Н. Завалишина // Психология субъекта профессиональной деятельности. – М.-Ярославль: ДИА-пресс, 2001. – С. 104 – 127.
7. Карпов, А.В. Предпосылки и перспективы развития обобщающей психологической теории деятельности / А.В. Карпов // Психология субъекта профессиональной деятельности. – М.-Ярославль: ДИА-пресс, 2001. – С. 23 – 53.

ДИНАМИКА УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ-РЕЛИГИОВЕДОВ ВЛГУ

Университет есть реализация самой науки в ее движении. Только там, где представлены все науки, где полнота их обеспечивает возможность тесного взаимодействия и сотрудничества, обучение может иметь действительно научный характер. Усвоение определяется как процесс приема, смысловой переработки, сохранения полученных знаний и применения их в новых ситуациях решения практических и теоретических задач, т.е. использования этих знаний в форме умения на их основе решать новые задачи. По определению С.Л. Рубинштейна, «процесс прочного усвоения знаний – центральная часть процесса обучения». Успеваемость как проявление усвоения – основное понятие всех теорий обучения, учения, учебной деятельности вне зависимости от того, выделяется оно как самостоятельный процесс или отождествляется с учением. Успеваемость, прежде всего, характеризуется прочностью усвоения, которая определяется независимостью использования усвоенных знаний и выработанных умений от времени, различия ситуаций и условий применения знаний.

University is a realization of a science itself in its fluctuating, smelt condition. Teaching can be in a really scientific form only where all the sciences are noticed and where completeness provides the possibility of its close cooperation and collaboration. Learning is identified as a process of reception, literal revising, saving the received knowledge and application of it in new situations of solving practical and theoretical problems, in other words, use of this knowledge as an ability to solve new problems on its base. S.L.Rubinstein mentioned, that “the process of sound adoption of knowledge is a certain point of the process of teaching”. Progress as a display of adoption is a basic conception of all theories of teaching, learning, educational activity, don't minding if it is noticed as an independent process or identified with a learning. At first, progress is characterized with the firmness of adoption, which determines by an independence of usage of adopted knowledge and abilities, produced by time, the differences of situations and conditions of use of knowledge.

В сентябре 2008 г. во Владимирском государственном университете была введена балльно-рейтинговая система контроля знаний студентов (См.: Положение о балльно-рейтинговой системе контроля знаний студентов во Владимирском государственном университете. – Владимир, 2008–6 с.). Она предназначена для стимулирования систематической работы студентов по усвоению учебного материала, что позволяет оперативно получать информацию о ходе обучения в университете, а также для активизации и мотивации самостоятельной работы студентов. В нашем исследовании приняли участие 67 студентов-религиоведов (95,2 % от численности факультета): из них

девушек – 51 человек, юношей – 16 человек. На первом курсе – 8 человек (девушки), втором курсе – 11 человек (4 юношей и 7 девушек), третьем курсе – 13 человек (5 юношей и 8 девушек), четвертом курсе – 19 человек (5 юношей и 14 девушек), пятом курсе – 17 человек (2 юноши и 15 девушек).

Методы исследования: наблюдение, беседа, экспертная оценка (n = 18 чел.), анализ продуктов деятельности, методы математической статистики.

Анализ динамики успеваемости показывает, что на первом и втором курсах у студентов-религиоведов преобладает средний оценочный балл (рис. 1).

Пограничный балл студентов-религиоведов первого курса, равный 9,49 баллам, можно объяснить особенностями выборки. Группа, принявшая участие в диагностике, состоит из одних девушек. На старших курсах у студентов-религиоведов оценки успеваемости находятся в пределах выше среднего уровня. Их успеваемость равняется 10 баллам на третьем курсе и 10,68 баллам на четвертом курсе. Снижение успеваемости к верхней границе среднего уровня успеваемости или нижней границе выше среднего уровня успеваемости на пятом курсе объясняется другими факторами, помимо учебы, мотивами личности. Например, поиском работы, устройством личной жизни и т.д. Однако успеваемость в 9,25 баллов, не выходящая за пределы выше среднего уровня, свидетельствует о высокой значимости учебы для пятикурсников-религиоведов.

Таким образом, численный показатель успеваемости студентов-религиоведов воз-

растает с увеличением продолжительности обучения со среднего уровня успеваемости на уровень выше среднего. Переломным моментом изменения успеваемости является третий год обучения. Варьирования численного показателя в пределах уровня выше среднего объясняются особенностями жизнедеятельности студентов.

Рис. 2 демонстрирует вклад студентов-религиоведов в учёбу на различных курсах специальности. Он различен. К третьему курсу увеличивается количество студентов, имеющих показатель успеваемости ниже среднегрупповой от 14,25 на первом курсе к 30,75 % на третьем курсе. Данный аспект, конечно, имеет отрицательное влияние на успеваемость студентов. Но он перекрывается следующими факторами: количество студентов, демонстрирующих числовой показатель успеваемости равный среднегрупповому, к третьему курсу уменьшается с 57,25 до 30,75 %.

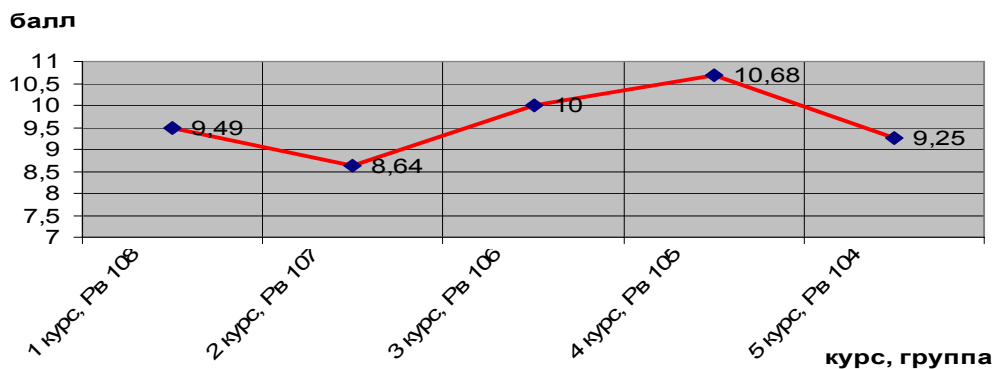

Рис. 1. Сводный график успеваемости студентов-религиоведов

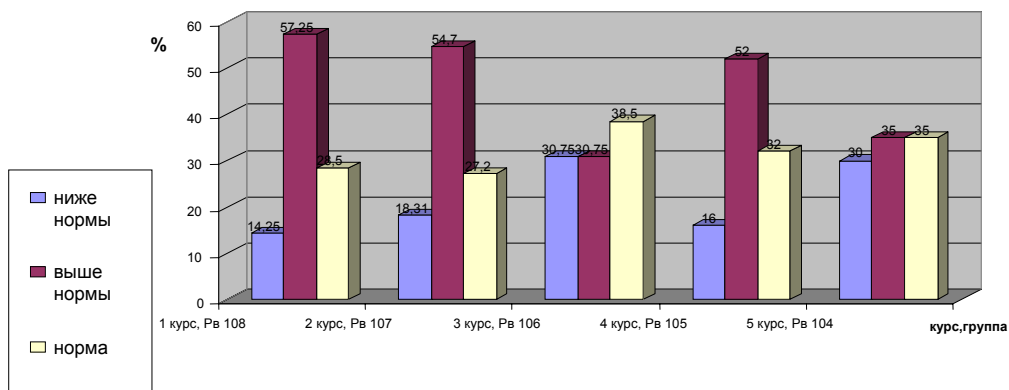

Рис. 2. Вклад студентов-религиоведов в успеваемость

Студентов, стремящихся к знаниям и обучающихся на «отлично», на втором курсе меньше по сравнению с первым курсом, что свидетельствует о снижении успеваемости второкурсников. К третьему курсу число таких студентов резко увеличивается (до 38,5 %). Это можно объяснить окончанием изучения предметов федерального и естественно-математического блоков учебного плана, началом изучения общепрофессиональных дисциплин и специальных дисциплин. Процентное соотношение студентов, имеющих показатель успеваемости ниже группового, к четвертому курсу снижается почти в 2 раза, от 30,75 до 16 %. Количество студентов, обучающихся на оценку «отлично» несколько меньше, чем на третьем курсе (от 38,5 до 32 %) вследствие сложности изучаемых предметов. Увеличивается от 30,75 до 52 % количество обучающихся на «хорошо» и «отлично», демонстрирующих среднюю групповую успеваемость, равную выше среднего уровня.

К пятому курсу число студентов, обучающихся только на отличные отметки, возрастает до 35 %, что можно объяснить их желанием получить диплом с отличием, поступить в аспирантуру и т.д. Увеличивается с 16 до 30 % число студентов, которые по-прежнему нацелены лишь на получение диплома о высшем образовании. Диплом им нужен как «заключительный аккорд» в завершении образования. Количество студентов, демонстрирующих средний групповой показатель, к пятому курсу уменьшается с 52 до 35 %.

Таким образом, изучение общепрофессиональных и дисциплин специализации мотивирует студентов-религиоведов к качественному обучению в вузе. Увеличение числа студентов,

имеющих успеваемость ниже среднегруппового числового показателя успеваемости, можно объяснить либо личностными особенностями выборки, либо особенностями жизнедеятельности студентов-пятикурсников – появлением у них иных, кроме учёбы, интересов.

Динамика успеваемости студентов, обучающихся по специальности «Религиоведение», представлена на рис. 3. График отражает динамику успеваемости юношей 2 – 5-го курсов. Напомним, что первый курс состоит из выборки девушек, имеющий единственный первокурсник-религиовед участия в диагностике не принимал по причине участия в международных соревнованиях и отсутствия на аудиторных занятиях.

Динамика успеваемости юношей-религиоведов 2 – 5-го курсов совпадает с динамикой успеваемости групп специальности в целом: минимальный балл на 2 – 3-ем курсах, максимальный балл на четвертом курсе и снижение числового показателя успеваемости на пятом курсе. Числовой показатель успеваемости второго курса юношей-религиоведов находится в хорошей выраженности среднего уровня успеваемости и составляет 7,72 балла. На третьем курсе численный показатель увеличивается на незначительную величину (на 0,5 балла, $p > 0,05$). На 4 курсе числовой показатель успеваемости выходит за пределы среднего уровня успеваемости и равняется 10,48 баллам, что является хорошей выраженностью уровня успеваемости (выше среднего). Прирост составляет 2,25 ($p < 0,05$). К пятому курсу успеваемость у юношей резко падает (почти в 2 раза) до уровня ниже среднего и составляет 5,37 балла. Однако числовой показатель успеваемости не дает полной картины успеваемости учащихся (рис. 4).

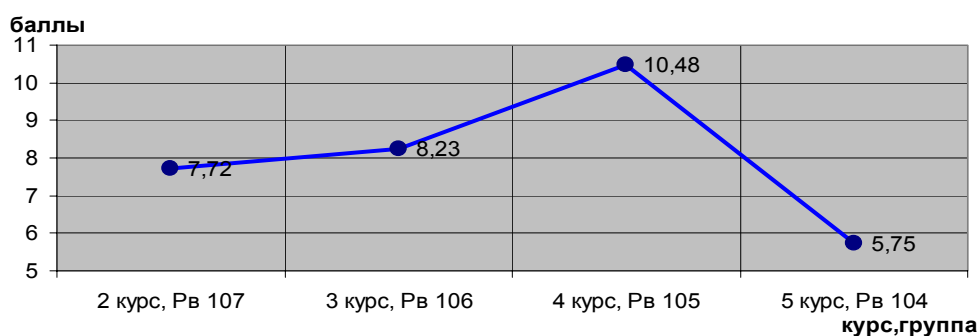

Рис. 3. Успеваемость юношей, обучающихся, специальности «Религиоведение»

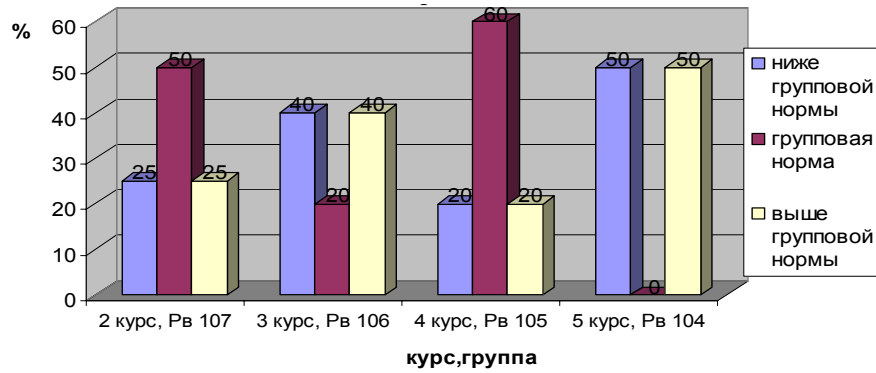

Рис. 4. Вклад в успеваемость юношей, обучающихся по специальности «Религиоведение»

Различный вклад в успеваемость мужской половины курса позволяет объяснить вышеуказанные числовые показатели. Их различие у юношей второго и третьего курсов незначительно ($p > 0,05$), но различаются они вкладом юношей в успеваемость. 50 % юношей второго курса демонстрируют средний уровень успеваемости. 25 % юношей второго курса стараются быть отличниками. К третьему курсу число юношей, стремящихся учиться только на отличные отметки, увеличивается с 25 до 40 %, т.е. на 15 %. Это происходит за счет снижения числа студентов-религиоведов, имеющих среднюю положительную успеваемость в пределах среднего балла выборки третьего курса. На 15 % (и за счет юношей с числовым показателем среднего балла успеваемости, равного среднему баллу выборки третьего курса) увеличивается количество студентов (до 40 %) с числовым показателем успеваемости ниже среднего балла выборки третьего курса юношей. Процент студентов, демонстрирующих числовой показатель успеваемости, равный выборке юношей третьего курса, равняется 20 %. На четвертом курсе происходит качественный скачок в изменении вклада в числовой показатель успеваемости юношей студентов-религиоведов. Процент студентов, учащихся неважно, снижается на 20 %. Уменьшается в 2 раза и количество студентов-отличников (до 20 %). Число студентов, обучающихся на «хорошо» и «отлично», имеющих успеваемость выше

среднего уровня и демонстрирующих числовой показатель успеваемости, равный числовому показателю выборки юношей-религиоведов четвертого курса, увеличивается в 3 раза, и составляет 60 %. На пятом курсе количество студентов, имеющих успеваемость выше числового показателя выборки юношей-религиоведов, и количество студентов, имеющих успеваемость ниже числового показателя выборки юношей-религиоведов, тождественно и составляет 50 на 50 %. Причем числовой показатель 50 % юношей, имеющих числовой показатель выше групповой нормы, не выходит за пределы среднего уровня успеваемости.

Таким образом, числовые показатели успеваемости отражают идентичную динамику успеваемости студентов-религиоведов. Качество обучения различно. Имеются сходные данные студентов второго и четвертого курсов: максимальное увеличение числа студентов, демонстрирующих групповую норму успеваемости выборки юношей-религиоведов с равноценным распределением процентного количества студентов, учащихся неважно, и стремящихся к качественному усвоению знаний. Совпадает картина вклада успеваемости на третьем и пятом курсах: равноценное распределение процентов студентов, относящихся поверхностно к учебе, и отличников, при минимальном проценте количества юношей, имеющих числовой показатель успеваемости, равный числовому показателю успеваемости выборки юношей соответствующему курсу.

Динамика успеваемости студенток-религиоведов представлена в рис. 5 – 6.

Рис. 5 показывает, что средний балл успеваемости студенток находится в одном уровне выше среднего (от 9,1 до 12 баллов). Значимые различия наблюдаются лишь при переходе со второго к третьему курсу (с 9,16 баллов до 11,1 баллов), т.е. на 1,94 балла при $p < 0,05$. Однако качество усвоения знаний различно на всех пяти курсах, что отражает рис. 6.

На первом курсе количество девушек с числовыми показателями, равными среднему баллу успеваемости выборки, максимально и составляет 57,25 %. 28,5 % девушек стремятся учиться только на «отлично», а 14,25 % относятся к учебе поверхностно. Ко второму курсу количество студенток, безответственно относящихся к учебе, увеличивается в 2 раза (до 28,6 %) за счет снижения процента девушек с успеваемостью, равной групповой норме выборки. Но и за счет этой же категории второкурсниц увеличивается на 14,3 % ($p < 0,05$) количество

отличниц. Их процент составляет 42,8 %. Картина вклада в успеваемость третьекурсниц несколько напоминает первый курс. Максимальное количество (50 %) – девушки с успеваемостью, равной средней групповой. Минимальное количество студенток (12,5%) относятся к учебе безответственно. Процент отличниц на 9 % выше, чем на первом курсе. Все это обуславливает более высокий числовой показатель среднего балла на третьем курсе по сравнению с первым курсом на 1,26 балла ($p > 0,05$). Рис. 6 показывает, что к четвертому курсу количество студенток, имеющих успеваемость ниже средней групповой нормы выборки четверокурсниц, увеличивается почти в два раза (с 12,5 до 21,3 %). Это происходит за счет снижения числа девушек с успеваемостью выше среднегрупповой нормы четверокурсниц на 1,4 % и девушек, демонстрирующих числовой показатель успеваемости, равный средней групповой норме четверокурсниц до 42,6 %.

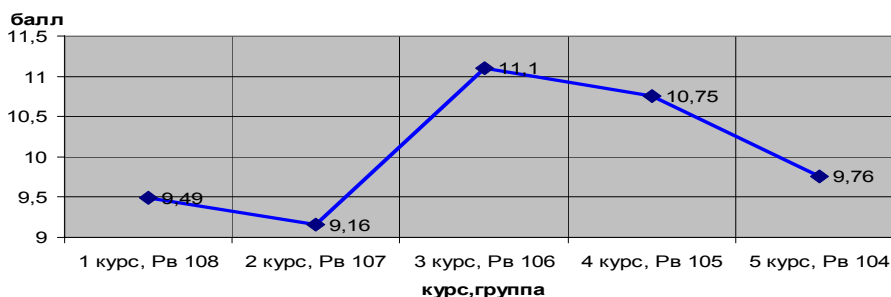

Рис. 5. Успеваемость девушек-религиоведов

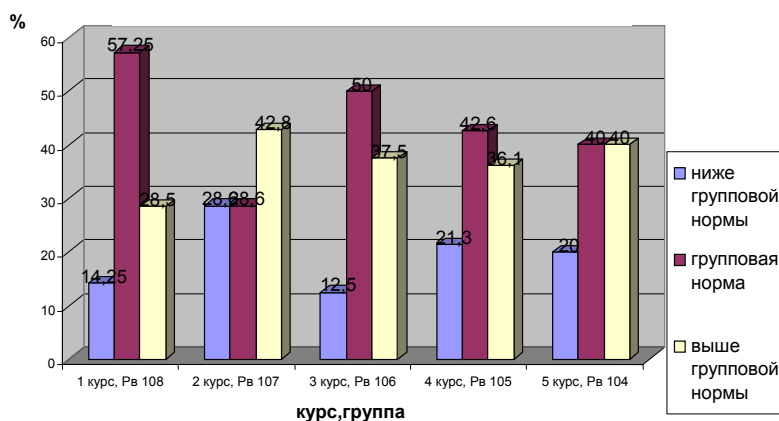

Рис. 6. Вклад в успеваемость студенток специальности «Религиоведение»

Казалось бы, данный аспект несколько снижает балл успеваемости девушек четвертого курса, но изменения незначительные на 0,35 балла ($p > 0,05$). Количество отличниц к пятому курсу увеличивается с 36,1 до 40 %. Это происходит за счет незначимого уменьшения (на 1,3 %, $p > 0,05$) числа девушек, имеющих успеваемость ниже средней групповой нормы и на 2,6 % количества пятикурсниц, демонстрирующих числовой показатель успеваемости, равный числовому значению среднего балла успеваемости выборки девушек-религиоведов 5 курса.

Таким образом, успеваемость девушек-религиоведов лежит в пределах от 9,1 до 12 баллов, т.е. выше среднего уровня. Значимое увеличение происходит на третьем курсе (на 1,94 балла, $p < 0,05$). Картина вклада в успеваемость выборки женской половины студентов-религиоведов схожа на первом, третьем и четвертом курсах. Максимальное количество девушек со среднегрупповым

уровнем успеваемости – 57,25, 50, 42,6 % соответственно. Минимальный процент девушек, имеющих успеваемость ниже численного значения среднего балла выборки, – 14,25, 12,5, 24,3 % соответственно первому, третьему и четвертому курсам. Количественный показатель среднего балла зависит от процента числа отличниц первого, третьего и четвертого курсов, – 28,5, 37,5, 36,1 % соответственно. Процент девушек, стремящихся к знаниям на втором и пятом курсах, – 40 % и выше. Довольно высок процент девушек, имеющих успеваемость ниже среднего балла успеваемости выборки, и невысок процент студенток (не более 40 %) с числовым показателем успеваемости, равным средней групповой. Это обуславливают меньший средний балл успеваемости второго и пятого курсов по сравнению с третьим и четвертым курсами, а у второго курса – меньший средний балл успеваемости по сравнению с первым курсом.

УДК 37.015:61

И.П. Черкасова

кандидат педагогических наук
доцент кафедры психологии

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА В ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Раскрывается проблема формирования психолого-педагогической культуры у родителей, которые воспитывают детей с нарушениями в физическом развитии. Автор рассматривает этот процесс как одно из педагогических условий реабилитации подростков с физическими нарушениями.

Представлены результаты реабилитационного процесса, организованного в детском лечебно-профилактическом учреждении, раскрыта структура комплексной реабилитации.

Особая роль отводится социальному педагогу в проведении реабилитационных мероприятий и в работе с родителями.

I.P. Cherkasova opens problem of formation of psychological and pedagogical culture at parents, that bring up children with infringements in physical development.

Author considers this process how one of pedagogical conditions of rehabilitation of teenagers with infringements of movement bodies.

There are presented results of rehabilitation process, that is organized in children's medical-preventive establishment.

Structure of complex rehabilitation is opened in the article. Social teacher plays special role in realization of rehabilitation actions and in work with parents.

В настоящее время сохраняется тенденция роста детей с ограниченными возможностями здоровья. Они нуждаются в педагогической поддержке и помощи по интеграции в социум, чему способствует эффективная организация реабилитационного процесса, включающего образовательно-воспитательную деятельность в условиях лечебно-профилактического учреждения.

Сегодня все чаще обнаруживаются противоречия между:

- усложнением процессов социализации и интеграции подростков в общество вследствие ухудшения состояния их здоровья и недостаточной реабилитационной работой с ними, недооценкой накопленного опыта по организации реабилитации, а также социально-педагогических возможностей этого процесса в лечебно-профилактическом учреждении;

- трудностями адаптации детей подросткового возраста в лечебно-профилактическом учреждении, связанными с низким уровнем психолого-педагогической культуры медицинского, педагогического персонала, родителей и неразработанностью научно-методических рекомендаций по обеспечению данного процесса.

Названные противоречия обусловили выбор темы нашего исследования, проблема которого сформулирована следующим образом: каковы педагогические условия эффективной реабилитации подростков в лечебно-профилактическом учреждении?

Исходными методологическими предпосылками изучения реабилитации подростков являются системный, деятельностный, комплексный, гуманистический подходы. Их совокупность обеспечивает признание индивидуальности каждого ребенка с физическими нарушениями, учет его возрастных и личностных особенностей, возможности компенсации.

Обращение к проблеме реабилитации потребовало от нас анализа таких дефиниций, как адаптация, социализация, интеграция, раскрытых в работах Б.Н. Алмазова, Г.М. Андреевой, Г.А. Гусева, Т.В. Егоровой, А.И. Ковалевой, Р.А. Литвак, Т.В. Лодкиной, Н.Н. Малофеева, А.В. Мудрика, В.А. Ситарова и др.

В настоящее время создана система социальных институтов, способствующих реабилитации людей с нарушениями здоровья, в том числе подростков. Среди них важная роль принадлежит не только школе, социально-педагогическим службам, реабилитационным

центрам, но и лечебно-профилактическим учреждениям (далее ЛПУ), в которых осуществляется целостный подход к личности ребенка со стороны педагогического и медицинского персонала, их контакт с родителями.

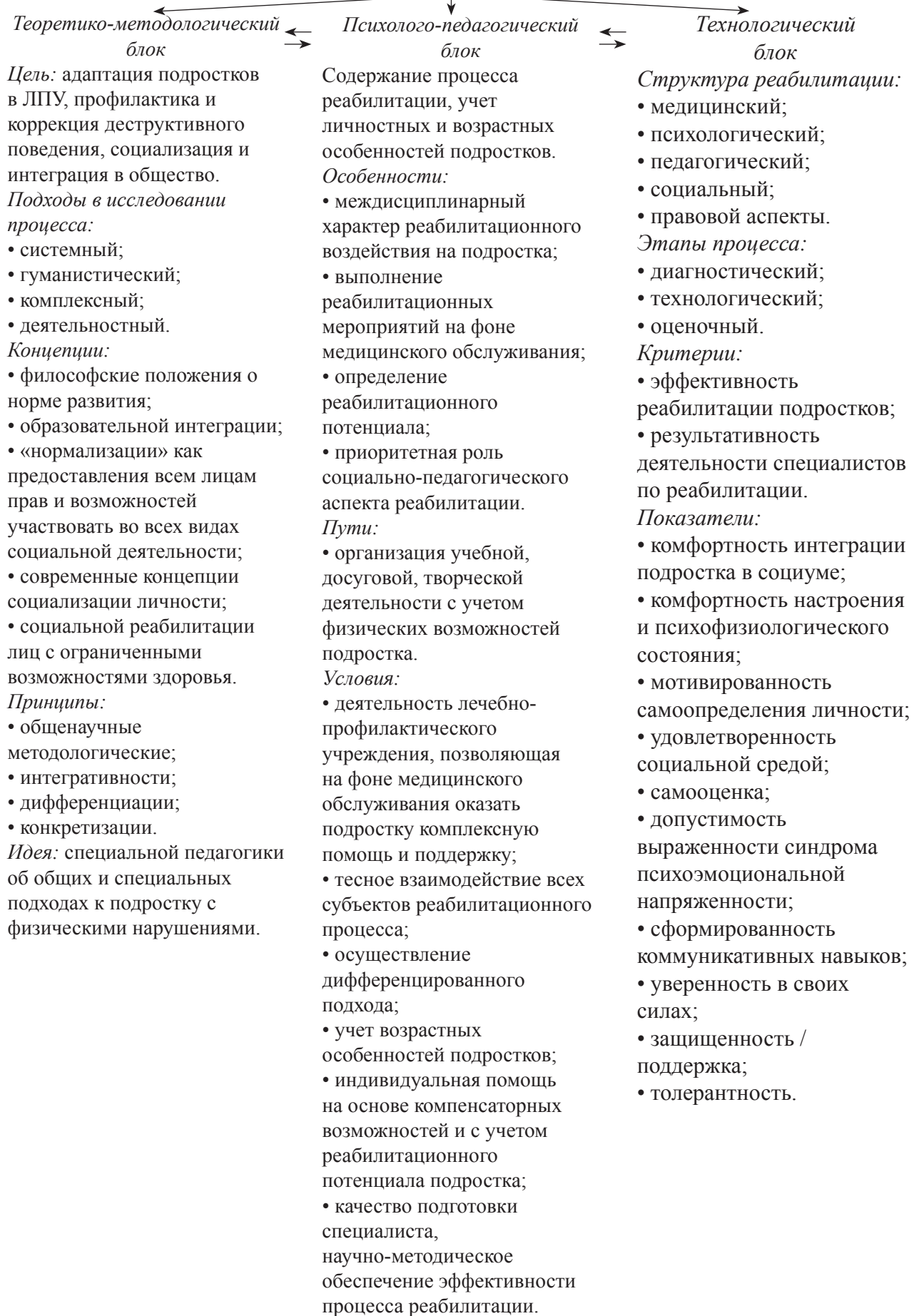
Принципы, содержание, формы и методы реабилитации детей, в том числе в условиях лечебно-профилактического учреждения, охарактеризованы в работах Г.М. Иващенко, М.В. Ипполитовой, Е.Н. Ким, И.Ю. Левченко, И.И. Мамайчук, Н.С. Моровой, О.Г. Приходько, Э.И. Танюхиной и др.

Особенности развития подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата характеризуются психической и социальной депривацией, результатом которой нередко являются эмоционально-волевой инфантилизм, агрессивность, эгоцентризм, замкнутость, неадекватность самооценки, девиации поведения, и, как следствие, проблемы обучения и воспитания.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что проблема реабилитации детей с нарушениями здоровья широко разрабатывается с середины 90-х гг. XX в. Выделяются медицинский, педагогический, психологический, социальный, правовой аспекты данного процесса. Важно отметить, что каждый из них не является независимым, в связи с чем имеет смысл говорить о социально-педагогической, психолого-педагогической, медико-педагогической составляющих реабилитации. В нашем понимании реабилитация подростков в ЛПУ – это процессуальная целостность, обеспечивающая обучение и воспитание каждого ребенка с учетом его психофизических особенностей и возможностей, социально-педагогическая защита личности, профилактика и коррекция отклоняющегося поведения. Специфика данного процесса строится на классическом принципе социальной педагогики – интеграции всех воспитывающих сил общества.

Педагогическая модель процесса реабилитации подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата в лечебно-профилактическом учреждении представлена нами в виде трёх составляющих (теоретико-методологического, психолого-педагогического, технологического блоков). Системообразующим фактором является образовательно-воспитательная деятельность на базе лечебно-профилактического учреждения во взаимодействии всех субъектов реабилитации.

**Педагогическая модель процесса реабилитации подростков
в лечебно-профилактическом учреждении**

Выход на модельную интерпретацию обусловил необходимость экспериментально проверить теоретико-методологические, психолого-педагогические, технологические компоненты модели. Опытно-экспериментальной работой были охвачены 266 пациентов 11 – 14 лет ортопедических отделений, отделения медико-социальной реабилитации и медико-социального центра двух ЛПУ г. Владимира (экспериментальная группа – ЭГ). Все подростки обладали сохранным интеллектом, обучались по программам общеобразовательных школ, имели легкую и среднюю степень выраженности двигательных нарушений. Контрольную группу (КГ) представили 252 учащихся соответствующего возраста одного из муниципальных образовательных учреждений г. Владимира.

Опытно-экспериментальная работа проходила по трем направлениям: с подростками, их родителями, специалистами ЛПУ. Были определены критерии, показатели и уровни реабилитации, в соответствии с которыми подростки были условно разделены на три основные группы с высоким (18,66 %), средним (53,73 %) и низким (27,61 %) уровнями реабилитации. Для каждого ребенка была разработана индивидуальная программа реабилитации, реализация которой на начальном этапе предполагала выявление психолого-педагогических особенностей и реабилитационного потенциала каждого подростка, учет состояния его здоровья. С этой целью совместно с психологом были

исследованы уровни личностной тревожности, самооценки, формы агрессивных и враждебных реакций, частота проявления факторов дезадаптации. Для коррекции поведения, уровней самооценки, агрессивности, адаптации в ЛПУ применялись преимущественно педагогические методы: формирования сознания, организации нравственного опыта, стимулирования или коррекции поведения, некоторые специальные методы, а также анализ педагогической документации, продуктов учебной и творческой деятельности подростков. Оценка уровней результативности реабилитационного процесса представлена в таблице.

Она показывает, что в результате проведенной опытнo-экспериментальной работы по реабилитации в ЛПУ произошли видимые изменения состава групп подростков. Достоверность полученных результатов подтверждена критерием углового преобразования Фишера: данные изменения являются статистически значимыми как для группы с низким уровнем реабилитации, так и для групп со средним и высоким уровнями.

В исследовании раскрыт социально-педагогический компонент реабилитации, включающий работу социального педагога и педагога-психолога по педагогической поддержке подростков; повышение уровня адаптации в лечебно-профилактическом учреждении; снижение уровней ситуативной и личностной тревожности, агрессивности подростков; формирование адекватной самооценки, соци-

Оценка уровней результативности реабилитации подростков в ЛПУ

Период работы	Количественное соотношение уровней результативности реабилитации подростков в ЛПУ, %		
	Низкий	Средний	Высокий
До проведения опытнo-экспериментальной работы	27,61	53,73	18,66
После проведения опытнo-экспериментальной работы	7,46	64,93	27,61
Разность	-20,15	+11,20	+8,95
Критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера	4,51	1,87	1,74

ально-бытовых навыков, навыков самообслуживания и самообразования, бесконфликтного общения. Ведущей нам представляется деятельность социального педагога, использующего широкий диапазон форм работы по реабилитации и методов воспитания.

В результате проведенной работы были выявлены следующие педагогические условия эффективности реабилитации подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата в лечебно-профилактическом учреждении:

- включение детей подросткового возраста, находящихся в лечебно-профилактическом учреждении, в позитивно-мотивированную деятельность с целью мобилизации их внутреннего потенциала и ориентации на саморазвитие;

- интеграция воспитательно-коррекционной направленности деятельности всех субъектов реабилитации;

- раскрытие компенсаторных возможностей подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата с учетом их возрастных, личностных особенностей и реабилитационного потенциала в процессе оказания реабилитационной помощи;

- повышение психолого-педагогической культуры родителей с целью вовлечения их в реабилитационный процесс;

- научно-методическое обеспечение эффективности реабилитации в лечебно-профилактическом учреждении включает: программно-методические материалы об особенностях развития, обучения и воспитания подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата, их социальных правах, о построении взаимоотношений с такими детьми и их родителями; диагностический инструментарий контроля знаний, умений и навыков исследования и необходимой коррекции психологических и социально-педагогических отклонений у подростков, находящихся на лечении в ЛПУ;

- усиление практикоориентированной составляющей профессиональной подготовки социальных педагогов в высшем учебном заведении путём предоставления студентам возможности овладения формами, методами

и приёмами работы с детьми в лечебно-профилактических учреждениях в период педагогической практики.

Обобщение результатов опытно-экспериментальной работы позволило разработать научно-методические рекомендации по реабилитации детей подросткового возраста в лечебно-профилактическом учреждении.

Эффективность реабилитации в значительной степени определяется специальной, практикоориентированной подготовкой специалиста. С этой целью нами был выделен ряд учебных программ, которые содержат материалы для подготовки социальных педагогов к работе с детьми, имеющими нарушения в физическом развитии, а также обладают потенциальными возможностями, позволяющими дополнить их содержание сведениями об особенностях развития, обучения, воспитания подростков с заболеваниями опорно-двигательного аппарата, мерах по их социально-педагогической реабилитации. Разработаны научно-методические рекомендации по усилению внутрипрофессиональной специализации выпускников социально-педагогических факультетов для работы с подростками в условиях лечебно-профилактического учреждения.

Таким образом, проведенное исследование показало, что реабилитация подростков, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата, привела к положительной динамике в развитии личностных качеств, уменьшению тревожности, агрессивности, формированию адекватной самооценки. Уменьшились сроки их адаптации в ЛПУ. Имеет место повышение профессиональной компетентности сотрудников учреждения, формирование коллектива единомышленников – медицинского и педагогического персонала. Главный результат заключается в изменении с их стороны отношения к пациентам-подросткам: оно стало более педагогически грамотным и личностно-ориентированным. Просматриваются определенные тенденции, свидетельствующие о заинтересованности родителей в получении специальных знаний о воспитании детей, стремлении им помочь и принять их.

К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ ЗДОРОВЬЯ И РОЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ВУЗА

В данной статье рассматривается один из основных аспектов работы психологической службы вуза – оптимизация здоровья студентов, преподавателей, сотрудников. Анализируются психологические аспекты проблемы здоровья: психологические причины нарушения здоровья, психосоматические последствия негативных эмоциональных переживаний, психотерапевтические технологии оптимизации эмоционально-волевой сферы личности.

Amongst multiple problems in working the psychological service of the university central is - a conservation of health student, teachers and employee.

Coming from our experience and the other data offset to motivations aside larval prestigiousness and reinforcements to aggressiveness, hostility, anxiety is an evidence to undertaking of psychotherapy of toleration through correcting the system of the relations to purposes to psychotherapy: problem-oriented style of the behaviour; emotional competence; positive "I" - concept.

Основная задача психологической службы вуза – содействие сохранению здоровья студентов, преподавателей и сотрудников. В области психологии здоровья принято выделять три аспекта феномена здоровья: физический, психический и социальный. Однако это разделение условно. Здоровье – это психологический феномен, биопсихосоциальное единство, система, состоящая из равноценных элементов, в равной степени определяющих друг друга и сохранность системы в целом [5].

В современной цивилизации главным риском для здоровья (не считая факторов наследственности и экологии) являются негативные психоэмоциональные состояния. Среди последних доминируют различные формы страха (страх быть отвергнутым, непонятым, уволенным), которые формируют психосоматическую проблему (функциональные нарушения в системах жизнеобеспечения: сердечно-сосудистой, желудочно-кишечного тракта и др.), ограничивают социальную активность индивида [3].

В психосоматике рассматриваются следующие этиологические цепочки страхов.

Страх потери зависимых, но надежных отношений; страх внешней негативной оцен-

ки; страх сделать ошибку и не стать лучшим; дефицит позитивной самооценки; потеря осмысленной цели жизнедеятельности; хроническая готовность к преодолению препятствий; стремление к тотальному контролю; неспособность выражать собственные эмоции – такие последствия мыслеформы соответственно влекут следующие заболевания: бронхиальную астму, сердечно-сосудистые нарушения, патологические изменения желудочно-кишечного тракта и нарушения пищевого поведения, гипотиреоз, гипертиреоз, сахарный диабет, проблемы кожных покровов. Кроме того, неспособность своевременно совладать с кризисными событиями жизнедеятельности сопровождается проблемами опорно-двигательной системы. И в завершении к сказанному добавляются аспекты депрессии, головные боли и мигрени. К сожалению, этот печальный список имеет продолжение [2, 3].

Страхи выражаются в личностных проблемах, которые вызывают настолько тягостную фиксацию и душевный разлад, что в определенных жизненных ситуациях приводят к хронизации негативных эмоций и неуверенности в себе. Негативные эмоциональные переживания (тревожность, агрессия, враж-

дебность, страхи) являются сигналом деформированных отношений в какой-либо сфере жизнедеятельности и фактором риска для здоровья.

Психологическая служба вуза решает эти проблемы через психологическую коррекцию отношения к учебно-профессиональной, профессиональной деятельности и жизнедеятельности в целом.

Вслед за В.Н. Мясищевым мы принимаем, что система отношений является главной характеристикой личности. Отношения – это сознательная, основанная на опыте избирательная связь человека с различными сторонами жизни, которая выражается в действиях, реакциях и переживаниях [4]. Отношения выступают движущей силой личности, характеризуя степень интереса, силу эмоций, желаний, потребностей. Столкновение значимых отношений личности с несовместимой с ними жизненной ситуацией становится источником нервно-психического напряжения, ведущего к нарушению здоровья (в контексте образовательного пространства – это когнитивные нагрузки, эмоциональное выгорание, различные конфликты и т.п.). Следует подчеркнуть, что ведущую роль в происхождении психосоматических проблем выполняют эмоциональные переживания. По медицинской статистике 42 % проблем со здоровьем – это психосоматические (преимущественно без органических изменений, результат эмоциональных нагрузок). Рассмотрим подробнее разрушительную сущность эмоциональных негативных переживаний, т.к. важнейшим звеном психокоррекции отношений является работа с негативными эмоциональными состояниями.

Эмоциональные переживания не только участвуют в происхождении психосоматических расстройств, но и делают индивида уязвимым к психоэмоциональным стрессам, затрудняют психологическую и биологическую защиту, облегчают возникновение и утяжеляют течение соматических нарушений [2, 3].

Эмоциональная реакция, выражающаяся в форме постоянной тревоги, нейро-вегетативно-эндокринных изменений и характерном ощущении страха, является связующим звеном между психологической и соматической сферами. Полное развитие чувства стра-

ха предотвращено защитными физиологическими механизмами, но обычно они лишь уменьшают, а не устраняют полностью эти физиологические явления и их патогенное действие. Этот процесс можно рассматривать как торможение, то есть состояние, когда психомоторные и словесные выражения тревоги или враждебных чувств блокируются таким образом, что стимулы, поступающие из ЦНС, отводятся к соматическим структурам.

Сверхактуальное переживание фиксируется, образуя установочную доминанту, являющуюся функциональным очагом психической патологической импульсации. Смутное чувство физического дискомфорта обуславливает при определенных воздействиях реализацию болезненных ощущений и их фиксацию.

Считается, что в этом процессе ключевым звеном является долговременная память. Долговременная память – это всегда эмоциональная память. Чем ярче эмоции, тем больше вероятность активации следа памяти в дальнейшем, и пережитое человеком стрессовое состояние надежно закрепляется в долговременной памяти. На основе механизмов реверберации возбуждения и долговременной постсинаптической потенциации пережитое состояние паники, страха, ужаса сохраняется в виде энграмм – «следов памяти».

Возвращаясь к вопросу психотерапии эмоциональных переживаний через коррекцию отношений, подчеркнем, что человек, находящийся в гармоничных отношениях со своей средой, может перенести экстремальные соматические и психические нагрузки, избегнув болезни. В этой связи важным звеном психотерапевтической помощи выступает процесс формирования совладающего поведения в сложных ситуациях (позитивная мысль, положительная эмоция, адаптивное поведение). Выработка навыков эмоционального совладания сопряжена с созданием новых условно-рефлекторных позитивных связей, позволяющих вырабатывать индивидуальный стиль, сбалансированный по параметрам оптимальности, комфортности, адаптивности и результативности [1].

Следуя за идеями рационально-эмоциональной когнитивной психотерапии, мы исходим из того, что восприятие объекта или собы-

тия опосредуется мышлением и, осознав это опосредующее звено, можно понять реакцию индивида, прежде всего ее эмоциональные и поведенческие аспекты. Схема взаимодействия окружения и индивида представляется в виде S-O-R (стимул – реакция с промежуточной переменной O, включающей прежде всего когнитивную переработку воспринятого). Когнитивная психотерапия исходит из положения, что психологические нарушения, предшествующие этапу нейрофизиологических расстройств, связаны с аберрацией мышления (обозначение, селекция, интеграция), которые искажают видение объекта или ситуации. Искаженные когниции являются причиной ложных представлений и самосигналов и, следовательно, неадекватных эмоциональных реакций [1, 6].

Основными критериями эффективного освоения совладающего поведения являются (цели психотерапии в данном контексте):

1. Творчество в процессе восприятия и мыслеформы, выражающееся в гибкости, адаптируемости, приспособляемости поведения.

2. Освоение функционального анализа причинно-следственных отношений, который выражается в стиле реагирования.

Под стилем реагирования понимается параметр индивидуального поведения, характеризующий способы взаимодействия человека с различными сложными ситуациями, проявляющийся либо в форме психологической защиты от неприятных переживаний, либо в виде конструктивной активности личности, направленной на разрешение проблемы. Стили реагирования являются промежуточным звеном между случившимися стрессовыми событиями и их последствиями в форме, например, тревожности, расстройств, сопутствующих защитному поведению.

3. Творчество эмоционального самовыражения, проявляющееся в спонтанности и рациональном самораскрытии в социальных взаимодействиях.

Поясним, что в нашей культуре личность подавляет и контролирует свои переживания и эмоции – как правило, следствием этого являются эмоциональные нагрузки (эмоциональные перенапряжения), ведущие к невротоподобным формам поведения. Следовательно,

третий критерий – психологическое средство профилактики личностной дезадаптации.

4. Саморегуляция социально-психологических коммуникаций проявляет себя в *проблемно-ориентированном стиле*, который направлен на рациональный анализ проблемы, связан с созданием и выполнением плана разрешения трудной ситуации и проявляется в таких формах поведения, как самостоятельный анализ случившегося, обращение за помощью к другим, поиск дополнительной информации.

Противоположностью выступает *субъектно-ориентированный стиль* как следствие эмоционального реагирования на ситуацию, не сопровождающуюся конкретными действиями, и проявляется в виде попыток не думать о проблеме вообще, вовлечения других в свои переживания, желание забыться во сне, растворить свои невзгоды в алкоголе или компенсировать отрицательные эмоции едой. Эти формы поведения характеризуются наивной, инфантильной оценкой происходящего.

Длительность психотерапии в каждом конкретном случае определяется индивидуальными особенностями системы отношений клиента. Критериями эффективности психотерапии является улучшение качества эмоциональных переживаний, саморегуляция поведения.

Библиографические ссылки

1. Гулина, М. Терапевтическая и консультативная психология / М. Гулина. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с. – ISBN 5-9258-0049-8.

2. Курпатов, А. Психосоматика, психотерапевтический подход / А. Курпатов. – М.: ОЛМА, 2007. – 478 с. – ISBN 978-5-373-00427-5.

3. Малкина-Пых, И.Г. Психосоматика: справочник практ. психолога / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2004. – 992 с. – ISBN 5-699-06449-4.

4. Мясищев, В.Н. Психология отношений / В.Н. Мясищев. – М.: РАО, 2004. – 400 с. – ISBN 5-895002-404-1.

5. Никифорова, Г.С. Психология здоровья / Г.С. Никифорова. – М.-СПб, 2006.

6. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б.Д. Карвасарского. – СПб.: Питер, 2000. – 1024 с. – ISBN 5-8046-0152-0.

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47)

В.В. Гуляева

доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРАНЗИТНОЙ ТОРГОВЛИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ (VIII-XI вв.)

Северо-Восточная Русь, включающая Волго-Окское междуречье, в IX в. ведет активную международную торговлю. Об активной торговой деятельности славян свидетельствуют клады древних монет, найденные на территории Ярославского Поволжья и Суздальского Ополя. В IX в. появляются торговые центры в районе Углича – Тимеревское поселение, в бассейне озера Неро-Сарское.

В селе Новоселки под Суздаlem найдено захоронение одного из купцов. Торговые связи завязывались с Византией и с арабским миром. Многие изделия, найденные на территории Суздаля, поступали из Сирии и Египта. Анализ письменных и археологических источников свидетельствует о том, что территория Волго-Окского междуречья являлась одним из главных районов, связанных с важнейшими транзитными международными торговыми путями на рубеже IX – XI вв.

North- Eastern Russ induding interfluve of the Volga and the Oka, had been conducting active international trade since the 9th century. Treasures of ancient coins found on the territory of Yaroslavl Povolzh'e and Suzdal Opol'e is the evidence of the active trade of the slavs. Trade centers in the area of Uglich appear in the 9th century – Timerevskoye sehlement, in the basin of lake Nero-Sarskoye.

The burial place of one of the merchants was found in the sehlement Novoselki near Suzdal. Trade relationships were established with Byzantium and the arab world. Many items found on the territory of Suzdal came for Syria and Egypt. Analysis of written and archeological sources indicates that the territory of the interfluve of the Volga and the Oka was one of the main areas, connected with the most important transit trade ways at the turn of the tenth century.

В IX в. на международную арену выходит древнерусское государство восточных славян. Заключаются торговые и военные соглашения с иностранными государствами. Одним из активных способов экономической деятельности Руси было предпринимательство, сыгравшее существенную роль в развитии общества.

Северо-Восточная Русь – один из важнейших регионов, связанных с процессом формирования древнерусского предпринимательства, включает, в основном, Волго-Окское междуречье, которое начинают осваивать с VIII в. варяги. В самых новых материалах археологических изысканий в Ярославском Поволжье и Суздальском Ополе обнаружены скандинавские погребальные комплексы, най-

дены вещи северного происхождения, попавшие сюда путем торгового обмена. В составе торгово-дружинных объединений из Скандинавии они проходили по Балтийско-Волжскому пути через Ладогу, Новгород, Верхнюю Волгу в Волжскую Булгарию и Хазарию и далее в страны Арабского халифата.

Включение Волго-Окского междуречья в международную торговлю происходит в IX в., о чем свидетельствуют клады арабских монет, найденные в районе Углича, на Тимеревском поселении, на Сарском городище и др. К этому времени относится появление Тимеревского поселения и некрополя. Тимеревский могильник функционировал приблизительно 150 лет: с конца IX до начала XI в. Преобладающие захоронения в нем – финно-угорские,

на всем протяжении функционирования кладбища. Здесь выделяются также скандинавские погребения, наиболее ранние из них относятся к концу IX и рубежу IX – X вв. Больше всего их приходится на X в. Со славянским этносом связаны более пятидесяти курганов второй половины X – начала XI в. Таким образом, этническая ситуация здесь такова: первыми в местную финскую среду проникают скандинавы, а позднее появляются славяне.

Отношения между ними строились, видимо, на основе делового сотрудничества. Это были свободные ремесленники, купцы, воины. Причем скандинавские переселенцы, как и славянские, жили здесь постоянно, семьями, в первой половине X в. появляются, видимо, и смешанные (норманнско-финские) браки, что отражается в появлении смешанной погребальной обрядности. Среди наиболее богатых захоронений есть как финские, так и норманнские. Их обычно связывают с местной феодализирующейся знатью. То есть в формировании древнерусской аристократии данного региона принимали участие как местные, так и пришлые этнические компоненты.

Аналогичные этнические процессы наблюдались и в других центрах, стоявших на Волго-Окских озерно-речных путях. Так, в районе Плещеева озера найдено несколько мерянских поселений и могильников (у сёл Вельково на горе Гремяч, Городище и др.). Самые ранние мерянские и скандинавские погребения здесь датируются серединой X в. Причем, скандинавский элемент в Плещеевских курганах очень незначителен. Преобладающим является славянский этнический элемент, который одними исследователями связывается с Ярославским Поволжьем, а другими – с Верхним Поднепровьем.

В бассейне озера Неро наблюдается концентрация мерянского населения. Здесь на территории племенного центра на реке Саре в Сарском городище, которое, как полагают, играло также роль «международного торгового центра», найдены вещи скандинавского происхождения, древнейшие из которых датируются концом VIII – началом IX в. и клады арабских монет первой трети IX в. Находки

эти могут свидетельствовать о достаточно раннем включении аборигенов в восточную торговлю, видимо, при посредничестве скандинавов. Рядом с Сарским городищем был обнаружен сезонный лагерь дружинно-торговой группы, где найдены предметы вооружения и защитного снаряжения, весовые гирьки, дирхемы. Датируется он началом X в.

Захоронение одного из купцов было обнаружено в селе Новоселки под Суздалем. У пояса гостя были найдены остатки кожаного кошелька, в котором находилась бронзовая гирька, 1/4 серебряного германского динария и сливовые и вишневые косточки для счета, то есть все атрибуты торговых операций. Всего вдоль Балтийско-Волжской магистрали на территории Древней Руси выявлено свыше 200 погребений X – XI вв. с торговым инвентарем. В них выделяются и восточнославянские, и скандинавские, и финно-угорские элементы.

В этническом отношении это было уже смешанное славяно-норманнское население. В погребальном обряде курганов обычно сочетались норманнские элементы и новые ритуалы, выработанные в местной, этнически смешанной среде. Так, ярко выраженным скандинавским элементом обряда является сожжение в ладье.

Ритуал, связанный с сожжением в ладье, во многом совпадает с описанием похорон «руса», которые наблюдал Ибн-Фадлан на Волге в 922 г.: «Наступил день, в который должны были сжечь его и девушку..., его корабль был вытасчен (на берег) и для него поставлены четыре устоя из дерева... вокруг них поставлено также нечто вроде больших помостов из дерева. Потом корабль был протасчен, пока не был помещен на это деревянное сооружение. В середину этого корабля они ставят шалаш из дерева и покрывают его разного рода «кумачами»... Потом явились люди с деревом и дровами... И берется огонь за дрова, потом за корабль, потом за шалаш, и мужа, и девушку, и все, что в нем... Не прошло и часа, как корабль, и дрова, и девушка, и господин превратились в золу, потом в пепел... Потом они соорудили на месте этого корабля... нечто вроде круглого холма».

Вместе с тем, наряду с явным скандинавским компонентом, принявшим участие в освоении пути «из варяг в арабы», выделяется и хазарский компонент. О торговле русов с иноземными купцами свидетельствуют арабские рукописи X в. «Русы, – писал в середине X в. ал-Истахри, – состоят из трех племен, из коих одно ближайшее к Булгару. Царь его живет в городе под названием Куяба, который больше Булгара. Другое племя, наиболее отдаленное от них, называется Славия. Еще племя называется Артания, а царь его живет в Арте. Люди часто отправляются торговать в Куябу, что же касается Арты, то мы не припомним, чтобы кто-нибудь из иностранцев странствовал там. Купцы из Арты отправляются вниз по воде и ведут торг, но ничего не рассказывают про свои дела и товары и не допускают никого провожать их и вступать в их страну. Из Арты вывозят черных соболей и свинец».

Наиболее яркие записи о контактах с русами в X в. оставил Ахмед Ибн-Фадлан. Добравшись до великой и могучей реки Итиль, – так арабы называли Волгу – он повстречался с русскими купцами. «Они были подобны пальмам, – записал он, – румяны и красивы». Все русы оказались хорошо вооружены. У одного – секира, у другого – меч, у третьего – длинный нож. Мечи плоские, с бороздками, франкской работы. Вместо курток и кафтанов они носили плащи.

На территории проживания вятичей найдено четыре кладов в районе излучины Оки, причем кладов в земле вятичей составляют почти половину всех кладов, найденных на славянских землях. По плотности размещения кладов арабского серебра земля вятичей превосходит остальные районы Восточной Европы, что, несомненно, свидетельствует об оживленных торговых связях вятичей со странами халифата в середине и второй половине IX в. Это обстоятельство объясняет нам особый интерес арабских и персидских авторов к славянской земле Вантит.

Первое местоположение восточных славян – Вантит – давно соотнесено с вятичами. Вантит определяется в «Худуд ал-Алем» как «первый город на востоке (страны славян), и

некоторые из его жителей похожи на русов». В начале X в. Ибн-Русте пишет: «В самом начале пределов славянских находится город, называемый Ват (Ва и Т). Путь в ту страну идет по пустыням и бездорожным землям через ручьи и дремучие леса». «И на крайних пределах славянских есть город, называемый Вантит», – продолжает персидский историк Гардизи.

Восточные источники называют и другие города славян. Ибн-Русте так описывает местоположение главного города славян Хордаба: «Местопребывание его (царя) находится в середине страны славян... Город, в котором он живет, называется Джарваб, и в этом городе ежемесячно в продолжение трех дней проводится торг, покупают и продают». В «Худуд ал-Алем» упоминается: «Хордаб – большой город и местопребывание царя». Физическая география Восточной Европы, описанная автором «Худуд ал-Алем», окончательно определяет место города славян – вятичей: «Река Ука (Рута) течет от горы, расположенной на пограничье между печенегами и мадьярами и Русью. Потом она входит в пределы Руси и течет к славянам. Затем достигает города Хордаба, принадлежащего славянам».

О взимании проездных пошлин с русских купцов в Хазарии писал арабский путешественник и писатель IX в. Ибн-Хордадбех: «Затем они отправляются из моря Славян, пока они не приходят к проливу хазар». Персидский историк Гардизи сообщал, что наместник кагана (царь-бек) сам собирал харадж – подать.

Древнейшее известие о дальних поездках торговцев из Руси в Византию и государства Востока сохранилось в рукописи арабского географа Ибн-Хордадбега «Книге путей и государств», написанной около 885 г., но отражающей, по мнению востоковедов, реалии середины IX в. «Русы – купцы ... возят мех белок, чернобурых лисиц и мечи из крайних пределов славянства к Румскому (т.е. Черному) морю, и берет с них десятину румский (т.е. византийский) властелин, а то они отправляются по Танаису (Дон) – славянской реке, проходят до Хамлиджа, хазарской столицы, и берет с них десятину ее властелин, затем

они едут к Джурджансокому (Каспийскому) морю... иногда они перевозят свои товары из Джурджана на верблюдах в Багдад...».

В.О. Ключевский отмечает важность этого события, так как его относят к первой половине IX в., не позднее 846 г., т.е. раньше указанного летописцем времени призвания Рюрика на Русь. Восточная торговля в таком виде, как ее описывает Ибн-Хордадбех, могла завязаться в середине VIII в., о чем свидетельствуют клады с древними арабскими монетами, серебряными дирхемами, некоторые находки которых относятся к VIII в.

Большую роль в экономической жизни Северо-Восточного региона играла Владимиро-Суздальская земля. О широких торговых связях Владимиро-Суздальского княжества сообщают летописи. Подводя итоги княжения Андрея Боголюбского, летописец указывает, что во Владимир приходили купцы из Южной Руси, Константинополя, Западной Европы и Волжской Булгарии, называет «гостей» «из Царягорода и от иных стран», «всеи погани» (т.е. язычников), мусульманских и иудейских («Булгаре и Жидове»).

Торговые и культурные связи составляли одну из важных сторон экономической жизни каждого древнерусского города, в том числе и Суздаля – одного из главных городов Владимиро-Суздальского княжества.

Такие связи осуществлялись со многими странами и городами, в том числе и с Византийской империей. Так летописец, рассказывая о торговых отношениях, происходивших во Владимиро-Суздальском княжестве, отмечал: «Гость приходил из Царяграда и от иных стран, из русской земли, паче Латинии, и до всего хрестыянства».

Определенным свидетельством отношений Суздаля и Византии являются находки монет. В своей работе М.В. Седова говорит о находках на территории Кремля византийского медного фолиса императора Романа I (931 – 941 гг.) и четырех западноевропейских денариев, чеканенных во Фризии и в Майнце.

Товары поступали в Суздальскую землю из Византии, Крыма, Сирии и Египта днепро-вским водным путем через Киев. Суда шли

по Днепру, затем волоком – на Ваузу, а оттуда – на Верхнюю Волгу. С Волги суда сворачивали в ее приток Нерль, затем волоком и системой малых рек переправлялись в Нерль Клязьменскую и Каменку.

К южному импорту относятся стеклянные изделия, поступавшие из Сирии и Египта. Близ Ризоположенского монастыря обнаружен также фрагмент стеклянного кубка желтоватого цвета с росписью красно-коричневой и золотой эмалью в виде сложного растительного узора или пальметты. Подобные сосуды изготовлялись в стекольных мастерских г. Ранка в северной Сирии в XII в.

Довольно редким на Руси видом стеклянных изделий являются пуговицы. Небольшие прозрачные кобальтовые, ярко-желтые, зеленые, черные и молочно-белые непрозрачные пуговицы XI в., найденные в ранних памятниках Суздаля, привезены из Византии.

О связях с Византией свидетельствуют также произведения византийской глиптики. На Руси, не знавшей искусства резьбы по драгоценным и полудрагоценным камням, высоко ценились византийские камеи, которыми украшали нагрудные панагии и оклады икон. Так, в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника сейчас находится несколько камей, в прошлом принадлежавших суздальским монастырям: камей на агате святой Георгий IX в. (вправлена в оклад иконы Богоматерь Владимирская с акафистом на полях); камей Никола поясной на сапфире и святой Георгий-воин на жадеите XI – XII вв., камей Архангел Михаил на благородном змеевикестеатите XIV в.

Русь импортировала из Византии также шелковые ткани и золотую тесьму. Фрагменты одежды из многослойной уточной шелковой саржи обнаружены также в Суздальском некрополе. Нередкими для Владимиро-Суздальской Руси являются находки керамики византийского круга, включающей посуду, изготовленную в Византии.

Свидетельством связей Владимиро-Суздальской Руси с Крымом являются находки крестиков-«корсунчиков», названных так по месту предполагаемого их вывоза – Корсуни. Крестики-«корсунчики» входили в состав

кладов Владимиро-Суздальской земли. Таким образом, в XII в. суздальско-византийские связи были активными, разнообразными и сложными.

Владими́ро-Суздальская земля торговала с немецкими землями. Зарождение этих торговых отношений ученые относят еще к VIII – IX вв. Свидетельством поступления западноевропейских товаров во Владимиро-Суздальскую землю являются находки витражных стекол. Четыре фрагмента витражного стекла найдены в северо-западной части Суздальского кремля.

В XII – XIII вв. Суздальскую землю хорошо знали в Венгрии. Знаменитые серебряные сосуды, так называемые «венгерские» или балканские, изготовленные в районе Венгрии и дунайского бассейна в X – XI вв., экспортировались на Волгу, Оку, Каму, т.е. в Волжскую Булгарию и Суздальскую землю.

Известна дарохранительница, выполненная в знаменитой технике выемчатой эмали в Лиможе. Такие дарохранительницы, символизирующие образ Святого Духа, хранятся во многих музеях и частных коллекциях Западной Европы, в основном Франции и Германии. Она являлась частью церковной утвари Рождественского собора в Суздале.

Среди костяных изделий суздальской коллекции к западноевропейскому импорту можно отнести шахматную фигурку и накладку на шкатулку кельнской работы.

Анализ свидетельств скандинавских, прибалтийских и древнерусских письменных источников, а также археологических находок предметов импорта показывает, что Владимиро-Суздальская Русь имела с этими странами давние, тесные и разнообразные связи.

Особенно интенсивной была торговля городов Владимиро-Суздальской Руси со странами Востока уже с X в. Русские купцы вывозили на восток разнообразные меха – соболя, куницы, горноста, белки, бобра, на которые в восточных странах повысился спрос у знати и богатых людей. Непроходимые леса «залесских земель» позволяли добывать огромное количество шкур пушных зверей. Старинные документы говорят, что обильные бобровые ловли осуществлялись на реках Клязьме, Нерли, Тезе, Рпени.

Не только сырье (мех, воск, мед, клей, древесина), но и ремесленные изделия экспортировались из Северо-Восточной Руси. Ювелирные изделия владимирских мастеров были обнаружены в Волжской Булгарии. По Волге при посредничестве Булгарии на Суздальскую землю поступали предметы роскоши: шелковые ткани, жемчуг, серебро в монетах и изделиях, стеклянная и поливная посуда, стеклянные бусы, пряности, ковры и т.д. Владимиро-Суздальское княжество полностью контролировало северный отрезок Волжского пути.

Традиционной была торговля со Скандинавией, которая веками шла через Новгород и Ростов. Наиболее древним является упоминание в исландском географическом сочинении «Какие земли лежат в мире», восходящем к XI в., в котором названы 8 главных городов Руси (Гардарики). Любопытно, что Муром (Moramar), Ростов (Rostofa) и Суздаль (Surdalar) стоят в этом перечне раньше Новгорода и Киева. Скандинавы часто посылали своих дружинников в Бьярмаланд и Surtisdala (Суздальскую землю).

Из Скандинавии ввозилось оружие и цветные металлы, в основном медь, олово, свинец. Свидетельством такого импорта может служить клад из 15 слитков оловянисто-свинцового сплава (весом 129 – 140 г), обнаруженный на городище Выжегша в районе Ополя вместе с кладом 1274 куфических монет IX в. и скандинавскими ланцетовидными наконечниками стрел.

Владими́ро-Суздальская земля полностью контролировала северную часть Волжского пути. Исландские саги сообщают о покупке скандинавами восточных товаров, доставленных по Волжскому речному пути, и мехов, привезенных из Владимиро-Суздальской Руси. В саге о Хаконе, сыне Хакона, рассказывается о торговых делах норвежца Огмунда из Спанхейма, который поехал на восток в Сюрдаларики (Суздаль), где со своими дружинниками и товаром остался зимовать. Из Суздаля этот купец возвращался в Норвегию через Константинополь и далее по Средиземному морю.

Особое значение для понимания взаимоотношений Руси с Волжской Булгарией имеют сообщения летописи о восстаниях в Суздальской земле, происходивших в XI столетии. Так, в 1024 г. волнения, вызванные сильным неурожаем на Суздальской земле, были подавлены князем Ярославом, прибывшим сюда из Новгорода. Голода и мора удалось избежать благодаря хлебу, привезенному из Волжской Булгарии. Обращение к Волжской Булгарии было неслучайно. Между Северо-Восточной Русью и Булгарией существовали давние и прочные торговые связи. Об этом говорят различные виды источников. Во-первых, это археологические данные, свидетельствующие о том, что Булгария была крупным производителем хлеба. Ахмед Ибн-Фадлан, описывая Булгар, сообщает, что «их пища (это) просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень (у них) в большом количестве». В.Н. Татищев сообщает о торговом договоре 1006 г., заключенном с булгарами князем Владимиром, «булгары возили жито по Волге и Оке о все грады русские и продавали, и тем великую помощь сделали».

О восстании смердов 1024 г. в летописи говорится, что все люди направлялись за хлебом в Волжскую Булгарию согласно договору 1006 г., по которому князь Владимир разрешил «булгарам все их товары продавать во градах купцам, и от них купить, что потребно, а по селам не ездить, тиуном, варником, огневтине и смерди не продавать и от них не купить».

Летописные свидетельства говорят нам о том, что предпринимательские отношения Руси с Булгарией становятся важнейшими для обеих сторон, начиная с X столетия, и остаются таковыми в XI в.

Не только с Северной Европой, но и с Прибалтикой у Владимиро-Суздальской Руси имелись тесные контакты. Главными предметами русского экспорта в Ригу были воск, лен, пушнина, а через Ригу с запада в русские города поступали соль, сукна, металлы.

Таким образом, как показывает анализ письменных и археологических источников, территория Северо-Восточной Руси, расположенная в Волго-Окском междуречье, явля-

лась одним из главных регионов, связанных с важнейшими транзитными международными торговыми путями на рубеже VIII – XI вв.

Библиографический список

1. Лаврентьевская летопись / Полн. собр. русских летописей. – Л., 1928. – Т. I.
2. Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 1969. – Ч. 2.
3. Гаркави, А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских со второй половины VII в. и до конца X в. / А.Я. Гаркави. – СПб., 1870.
4. Гуляева, В.В. Природно-географический, этнокультурный и социально-экономический факторы в развитии предпринимательства на территории древнерусского государства (IX – XI вв.) / В.В. Гуляева. – Владимир, 2004.
5. Она же. Развитие предпринимательства в Древнерусском государстве (IX – XII вв.) / В.В. Гуляева. – Владимир: Владим. гос. ун-т, 2000. – С. 155. – ISBN 5-89368-166-5.
6. Она же. Суздаль. Домонгольский период / В.В. Гуляева. – Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2008. – С. 14 – 50.
7. Она же. Роль варягов в развитии предпринимательства на территории Древнерусского государства (VIII – XI вв.) / В.В. Гуляева // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Варяги и варяжский вопрос». – Владимир, 2008. – С. 14 – 18.
8. Заходер, Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе / Б.Н. Заходер. – М., 1962 – 1967. – Т. I – II.
9. Калинина, Т.М. Торговые пути Восточной Европы IX в. / Т.М. Калинина // История СССР. – 1986. – № 4.
10. Новосельцев, А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX вв. / А.П. Новосельцев // Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965.
11. Седова, М.В. Суздаль в X – XV вв. / М.В. Седова. – М., 1997.
12. Янин, В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья / В.Л. Яшин. – М., 1956.

ВЛИЯНИЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ НА ИСТОРИЮ РУСИ

Эта статья посвящена проблемам взаимоотношений между Русью и Волжской Булгарией, а позднее Казанским ханством. Автор описывает факты их влияния на историю Руси в области экономики, политики, культурных традиций, языка.

This article is devoted to problems of interrelations between Russia and Volgaian Bulgaria and later Kazanian Khanate. The author describes their basic influences on Russian economic, political history, cultural traditions and language.

На многовековую историю России оказывали влияние многие народы, в том числе болгары, предки современных волжских (казанских) татар. Государство Волжской Булгарии с X по XIII вв. находилось в тесной связи с Русью. Говоря об экономических связях, следует особо отметить то, что Булгария всегда старалась прийти на помощь Руси в самые тяжёлые для неё годы. Так, под 1024 г. русские летописи сообщают о страшном голоде на Руси и добавляют: «Идоша по Волзе все людие в Болгары и привезоша пшеницу и жито, и тако от того жита кормяхуся» [1]. О том, что это не было одноразовым явлением, свидетельствует и более позднее сообщение летописей, зафиксированное В.Н. Татищевым под 1229 г.: «В сие время глад был по всей Руси два года, и множество людей поумирало, а более в Новеграде и Белоозере; но болгары, учиня мир, возили жито по Волге и Оке во все грады русские, и продавали, тем великую помочь сделали. Князь же Болгарский прислал в дар великому князю Юрию 30 насадов с житами». Следует отметить ещё одно важное обстоятельство: в самые тяжёлые и напряжённые времена русско-болгарские взаимоотношения не прерывались. Даже в XII в., когда борьба между болгарскими и северорусскими князьями, особенно при Андрее Боголюбском, достигает апогея, продолжают культурные, экономические и матримониальные связи. Так, известно, что Андрей был женат на болгарской княжне, у него был сын полубулгарин – полурусский. В Рязани, Суздале, Владимире, Новгороде, Муроме и других северорусских городах жили болгары – купцы, ремесленники,

строители. Их приглашали на поселение, где им давались «ссуды и пожалование», они участвовали в строительстве храма в Юрьев-Польском, подвозили белый камень для строительства храма «Покрова на Нерли», Владимирских соборов и т.п. [2].

Нельзя не сказать ещё об одной чрезвычайно важной роли болгар и других народов Поволжья в истории не только Руси, но и всей Восточной и Центральной Европы XIII в. – их вкладе в отражение монгольского нашествия. Впервые встретившись с монголами в 1223 г. и тогда же дав им сокрушительный отпор, болгары в течение более 50 лет (1223 – 1278) отчаянно сопротивлялись монгольским или, как их было принято называть с XVIII в., монголо-татарским полчищам. Неоднократные восстания, вспыхивавшие в тылу монгольских войск в 1238 – 1241 гг., принудили Батюгу не только приостановить, но и прекратить наступление на Центральную и далее на Западную Европу. В 1242 г. Батый был вынужден почти со всем своим войском возвратиться на Волгу и здесь на четыре года (1242 – 1246) основать свою ставку в самом беспокойном месте завоеванных земель – в центре Булгарии. Отчаянное сопротивление Булгарии, длившееся до 1278 г., явилось первопричиной того, что Русь и русские земли не вошли в состав Орды. В этом отношении можно сказать, что Булгария спасла Русь от уничтожения [3].

Но и Русь по мере возможности оказывала содействие булгарам в их борьбе с монголами. Все русские летописи под 1236 г. единодушно и с сожалением пишут: «Придоша от восточной страны в Болгарскую землю

безбожнии Татаре, и взяша славный Великий город Болгарьский, и избиша оружием от старца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем, и всю землю их плениша». Тогда часть болгар бежала на Русь, прежде всего, в северо-восточные русские княжества и в Новгород. В.Н.Татищев, используя не дошедшие до нас сведения, писал, что «того же году от пленения татарского многие Болгары избегши, пришли в Русь и просили, чтобы им дать место. Князь Юрий вельма рад сему был и повелел развести их по городам около Волги и в другие». Очевидно, тогда и появились села с болгарскими выходцами около Костромы (затем эти места становятся обычным местом выхода из тюркоязычной среды Поволжья) и ещё выше по Волге. В связи с этим интересно замечание С.Б.Веселовского об образовании в Новоторжской земле под Тверью Болгарской волости или губы, жители которой затем выходили с фамилиями Булгариных, Булгарских и т.п. [4]. Интересна также и история фамилии Зубовых, записанная в ОГДР (общий гербовник дворянских родов Российской империи), где говорится, что Зубовы происходят от Амрагата –наместника во Владимире, принявшего крещение в 1237 г. [5]. Прозвище «Амрагата» является искажённым от Амир Гата, т.е. арабомусульманского (булгарского) «правитель милостью божьей» [6]. Так как город Владимир был взят монголами лишь в феврале 1238 г., то Амир Гата едва ли был монгольским наместником; скорее, это был один из болгарских царевичей (эмир Гата), принятый владимирским князем. Об этом свидетельствует и его титул «эмир», что было весьма свойственно для титула болгарских царей.

Уход (бегство) болгарских феодалов и связанных с ними людей продолжался и позднее, в 1238 – 1242 гг., когда шла тотальная война монгол с Булгарией. Но этот выход уже осуществлялся в западные пределы Руси, в новгородские земли, которые благодаря разумной политике новгородского князя Александра, тогда же названного Александром Невским, избежали печальной участи монгольского нашествия. В родословиях таких знаменитых русских фамилий, как Долгово-Сабуровы, Матюшкины, Голенищевы-Кутузовы, Шереметьевы, Мусины-Пушкины, Огарёвы отме-

чается выход к Александру Невскому ряда тюркоязычных феодалов и даже участие некоторых из них в Невской битве: Атуна Мурзы Андановича, Арбаута-Алпавыта, Кутлумамета Огара Мурзы и др. [7].

В 1257 – 1278 гг. при первых золотоордынских ханах Берке (1265 – 1266) и особенно Менгу-Тимуре (1266 – 1280), когда окончательно завершилось завоевание монголами и ордынцами Булгарии, происходит ещё несколько болгаро-тюркских исходов на Русь. Так, при Берке-хане из Булгарии, может быть, из древней Казани, уходит на Русь легендарный Чура-батыр, от которого пошёл род князей Чюриковых. В 1277 – 1278 гг. монголы при активном содействии ростовского князя Федора Чёрного (Черемного) подавляют последнее восстание болгар, в результате чего около 30 болгарских городов, в том числе и Казань, были отданы на откуп этому князю. К этому времени относится приход на Русь и Литву болгаро-казанских феодалов, продолживших затем знаменитые русские княжеско-боярские роды Шаховских, Теглевых, Державиных, Толбузиных и др. В эти же годы (1278) ордынский князь Бахмет (Махмуд-Мухаммед) Усейнов сын Ширинский завоевал мещерские (мишарские) земли обулгаризированных буртас. В результате этого, очевидно, на Руси оказались феодалы, заложившие основу рода князей Мещерских, Бахметьевых и др. [8].

Следует полагать, что уже на болгарском этапе развития истории татарского народа начинает складываться основа государства, которое через несколько столетий будет называться Россией, и того народа, который будет называться русским народом. Но в этих процессах несомненна роль не только древнерусских княжеств и славяно-русских племён, но и Волжской Булгарии и болгарского народа, ещё в XII – XIII вв. заложившего основу будущих татар Среднего Поволжья и Приуралья.

Через несколько столетий, в период после присоединения Казанского ханства к Руси отмечается также переход в русские земли на русскую службу болгар, которые также влились (благодаря христианизации) в состав русского народа. От этих болгар, а также тюрков, влившихся в состав русского народа в течение XVI – XVII вв., ведут свою родословную почти четверть русских дворян, что легко

можно установить даже при беглом знакомстве с Бархатной книгой родословия русских дворян. Хотя многие из них стремились не афишировать своё тюркское происхождение, сохранившиеся фамилии с тюркской основой говорят, что таких среди русских дворян было не так уж мало [9]. В работах Н.П. Загоскина, А.А. Зимина, М.Е. Бычковой, а также в воспоминаниях деятелей прошлого и в родословиях отдельных фамилий отмечено происхождение от «татар», например, таких учёных, писателей, государственных деятелей, как Плеханов, Тургенев, Кантемир, Тимирязев, Рахманинов, Карамзин, Грибоедов, Салтыков-Щедрин, Бунин, Куприн, Чаадаев, Радищев, Милюков, Панаев, Кугушев, Тенишев, Урусов, Строганов, Аракчеев и др. [10].

В русском языке с течением времени происходили изменения, в нём появились тюркизмы, то есть слова тюркского происхождения, часть из которых вошла в язык ещё в период Волжской Булгарии не только вследствие экономических, торговых, культурных контактов, но и в результате слияний части болгар с русскими. Ещё с древних времён между русскими и булгарами существовали тесные контакты, которые отразились в обычаях, обрядах, церемониалах, орнаменте, одежде обоих народов. Эти влияния и контакты не привели к изменению этноса ни русских, ни болгар, а лишь обогатили культуры обоих народов.

Библиографические ссылки

1. Полное собрание русских летописей. – М., 1978. – Т. 34. – С. 62.
2. Халиков, А.Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения / А.Х. Халиков. – Казань : Казань, 1992. – С. 13 – 14. – ISBN 5-85840-260-7.
3. Он же. Археологические памятники Нижнего Прикамья / А.Х. Халиков. – Казань, 1984. – С. 18.
4. Веселовский, С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1974. – С. 44.
5. Общий гербовник дворянских родов Российской империи. – СПб, 1797. – 1842. – Т. 2. – С. 25.
6. Гафуров, А. Имя и история / А. Гафуров. – М.: Наука, 1987. – С. 125, 128.
7. Халиков, А.Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения / А.Х. Халиков. – Казань: Казань, 1992. – С. 114 – 116. – ISBN 5-85840-260-7.
8. Там же. – С. 53, 128 – 129.
9. Баскаков, Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н.А. Баскаков. – М.: Наука, 1979. – С. 73.
10. Зимин, А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. / А.А. Зимин. – М.: Наука, 1988. – С. 48.

УДК 94(470.314)

А.В. Микерова

*студентка специальности «Музеология»
исторического факультета*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – 60-е гг. XIX в.

Статья посвящена изучению эволюционного развития системы здравоохранения во Владимирской губернии в дореформенный период XIX столетия. Актуальность темы определяется слабой изученностью данной проблемы. В проведенном исследовании представлены этапы формирования больничной и аптечной сети во Владимирской губернии, начиная с последней четверти XVIII в. до проведения земской реформы.

The article is devoted studying of evolutionary development of system of public health services in the Vladimir province during the prereform period of the 19-th century. The base of the work is rearranged both – published, and unpublished materials. The stages of formation of a hospital and chemist's network in the Vladimir province since the last quarter of the 18-th century before carrying out the Great reforms are presented in the article.

Многие исследователи, занимающиеся изучением истории медицины, не затрагивают период последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в., ограничиваясь характеристикой деятельности Медицинской канцелярии при Петре I и Медицинской коллегии при Екатерине II. Тем не менее, именно этот промежуток времени является началом становления и развития здравоохранения в губерниях, появления новых медицинских учреждений на местах. Более того, часть исследователей считает, что медицины в этот промежуток времени не существовало и ее появление связано с проведением земской реформы 1864 г. Изучению обозначенной выше проблемы и посвящено данное исследование.

Первыми государственными структурами, оказывавшими медицинскую помощь населению в губерниях, стали Приказы общественного призрения, созданные в ходе проведения Губернской реформы 1775 г. В соответствии с «Учреждениями для управления губерний» Приказы должны были заниматься делами здравоохранения: организовывать, управлять и финансировать медицинские заведения (больницы, аптеки, дома для душевнобольных) [1].

Во Владимирской губернии Приказ общественного призрения был создан 14 июля 1779 г. [2]. С его деятельностью связано основание во Владимирской губернии первых медицинских заведений – больниц и аптек. В марте 1782 г. на выезде из Владимира по левую сторону от Большой нижегородской дороги было открыто первое в городе медицинское учреждение Владимирского приказа – больница. В том же году при ней было организовано отделение для душевнобольных [3].

Новое здание губернской больницы (так называемый «Белый корпус») было построено в 1798 – 1801 гг. по проекту архитектора И.А. Чистякова. Оно представляло собой целый комплекс заведений, где была размещена больница с несколькими отделениями. Главный корпус предназначался для больных мужского пола. Он состоял из 18 палат и был рассчитан на 120 кроватей. Специально для больных арестантов выделили три палаты (№ 8 – 10). Вход в них охранял часовой. Второй корпус был отдан под женское отделение

(рассчитан на 18 кроватей). Третий корпус предназначался для умалишенных (12 кроватей). Он состоял из женского и мужского отделений. В комплекс также входили «аптека, приемные покои, операционная, лаборатория, комнаты для вскрытия трупов и др.» [4].

Первоначально больница была рассчитана на 24 койко-места, в то время как обслуживающий персонал составлял 11 чел. [5]. По данным за 1853 г., это медицинское учреждение уже могло принимать до 120 пациентов, а в штате числилось 19 сотрудников [6].

В 1858 г. в больницу было принято 1042 чел., среди которых большую часть составляли «больные воинских чинов» – 848 чел., арестанты – 51 чел., казенные крестьяне – 11 чел., помещичьи крестьяне – 51 чел., городские жители – 185 чел. [7] Таким образом, большую часть пациентов составляли военные, содержание которых оплачивалось за счет средств Военного министерства, но большинство населения лечилось на платной основе [8].

С целью создания целостной системы медицинских учреждений в городах Владимирской губернии в 30-х гг. XIX в. были открыты уездные больницы. В 1834 г. первыми были основаны больницы в Вязниках и Юрьеве по 50 кроватей каждая. А уже в середине XIX в. во Владимирской губернии функционировало 13 уездных больниц [9].

Первая казенная аптека появилась во Владимире в мае 1805 года. Она находилось в ведомстве Приказа общественного призрения. Для размещения аптеки губернатор И.М. Долгоруков выделил двухэтажный флигель близ Георгиевской церкви. 1 сентября 1809 г. Приказ заключил контракт, согласно которому аптека «с имеющимися в ней материалами, медикаментами и посудой» была сдана в четырехлетнюю аренду «вольному» аптекарю провизору Штрейтеру, под управлением которого «дела аптеки пошли значительно лучше» [10]. С 1820 г. она была передана в частную собственность.

Частные аптеки в уездных городах стали открываться в 20-х годах XIX в. Так, в Муроме и Переславле аптека была открыта в 1823 г., в Шуе – в 1825 г. В отчете за 1855 г. по Владимирской губернии содер-

жятся следующие данные: «вольных аптек в губернии 12, во Владимире – 2, по одной в Суздале, Шуе, Коврове, Вязниках, Муроме, Покрове, Александрове, Юрьеве и селе Иваново» [11].

В 1797 г. для медицинского обслуживания населения, контроля над деятельностью врачей, наблюдения за эпидемиями и эпизоотиями в губерниях были организованы врачебные Управы [12]. Следует отметить, что до образования врачебной Управы в уездных городах Владимирской губернии лечением населения занимались преимущественно отставные штаб-лекари из немцев, которые признавались, что «российский язык весьма не твердо знали» [13].

В состав врачебной Управы входили доктор, выполнявший обязанности инспектора медицинской службы, хирург и акушер. Согласно императорскому указу от 7 мая 1797 г. во Владимирскую Управу инспектором были определены «дивизионного штаба лекарь, коллежский асессор Иван Слоницкий, доктор и акушер Иоганн Фридрих Капель» [14]. Инспекторами Владимирской врачебной Управы были И. Слоницкий (1797 – 1807), Невианд (1807 – 1830) и М. И. Алякринский (1830 – 1866) [15].

Обязанностью врачебной Управы являлось осуществление контроля за губернскими больницами; деятельностью уездных врачей; работой государственных и частных аптек; борьба с эпидемиями и эпизоотиями; выполнение функций судебной медицины; составление медико-топографического описания местности; надзор за доброкачественностью съестных припасов; присутствие при рекрутских наборах [16].

В Государственном архиве Владимирской области содержится множество интересных дел, связанных с деятельностью Управы. Например, у статского советника Афанасия Николаевича Зубова и его дворовой жены с 20 на 21 мая 1818 г. родились два мертвых младенца женского пола. Они срослись от самой верхней части груди до самого пупа. Пуповина была одна и расположены младенцы были лицом к лицу, обнявши друг друга обеими ручками около плеч [17]. С 26 мая 1818 г. по

указу врачебной Управы их необходимо было хранить в спирту и использовать в качестве наглядного пособия.

Одновременно с организацией врачебной Управы в города губернии было определено 4 штаб-лекаря и 6 лекарей [18]. Согласно архивным данным за 1818 г. в штате Управы числилось уже 55 сотрудников [19]. А уже к 1863 г. штат медицинского персонала увеличивается до 93 чел. Так, при Приказе общественного призрения находились старший и младший врач, 5 фельдшеров; при врачебной Управе: инспектор, оператор, акушер, 13 уездных врачей, 16 губернских врачей, губернский ветеринарный врач, 26 аптекарских учеников, одна старшая и 14 младших повивальных баб; при ведомстве Палаты государственных имуществ: старший врач, 3 окружных врача, ветеринарный врач; при уголовной палате: врач и ветеринарный помощник. Кроме того, при помещичьих имениях и фабриках находилось 5 врачей с правом государственной службы [20].

Таким образом, становление системы здравоохранения во Владимирской губернии происходит в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. Первыми государственными структурами, занимавшимися решением медицинских вопросов на местах, стали Приказ общественного призрения и врачебная Управа. Впоследствии во Врачебное управление Владимирской губернии были включены оспенный (1829 – 1884) и холерный комитеты (1830 – 1832), комитет общественного здоровья (1852 – 1871), находившиеся в подчинении Медицинского департамента Министерства внутренних дел.

В исследуемый период появляются не только государственные медицинские структуры на местах, но и первые больницы, аптеки, отделения для душевнобольных. Значительно увеличивается и численность медицинского персонала (с 10 чел. в 1797 г. до 93 чел. в 1863 г.).

Россия в дореформенный период оставалась крепостной державой – помещики мало заботились о лечении своих крестьян, поэтому основная масса населения прибегала к средствам народной медицины. Кроме того,

правом бесплатной медицинской помощи в больницах пользовались преимущественно представители военных чинов за счет отчислений Военного министерства.

Правительство и городские власти, несмотря на ряд мер, проявляли недостаточное внимание здравоохранению. Для оказания медицинской помощи всем нуждающимся в губернии требовались более значительные средства. Большая часть бюджета города Владимира шла на содержание полиции, военных и гражданских чиновников [21]. Уже даже в пореформенный период XIX столетия в смете городских расходов на содержание городской управы выделялось 14,1 % городского бюджета, полиции – 16,6 %, пожарной охраны – 14,8 %, отопление и освещение острога – 7,9 %, доля ассигнований на здравоохранение составляла всего лишь 0,9 % [22].

Примечания

1. ПСЗ. Изд. 1-е. Т. 20. № 1435. С. 245.
2. Мягтина, Н.В. Правительственная политика и деятельность государственных, общественных и частных структур социального призрения в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. : автореф. дис... канд. ист. наук / Н.В. Мягтина. – Владимир, 2006. – С. 16.
3. ГАВО. Ф. 15. Оп. 6. Д. 56. Л. 2.
4. Смирнов, А.В. Материалы для истории медицины во Владимирской губернии. / А.В. Смирнов. – Владимир : Типо-Литография губерн. правления, 1901. – Ч. 1. – С. 20.
5. Губернский город Владимир в последней трети XVIII – первой половине XIX в. : очерки повседневной провинциальной жизни : учеб. пособие / И.И. Шулус, Н.В. Киприянова, Н.В. Мягтина, В.А. Черничкина. – Владимир: Изд-во Влад. гос. ун-та, 2008. – С. 83. – ISBN 978-5-89368-843-6.
6. Мягтина, Н.В. Становление системы здравоохранения в губернском городе Владимире в последней трети XVIII – первой половине XIX в. / Н.В. Мягтина // Дни славянской письменности и культуры : материалы науч.-практ. конф. 24 – 25 мая 2008 г. – Владимир, 2008. – С. 32.
7. ГАВО. Ф. 494. Оп. 1. Д. 129. Л. 1-5.
8. Мягтина, Н.В. Медицинское обслуживание населения в губернском городе Владимире в дореформенный период XIX в. / Н.В. Мягтина // Материалы междунар. науч. конф., посвященной 200-летию А.И. Кошелева. 23 – 25 мая / отв. ред. П.В. Акульшин, И.Н. Гребенкин. – Рязань, 2007. – С. 180. Она же. Развитие социальной медицины во Владимирской губернии (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.) / Н.В. Мягтина // Инновационные технологии в гуманитарных науках: тр. междунар. конф. – Ульяновск, 2008. – С. 213 – 214.
9. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4 170. Л. 8.
10. Там же. Д. 734. Л. 1.
11. Цит. по: Монякова, О. Аптека – промысел? / О. Монякова // Труд и жизнь. – 2000. – 15 мая. – С. 3.
12. Врачебный устав // Свод законов Российской империи. – Т. 13. – СПб., 1857. – С. 350 – 355.
13. Смирнов, А.В. Указ. соч. – С. 19.
14. Дятлова, Н. Стол, покрытый сукном с зеркалом – с этого начиналась врачебная Управа / Н. Дятлова // Местное время. – 1994. – 24 сент. – С. 3.
15. Смирнов, А.В. Указ. соч. – С. 3.
16. Микерова, А.В. Деятельность Владимирской губернской врачебной Управы (1797 – 1866 гг.) / А.В. Микерова // Материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф. «Восточная и Западная Европа : тенденции, взаимодействия, инновации», 29 – 30 октября 2008 г., Владимир. – Владимир, 2009. – С. 133 – 136.
17. ГАВО. Ф. 489. Оп. 2. Д. 149. Л. 1
18. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 772. Л. 1 – 2.
19. ГАФО. Ф. 489. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.
20. Там же. Д. 1547. Л. 14.
21. Мягтина, Н.В. Становление системы здравоохранения во Владимирской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. / Н.В. Мягтина // Материалы межрегион. краевед. конф. (28 апреля 2008 г.) ; Владим. обл. универсал. науч. б-ка им. М. Горького. – Владимир, 2009. – С. 165.
22. Энциклопедический словарь / под ред. Ф.А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб., Типо-Литография И.А. Ефрона, 1896 г. – Т. 36. – С. 340.

ПОПЕЧИТЕЛЬНОЕ О ТЮРЬМАХ ОБЩЕСТВО В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ 1831 – 1879 гг.

В статье анализируются основные этапы становления и развития пенитенциарной системы и социальной помощи, оказывавшейся заключенным во Владимирской губернии со времени Губернской реформы 1775 г. до Великих реформ 60 – 70-х гг. XIX в. В работе проведено исследование структуры и основных форм деятельности одной из крупнейших в России благотворительных организаций – Попечительного о тюрьмах общества – на примере исправительной системы Владимирской губернии.

Одной из главных задач исследования является определение эффективности государственного, общественного и частного элементов в работе благотворительной организации. Автором проведена реконструкция филантропической деятельности представителей купечества, принимавших активное участие в работе организации, жертвовавших значительные капиталы с целью улучшения содержания заключенных.

The problems analyzed in the article are the main stages of development of the prison system and directions of social aid for prisoners in Vladimir region from Province reform in 1775 to the Great reforms of the 19th century. The structure and forms of activity of one of the largest charitable organization in Russia – Ppochitelinoe about prison society – as an example of functioning of the prison system in Vladimir region have been studied in the article.

The result of the carrying out of the state, public and private structures of social help in the charitable organization within the prison system is one of the main questions for studying. The charitable activity of merchants, donating the large amounts on prison for improving conditions of prisoners has been reconstructed by the author.

Становление пенитенциарной системы во Владимирской губернии происходило в последней четверти XVIII в. Созданные в ходе Губернской реформы 1775 г. Приказы общественного призрения помимо решения социальных проблем должны были организовывать в губерниях исправительные заведения – работные («рабочие») и смирительные дома [1].

Первым исправительным учреждением во Владимирской губернии стал смирительный дом, основанный в апреле 1783 г. на территории комплекса благотворительных заведений Владимирского приказа [2]. В смирительный дом помещали для отработки различных взысканий «по приговору судебных мест» и для исправления поведения. Вначале речь шла о бродягах, совершивших незначительные преступления, и профессиональных нищих. Но

наиболее многочисленной группой обитателей смирительного дома стали крестьяне, направляемые своими помещиками «для исправления поведения» [3].

В августе 1783 г. по проекту архитектора Н. фон Берка был построен работный («рабочий») дом Владимирского приказа, куда по направлению полиции поступали лица, задержанные «за попрошайничество», крепостные крестьяне и дворовые люди за кражу имущества, нанесение телесных повреждений и неповиновение помещикам [4]. Владимирский работный дом стал одним из первых исправительных заведений в России, на базе которого в 1876 г. была создана каторжная тюрьма – Владимирский централ.

Желая найти дополнительные источники финансирования исправительной системы, правительство разрешило губернским влас-

тям основывать фабрики, которые являлись разновидностью работных домов. В августе 1809 г. в ведомстве Владимирского приказа была открыта суконная фабрика. К работе на ней привлекались профессиональные нищие и бродяги, неоднократно задерживаемые полицией [5], а также осужденные за кражу имущества с целью возмещения причиненного ущерба [6].

Владимирский приказ создал самоокупаемую пенитенциарную систему. Так, изготавливаемое на фабрике сукно шло на пошив одежды для постояльцев заведений Приказа. Заключение смиренного и работного домов выращивали овощи, которые использовались в пищу для всех постояльцев подведомственных учреждений Приказа [7]. Помимо огородных работ, арестанты помогали обслуживать немощных обитателей богаделен, занимались доставкой воды и дров, ремонтом обуви. В случае найма для этих целей «вольнораемных», например в 1852 г., потребовалось бы дополнительно более 1000 руб. в год [8], а в 1857 г. – 2000 руб. [9].

Временное лишение свободы осуществлялось также в съезжих домах [10]. Владимир был разделен на три полицейские части. При частях города находились в заключении люди, присылаемые «от помещика за маловажные преступления», содержащиеся «за счет просителей: на их продовольствии». Там же находились задержанные за пьянство или подозреваемые в воровстве [11].

За тяжкие уголовные преступления заключенные отбывали наказание в острогах, находившихся в ведении гражданской полиции. Один из подобных был построен во Владимире в 1780 г. на улице Жандармский спуск (ныне район бывшего кинотеатра «Мир») [12]. Рядом пролегал «владимирка» – кандальный тракт, по которому с XVI в. этапировались огромные партии осужденных из центра России на Восток [13].

В 1783 г. Екатерина II подписала указ о строительстве пересыльной тюрьмы на Владимирском тракте. До 1825 г. подследственные и направляемые на каторгу содержались в старой деревянной тюрьме [14]. В январе 1825 г. для Владимирской пересыльной тюрьмы был построен каменный тюремный замок

на территории Солдатской слободы (сейчас СИЗО-1 на ул. 9-го января)[15]. Это был комплекс зданий с церковью, больничным отделением, служебными помещениями [16].

В уездных городах Владимирской губернии заключенных размещали при присутственных местах. В 20 – 30-х гг. XIX в. в большинстве городов были построены тюремные замки. Например, каменный корпус тюрьмы в Меленках был возведен в 1834 г. [17]. Основной проблемой тюремных учреждений губернии являлось переполнение мест заключения. Особенно это касалось городов, лежавших на Сибирском тракте (Покров, Вязники, Гороховец), через тюрьмы которых проходили огромные партии пересыльных. Так, из-за тесноты Гороховецкой тюрьмы при пересылке больших партий арестантов заключенные нередко размещались в бане [18].

Основание арестантской роты стало следующим этапом становления пенитенциарной системы. В царствование Николая I ввиду постоянного увеличения количества ссыльных в Сибирь было принято решение заменить ссылку арестантскими ротами. Арестантские роты находились в распоряжении губернских строительных комитетов – работа арестантов состояла в строительстве и ремонте казенных зданий и дорог [19].

27 декабря 1837 г. владимирский губернатор И.Э. Курута отправил в Министерство внутренних дел проект «устроения» арестантской роты во Владимире. В 1838 г. Николай I утвердил «Положение о владимирской арестантской роте», в котором предусматривалось, что её состав будет пополняться беглыми, бродягами, осужденными на ссылку в Сибирь на поселение за маловажные преступления. Сначала рота размещалась «при существующем рабочем доме» [20], а затем в 1845 г. для нее построили специальные казармы [21].

Таким образом, система пенитенциарных заведений во Владимирской губернии – смиренный и работный дома, арестантская рота для гражданских правонарушителей, тюремные замки для уголовных – просуществовала до 70-х гг. XIX в. Последовавшие буржуазные реформы с неизбежностью привели к

ее изменению. В связи с учреждением земств рабочие и смирительные дома были переданы из подчинения Приказов общественного призрения в ведение губернских правлений и попечительных о тюрьмах комитетов.

Либерализация внутренней политики правительства в начале XIX в. создала предпосылки гуманизации карательной системы. Одним из первых шагов в этом направлении стало создание в 1819 г. Попечительного о тюрьмах общества. С его помощью верховная власть надеялась привлечь благотворительные средства для финансирования тюремной системы. Главной целью общества являлось нравственное исправление и материальная поддержка заключенных. Общество возглавил министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын.

Правительство, нуждавшееся в поддержке общественности, инициировало создание структурных подразделений общества – губернских попечительных о тюрьмах комитетов. Губернские комитеты должны были наблюдать за содержанием арестантов в камерах, состоянием тюремных помещений и больниц, питанием заключенных.

27 февраля 1831 г. был поставлен вопрос об учреждении Владимирского губернско-го попечительного о тюрьмах комитета [22]. После основания комитета 20 марта 1833 г. в уездных городах губернии были организованы подведомственные ему тюремные отделения [23]. Например, тюремное отделение в Судогде было основано в 1844 г. [24], в Меленках – в 1853 г. [25]. Уездные тюремные отделения должны были представлять губернскому комитету ежегодные отчеты.

В соответствии с предписанием президента Попечительного о тюрьмах общества князя В. С. Трубецкого для основания губернского комитета «нужно положить в основание небольшой капитал для поддержания первоначальных действий». Капитал необходимо было сформировать «из добровольных приношений». В сборе пожертвований в пользу Владимирского тюремного комитета принимали участие чиновники, дворяне, купцы губернского города. В результате за 1831 г. было собрано 5 297 руб. Но в дальнейшем

«благотворительная сумма» сократилась. Так, в 1832 г. «добровольные приношения» составили 3 799 руб., а в 1833 г. – всего 559 руб. [26].

По правилам общества в состав губернского комитета должны были «входить люди нравственные и человеколюбивые, как из дворян, так и из почетного купечества». Состав Владимирского тюремного комитета был утвержден В. С. Трубецким. Вице-президентами тюремного комитета были назначены Владимирский гражданский губернатор С.С. Ланской и Епископ Владимирский и Суздальский Парфёний. В состав комитета вошли представители городской администрации (владимирский вице-губернатор, председатели уголовной и гражданской палат, советники казенной палаты и губернского правления, владимирский полицмейстер, управляющий удельной конторой, губернский архитектор); служители церкви (архимандриты Муромского Спасского и Суздальского Спасо-Евфимьева монастырей); служащие учреждений здравоохранения (инспектор Владимирской врачебной управы), образования (директор училищ), социального попечительства (непременный член Владимирского приказа общественного призрения) [27]; а также «благотворительные лица» – купцы Владимира и уездных городов губернии. В 1835 г. в комитете состояло 34 человека [28].

На сотрудников Владимирского тюремного комитета были возложены следующие обязанности: наблюдение за заключенными осуществляли директор гимназии Ф.Ф. Калайдович и инспектор Врачебной управы доктор медицины М.И. Алякринский; разделение и размещение арестантов по роду преступлений – губернский прокурор П.Н. Шкларевич и советник уголовной палаты П.И. Гаврилов; «наставление арестантов в религии и нравственности» (архимандриты Муромского Спасского и Суздальского Спасо-Евфимьева монастырей Иероним и Парфёний, протоиерей Николаевской церкви И. Остроумов); занятие арестантов работами (непременный член Владимирского приказа общественного призрения А.Н. Апрянин с тремя представителями купечества: Вороновым, Боровецким и Гордеевым); наблюдение «за тишиной и

благочинием между арестантами, определение их по принадлежности и снабжении одеждой» (советник губернского правления В.С. Благовещенский и владимирский полицмейстер штабс-капитан П.О. Робош) [29]. Для выполнения своих обязанностей и беспрепятственного входа в места заключения все члены и сотрудники комитета были снабжены специальными билетами с подписью «господина губернатора» [30].

Заседание Владимирского тюремного комитета проходило в первую субботу каждого месяца в 11 час. утра в здании Дворянского собрания [31]. На первом заседании обсуждалось состояние мест лишения свободы: тюремного замка, смиренного и работного домов. Как свидетельствуют архивные данные за 1833 г., в тюремном замке арестанты были размещены должным образом, то есть опасные преступники находились отдельно от остальных заключенных; камеры содержались в чистоте, а «пища для узников в довольстве» [32]. В отчете также указывалось на то, что в съезжих домах заключенные содержались в тесных комнатах. Комитет постановил: «Во избежание разврата, могущего произойти от соединения арестантов обоего пола, отнюдь помещать женщин в третьей части, а в первой и второй – мужчин» [33].

Ввиду постоянного переполнения и антисанитарного состояния мест заключения случались частые эпидемии и высокая смертность среди арестантов. При тюремном замке губернского города было оборудовано больничное отделение, рассчитанное на 10 чел. (специальное здание больницы было построено только в 1874 г. [34]). В отделении находились три комнаты для больных мужчин и одна – для женщин. Больных лечил находившийся при заведении «здесьнего Приказа общественного призрения уездный штаб-лекарь, получая за эту работу особенное жалование» [35]. Постоянное наблюдение за больными осуществлял надзиратель замка [36]. Тюремный комитет снабжал больницы одеждой, бельем, лекарствами и всем необходимым [37].

В течение XIX в. в уездных городах в местах лишения свободы также были организованы больничные отделения. Сначала при тюрьмах были оборудованы больничные

изоляторы, рассчитанные на 3 – 4 койки [38]. Затем созданы специальные тюремные больницы, включавшие большее количество мест. Например, в 1838 г. «при градской» больнице в Переславле была устроена «арестантская комната» [39], а в 1865 г. открыта тюремная больница. По данным 1852 г. в больнице Покровского тюремного замка содержалось 13 чел., в 1853 г. – 24 чел. [40].

Здоровье арестантов зависело не только от состояния мест заключения, но и от качества питания. В большинстве случаев возможность улучшения качества питания ограничивалась недостаточностью средств, выделяемых правительством. Пожертвования продуктами питания, поступающие в благотворительные тюремные организации, были, в основном, не значительными. Питание арестантов было скудным. Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о многократных обращениях сотрудников губернских комитетов в вышестоящие инстанции с просьбой об увеличении ассигнований на питание заключенных. Члены комитетов предпринимали попытки улучшения питания, используя «местные возможности: обращение к благотворителям, установка кружек для сбора пожертвований, устройство огородов при тюрьмах» [41]. Как свидетельствует отчет о деятельности Владимирского комитета за 1839 г., во владимирской тюрьме был «отведен огород, который обрабатывался арестантами. Он доставлял не только необходимое продовольствие, но через продажу излишних произведений приносил еще некоторый доход» [42].

Согласно уставу Попечительного о тюрьмах общества главным средством нравственного исправления арестантов являлось религиозное воспитание. Строительство церквей при тюрьмах и содержание их «в должном благолепии» определялось одной из главных обязанностей губернских комитетов [43]. В первой половине XIX в. при тюрьмах Владимирской губернии началось строительство православных церквей, которое было организовано при поддержке благотворителей. Пожертвования, направляемые на их строительство и украшение, составляли самую значительную часть средств, поступивших в

пользу тюремных учреждений губернии. В 1826 г. во владимирском тюремном замке была построена церковь в честь иконы «Божьей Матери Всех Скорбящих радость» [44]. Церковь возводилась на средства городских доходов и казны, пожертвования благотворителей [45]. При тюрьмах, где церковей не имелось, устраивались молитвенные комнаты.

По архивным документам четко прослеживается стремление государства объединить усилия тюремной администрации и священников в воспитательном воздействии на заключенных. Члены комитета духовного звания, «приняв на себя попечение о нравственном воспитании арестантов», освобождались от уплаты членских взносов. «За исполнение церковных служб и других религиозных обрядов православным священнослужителям» выплачивалось жалованье из капитала общества.

Однако даже в тюрьмах, имевших церковь, богослужения совершались нерегулярно. Забота членов общества о нравственном воздействии на арестантов часто ограничивалась обеспечением мест заключения книгами религиозного содержания. Например, в 1867 г. при церкви владимирского тюремного замка была открыта библиотека. Владимирская Епархия выделила православную литературу для пополнения ее фонда [46].

Серьезным препятствием нравственного исправления арестантов являлась практически поголовная неграмотность осужденных. Для ее преодоления в местах заключения создавались школы. В 1867 г. при владимирской арестантской роте «в особом светлом помещении» была открыта школа, рассчитанная на 40 учащихся. При школе организована небольшая библиотека, из которой осужденным выдавались книги духовно-нравственного содержания. Но обучение проводилось «от случая к случаю» [47]. Главные причины этого – недостаток преподавателей, необходимых средств и помещений для занятий.

Работа по нравственному исправлению осужденных заключалась в проведении проповедей и духовно-нравственных бесед. Эти меры носили нерегулярный характер, поэтому не могли оказать серьезного воспитательного воздействия на преступников. На официаль-

ном уровне признавалось, что в России «духовные назидания совершаются в немногих тюрьмах и весьма редко». Священники свою деятельность ограничивали совершением службы в праздничные дни и «вовсе не заботились об исправлении арестантов...» [48]. О низкой результативности этой работы свидетельствовал высокий уровень рецидива среди отбывавших наказание.

Успешнее воспитательное воздействие было на малолетних преступников. Члены общества уделяли им особое внимание: помещали в камеры отдельно от взрослых, им отдавалось преимущество в обучении грамоте и ремеслам. Важной проблемой, которую приходилось решать Владимирскому комитету, являлось улучшение содержания в тюрьмах малолетних детей и женщин. Члены комитета следили за условиями содержания беременных женщин и женщин с грудными детьми.

Особым вниманием со стороны комитетов пользовались дети арестантов [49]. Владимирский попечительный о тюрьмах комитет помещал в воспитательные заведения губернии (Александринский приют во Владимире и Мариинский приют в Суздальском уезде) детей, чьи родители находились в заключении [50]. В дальнейшем эта обязанность была возложена на организованное при комитете женское тюремное отделение.

Как в любой другой благотворительной организации, руководство комитета активно привлекало к участию в своей деятельности купцов. Многие представители купечества принимали участие в строительстве и содержании церкви при владимирском тюремном замке. Например, владимирский купец 3-й гильдии А. Г. Кузнецов в 1858 г. за поставку материалов для строительства колокольни при тюремном замке был удостоен благодарности комитета [51].

Участие купцов в делах тюремных организаций давало ощутимые результаты, так как вносимые ими средства представляли значительные суммы. Так, купец А. И. Боровецкий вначале пожертвовал деньги на содержание арестантов и ремонт тюремных помещений, а в 1834 г. он внес 125 руб. на постройку нового каменного здания для работного дома [52].

Одной из многочисленных обязанностей сотрудников комитета было «занятие арестантов работами, дабы они не придавались праздности» [53]. Эта задача была возложена на представителей купечества Ф.Н. Баранова, А.С. Воронова, А. И. Боровецкого и С.М. Гордеева [54]. На средства комитета в 1867 г. в арестантском исправительном отделении были устроены мастерские – столярная, сапожная, портная и слесарная. При поддержке купца С.П. Козлова напротив здания арестантской роты был разбит сад, где заключенными было высажено около 1500 деревьев.

Согласно новому уставу Попечительного о тюрьмах общества от 1851 г. в структуру губернских комитетов была введена должность директора комитета. Одним из первых директоров губернского комитета, избранных из купечества, стал владимирский купец первой гильдии А. А. Никитин. В 1854 г. директорами были назначены купцы Матвей Лосев и Ефим Шаров [55]. Шаров пожертвовал для церкви владимирского тюремного замка церковное облачение со всеми принадлежностями [56]. За деятельность в должности директора тюремного комитета он был награжден двумя золотыми медалями [57].

С 1859 г. директором губернского комитета стал Н. В. Боровецкий. Как свидетельствуют архивные документы, он способствовал улучшению питания арестантов, используя обращения к благотворителям, организацию огородных работ. Кроме того, Боровецкий сделал значительное пожертвование для тюремной церкви и больницы [58].

В мае 1860 г. из состава губернского комитета были избраны попечители владимирской арестантской роты. Ими стали директора комитета Е.Д. Шаров и Н. В. Боровецкий [59]. Е.Д. Шаров, будучи попечителем роты до 1864 г., жертвовал значительные средства на улучшение содержания арестантов. За его счет в тюремной бане вместо обыкновенных чугунных котлов были сделаны деревянные чаны с «поровиками» – для большего удобства мытья [60]. Н.В. Боровецкий в 1862 г. организовал лотерею для сбора денег в пользу арестантской роты. Вырученные средства пошли на покупку продовольствия и семян [61].

В 1861 г. попечителем Владимирской арестантской роты был избран А. А. Никитин. Основное внимание он уделял благоустройству арестантских камер и обеспечению арестантов одеждой и обувью. В апреле 1861 г. за его счет было закуплено 200 покрывал из холста для подстилки на нары. По указанию Никитина была сожжена вся старая арестантская одежда и сшита новая [62]. В том же году он выделил деньги на постройку «новых камер» для арестантов [63].

Основанное с филантропическими целями Попечительное о тюрьмах общество постепенно расширялось, превращаясь в распорядительный правительственный орган. В 1851 г. изначально общественная благотворительная организация была отнесена к Министерству внутренних дел. 7 ноября 1851 г. был принят новый устав общества, который придал ему еще более бюрократический характер: были введены назначаемые должности, звание президента передано министру внутренних дел.

Новый устав Попечительного о тюрьмах общества определял порядок создания при губернских комитетах женских тюремных отделений. В 1853 г. было принято решение об основании во Владимире женского тюремного отделения. «Звание председательницы отделения приняла на себя» супруга губернатора С. С. Анненкова. Вице-президентом был назначен губернатор В.Е. Анненков. «В капитал» женского тюремного отделения были приглашены «почетные дамы», стараниями которых в течение 1853 г. было собрано 302 руб. В состав женского отделения вошли десять директрис: статские советницы В. Муравьева, Н. Политнова, Е. Сперанская, полковница А. Сташевская, подполковница Е. Моллериус, надворная советница Ф. Александровская, коллежская асессорша А. Долгово-Сабурова, поручицы З. Рахманова и Е. Новикова, коллежская советница А.Задаева-Кошанская [64]. Их кандидатуры утвердил председатель общества граф А. Ф. Орлов [65].

Состав женского тюремного отделения уменьшался из года в год. Дамское отделение Владимирского комитета прекратило свою деятельность в 1878 г. Главной причиной нестабильности состава женских тюремных

отделений являлась ограниченность прав и возможностей членов этих организаций, их зависимость в принятии решений от мужских губернских комитетов [66].

В 1864 г. было образовано Попечительство о владимирской арестантской роте (с 1870 г. Попечительство о владимирском исправительном арестантском отделении). В составе Попечительства лидировало купечество. Так, купец А. Лапотников являлся попечителем арестантской роты в течение 1866 – 1877 гг. В 1882 г. попечителем был избран купец Белоглазов.

Основными задачами, которыми занималось Попечительство, было улучшение условий содержания заключенных [67], организация медицинской помощи [68], «устранение праздности арестантов посредством привлечения их к общественным работам». Попечительство контролировало осуществление арестантами строительных работ. Как свидетельствуют архивные документы, в 1860-х гг. владимирские арестанты принимали участие в строительстве железной дороги от Тулы до Орла [69]. А в марте 1870 г. по распоряжению Министерства внутренних дел 75 арестантов были отправлены для устройства полотна Воронежско-Азовской железной дороги [70].

Великие реформы 60 – 70-х гг. внесли существенные изменения в пенитенциарную систему России. В 1879 г. было образовано Главное тюремное управление. В ходе тюремной реформы Попечительное о тюрьмах общество фактически стало «бесправным придатком тюремной администрации» [71]. Попечительство о владимирском исправительном арестантском отделении прекратило свое существование в 1890 г. в связи с созданием тюремной инспекции.

Тем не менее, организация «Попечительного о тюрьмах общества» дала новое направление тюремной политике. Именно с этого времени общественная инициатива делала попытки улучшения положения арестантов. Шаги, которые были предприняты в этом направлении, приводили к ремонту тюремных помещений, размещению арестантов в соответствии с половозрастными признаками и тяжестью совершенного преступления. Сотрудниками Владимирского коми-

тета проводилась работа, способствовавшая улучшению условий содержания заключенных, организовывалась просветительская деятельность, обучение грамоте и профессиональным навыкам.

Значительные результаты были достигнуты во многом благодаря привлечению к участию в организации представителей купечества. Купцы связывали свою филантропическую деятельность с тюремными заведениями, выполняя обязанности директоров комитета, попечителей арестантской роты. Работа в комитете помогала им активно участвовать в организации быта арестантов, следить за правомерностью действий надзирателей.

В организации Попечительного о тюрьмах общества проявилась двойственность правительственной политики. С одной стороны, верховная власть стремилась привлечь дополнительные средства к финансированию тюремной системы, поэтому поощряла различные виды и формы общественной благотворительности. С другой – законодательная политика была направлена на жесткую регламентацию и контроль. Так, Устав 1851 г. придал изначально общественной организации все больше черт государственной структуры. Он зафиксировал стремление самодержавия не допустить общественной самодеятельности путем жесткой регламентации состава общества. Еще одно направление государственной политики заключалось в том, что создаваемые по инициативе правительства и под его давлением губернские тюремные комитеты обслуживали потребности растущей пенитенциарной системы города и губернии: наряду с губернскими правлениями они выступали в качестве управленческих звеньев тюремной системы на местах.

Примечания

1. ПСЗ. Изд. 1-е. Т. 20. № 14 357. Ст. 390, 391.
2. ГАВО. Ф. 15. Оп. 6. Д. 56. Л. 1. Оп. 2. Д. 1300. Л. 1 – 10.
3. ГАВО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 468. Л. 1.
4. Там же. Д. 485. Л. 83.
5. Там же. Д. 233. Л. 50. Д. 258. Л. 247.

6. ГАВО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 271. Л. 147 – 148. Д. 258. Л. 298.
7. Там же. Д. 216. Л. 14.
8. Там же. Д. 491. Л. 52. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8771. Л. 20.
9. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10564. Л. 18. Об.
10. Съезжа, съезжая – помещение при полиции для арестованных.
11. ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 15. Л. 11 – 12.
12. ГАВО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 626. Л. 32.
13. С февраля 1863 г. все арестанты, следовавшие по Сибирскому тракту, пересылались по Московско-Нижегородской дороге, не останавливаясь в городах.
14. ГАВО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 129. Л. 2.
15. Календарь Владимирской губернии. Обзор местных событий за истекший XIX век. – Владимир, 1902. – С. 2.
16. Галаншина, Т.Г. Владимирский централ / Т.Г. Галаншина, И.В. Закурдаев, С.Н. Логинов. – М.: Эксмо, 2007. – С. 142.
17. ГАВО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 1. Л. 1 – 10.
18. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4760. Л. 1, 3, 4, 6. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4799. Л. 12.
19. Галаншина, Т.Г. Указ. соч. – С. 142.
20. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7924. Л. 24.
21. Календарь Владимирской губернии. Обзор местных событий за истекший XIX век. – Владимир, 1902. – С. 4.
22. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3841. Л. 58.
23. ГАВО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 367. Л. 31.
24. ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 58. Л. 1 – 10.
25. Там же. Д. 107. Л. 1 – 24.
26. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3841. Л. 58 – 60.
27. ГАВО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 367. Л. 31 – 33.
28. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3841. Л. 58 – 79.
29. Там же. Л. 58 – 60.
30. ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 15. Л. 3.
31. Там же. Л. 8.
32. ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 15. Л. 10.
33. Там же. Л. 12.
34. Там же. Д. 456. Л. 1 – 129.
35. Галаншина, Т.Г. Указ. соч. – С. 151.
36. ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 15. Л. 6.
37. Краткий Отчет о положении и действиях общества попечительного о тюрьмах за 1838 год. – СПб., 1839. – С. 12.
38. Смирнов, А.В. Материалы для истории медицины во владимирской губернии. / А.В. Смирнов. – Владимир : Типо-Литография Губернского правления, 1901. – Ч. 1. – С. 14.
39. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4799. Л. 15.
40. Там же. Д. 9344. Л. 21 – 199. Д. 9668. Л. 94 об. Ф. 538. Оп. 1. Д. 491. Л. 41.
41. ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 64. Л. 25 – 47.
42. Там же. Д. 45. Л. 20.
43. Устав общества попечительного о тюрьмах. – СПб., 1831. – Гл. I. – § 3.
44. Отчет о положении и действиях общества попечительного о тюрьмах, поднесенный Государю Императору за 1863 г. – СПб., 1864.
45. Галаншина, Т.Г. Указ. соч. – С. 179.
46. Там же. – С. 182.
47. ВГВ. – 1869. – Неофициальная часть. – № 3.
48. Отчет о положении и действиях общества попечительного о тюрьмах, поднесенный Государю Императору за 1857 год. – СПб., 1858. – С. 13.
49. Там же. – С. 15.
50. ГАВО. Ф. 540. Оп. 1. Д. 39. Л. 5, 39.
51. ГАВО. Ф. 494. Оп. 2. Д. 10. Л. 3. об.
52. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 5301. Л. 17. об.
53. ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 15. Л. 8.
54. Там же.
55. Там же. Д. 139. Л. 1 – 34.
56. Там же. Л. 4.
57. ВГВ. – 1880. – Неофициальная часть. – № 10.
58. ГАВО. Ф. 90. Оп. 10. Д. 275. Л. 10.
59. Там же. Д. 206. Л. 3.
60. Там же. Д. 285. Л. 23.
61. Там же. Д. 206. Л. 8.
62. Там же. Д. 229. Л. 17.
63. Там же. Д. 254. Л. 20.
64. Там же. Д. 106. Л. 6 – 9.
65. Там же. Д. 108. Л. 35 – 41.
66. Воробьева, Г.И. Общество попечительное о тюрьмах в пенитенциарной системе Западной Сибири (1836 – 1879 гг.) / Г.И. Воробьева // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. – СПб.: Лики России, 2003 г. – С. 337.
67. ГАВО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 – 10.
68. Там же. Д. 45. Л. 1 – 12.
69. Там же. Д. 4. Л. 1 – 23.
70. ВГВ. – 1871. – Неофициальная часть. – № 20.
71. Воробьева, Г.И. Указ. соч. – С. 343.

ОФЕНСКАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX В.

Статья посвящена офенскому книжному промыслу. С течением времени в этом промысле падает торговля иконами, другими товарами, но не книгами. С помощью офень распространялись те книги, которые не могли распространяться другим способом. Но вместе с тем существовало несколько причин, мешающих правильному развитию этого направления в офенском промысле.

The article is devoted to the peddler book trading. During some time icon trading is included in this business, along with other item. With the help of peddler trading the books were distributed which couldn't be distributed in other ways.

Появившись среди офенского товара как нечто случайное, мало нужное и не ходовое, с течением времени книга завоевывает больше места в коробе офени. Если «Жития святых» в 1800-х гг. были случайным дополнением к иконе, то уже в 1810-е гг. большая часть офень не может обходиться без книжного товара, подчиняясь настоящему спросу, идущему от населения. С течением времени падает торговля иконами, галантерейными, мануфактурными товарами, но не торговля книгами.

Главная роль в выборе книг, продаваемых коробейниками, принадлежала торговцам, офень обозначал лишь категорию товара и сумму, предназначенную на его покупку. Продаваемые книги очень редко читались самими офенями. Обычно товар покупался лично лишь вначале дела, затем выписывался по почте, по железной дороге, через транспортные контролы. Покупатели даже не знали, что им будет выслано: «Обычное дело – они требуют одного, а им присылают совсем другое» [1].

Большинство офень брало книги у издателей не за наличные, а в кредит. «Обязанность офени к доверителю заключается в том, что по истечении известного срока он должен вернуть хозяину нераспроданный товар, а за распроданный заплатить условленную между ними цену. Выгода доверителя при этом та, что он сбывает таким образом товар, залежавшийся, вышедший из употребления», – отмечал К.Н. Тихонравов в 1857 г. [2].

Другой причиной, также мешающей более широкой постановке книжной торговли в разнос, было юридическое препятствие. Торговлю книгами сильно стесняют с 1865 г. законы о торговле произведениями печати, и поэтому многие коробейники перестают торговать из-за трудности получить разрешение от полиции и губернатора. Разрешение же выдавалось не всем, а только благонадежным. Если офень находился под судом, то он лишался права на получение такого документа. Разрешение на право торговли спрашивалось в каждом селении. Однако потребность в книжном товаре была так велика, что все вышеуказанные препятствия не останавливали коробейников, и они торговали книгами, на свой страх «предпочитая отделяться подарками, кому следует, или, если это не удастся, платить штраф по суду» [3].

Третья причина, мешающая правильному развитию и постановке офенского промысла, – экономическая. Прежде всего, на офенскую торговлю книгами, как и на торговлю вообще, оказывал огромное влияние общий уровень экономического благосостояния данной местности. Офени – порождение известных экономических условий, в которых находилось население Владимирской губернии. Чем меньше надельной земли приходилось на двор, тем больший процент рабочего мужского населения этого двора искал заработка. При этом преимущество оставалось на стороне

многоземельных дворов, потому что по отношению к земле они отдавали больше рабочей силы заработкам и меньше – земле, чем дворы малоземельные. Ковровский, Вязниковский, Судогодский и Гороховецкий были не малоземельными уездами, количество пахотной земли, приходящееся на наличную душу мужчин, в них было больше, чем, например, в уездах Владимирском, Покровском, Суздальском и др. Но в Вязниковском и Гороховецком уездах наблюдался недостаток хлеба на душу населения (– 0,4; – 0,9 пуда), а в Ковровском и Судогодском лишь очень небольшой его избыток (+ 1,6; + 2 пуда) [4].

В промыслах, как и в земледелии, рабочие сильных групп населения имеют больше выгоды по сравнению с рабочими слабых групп, так как поставлены в более благоприятные условия, более конкурентно способны на рынке труда. Обеспеченные землей и рабочей силой, они имеют возможность выбрать более или менее выгодный промысел, дороже оплачиваемый. Этим объясняется, с одной стороны, отход известной части населения, нашедшей для себя лучший заработок, от офенского промысла, с другой – связь офенства с землей.

Промыслы как местные, так и отхожие, имели профессиональный характер, они развивались в течение десятилетий и даже столетий, становясь наследственными, если не в семье, то в селении и в целом районе селений, накладывая известный отпечаток на все стороны жизни населения. Офенство рассматривают как весьма важный, коренной промысел Владимирской губернии, дававший заработок большому числу жителей, складывавшийся десятилетиями, и падение которого не могло не отразиться тяжело на общем благосостоянии населения [5].

Существовали у офенства в области обмена и распределения многочисленные враги в лице лавочников и мелких деревенских торговцев, торгующих на месте, т.е. осёдло. Число мест мелкой торговли из года в год возрастало в зависимости от развития путей сообщения, от удешевления мануфактурных товаров, от замены ими ручных изделий, от постоянного роста житейских потребностей среди населения и других причин, делающих лавочку необходимой принадлежностью

даже среди самых бедных деревень. Мелкий лавочник имел возможность продавать офенский товар дешевле, чем сам офеня, так как менее зависел от тяжелых условий кредита и случайной торговли. Впрочем, офени приспособились к этому обстоятельству и стали носить в своих коробах новые товары, еще не попадавшие в постоянные лавки. Другие офени принялись отыскивать для своей торговли новые места и направлялись отсюда в Среднюю Азию, в Персию, в Манчжурию.

В офенской торговле, несмотря на оборотливость коробейников и умение их приспособливаться к условиям места и времени, все же существовало немало рутины. Объяснялось это «как денежными затруднениями и другими экономическими причинами, так и невежеством, низким нравственным уровнем офень, совершенно почти не имеющих никаких отношений к тем кругам общества, где они могли бы получить знания и указание, полезное их делу и выводящее их из заколдованного круга торговой рутины» [6].

Справедливо обвинение офеней в том, что они торгуют 18 лет одними и теми же книгами. Улучшение народной литературы мало коснулось торговли коробейников. У того же Сытина целый ряд прекрасных народных книжек не проник в короба офеней. Офени не имели возможности спрашивать их, потому что не знали их содержания, да и не всегда способны были оценить их, а торговцу не было никакой нужды бросать в короб офени тот товар, который и без того находил хороший сбыт через школы, земские склады и т.д. [7].

В огромном большинстве случаев попадали в короб офени так называемые листовки – книжки в 36 страниц, двухлистовые, трехлистовые, «крашенные» (с раскрашенной обложкой). Листовые покупали по 80 – 90 коп. за сотню, двухлистовые по 1 руб. 20 коп. – 2 руб. и т.д. Нередко в короб офени попадали остатки изданий, купленные кем-либо из лубочных издателей по случаю и проданные «по сходной цене» офеням. Так, например, в коробе офень можно было встретить такие книги как «Исповедь матери» Е. Конради, издания Прянишникова, Ледерле и прочие, попавшие туда через И. Сытина. На эти книги офеням делалась скидка до 60 и даже 90 %. Попадали в короб офени и учеб-

ники со скидкой 25 %, синодальные издания со скидкой 8 – 10 %. Листовки продавались от 1 до 3 коп. за штуку (а при случае и за 5 коп.) и давали таким образом офене 75 – 100 % чистой прибыли. Двухлистовые книги продавались по 3 – 7 коп. В общем книжная торговля приносила офеням несомненный доход. Офени сами отзывались о книгах как о хорошем товаре, который не мнется и не ломается и дает выгоду. Сопоставив покупную цену книг с суммами, затрачиваемыми коробейниками на них, можно сделать интересный вывод: бедный офеня распространял в течение зимы более 1000 экземпляров листовок и более 500 двухлистонок; средний офеня распространял около 10 тысяч листовок или 5000 двухлистонок; наконец, богатый распространял их сотнями тысяч. Следовательно, число книг, идущих в народ через коробейников, выражается большой цифрой.

Офеня имел возможность внести книгу туда, куда не мог внести её другой продавец. При их помощи распространялись те книги, которые не могли распространяться другим способом, потому что офеня был более заинтересован в распространении своего «товара», чем другой продавец (например, учителя, продававшие книги во многих губерниях по поручению земств и обществ начального народного образования данной губернии). Коробейники лучше других умели сбывать предоставленный им на выгодных условиях товар. Но при этом

все-таки не следует противопоставлять офень другим распространителям книг, а отвести каждому свое место в общей системе [8].

Библиографические ссылки

1. Барышников, М.Н. Деловой мир России / М.Н. Барышников. – СПб., 1998. – С. 112.
2. Тихонравов, К.Н. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / К.Н. Тихонравов. – М., 1857. – С. 24.
3. ГАВО. Ф. 604. Оп. 1. Д. 145. Л. 1 – 3. Прошение И.А. Голышева на имя министра внутренних дел Д.В. Толстого о запрещении производить торговлю книгами односельчанину Мушрикову.
4. Записки Юрьевского Общества Сельского Хозяйства. – Владимир, 1861. – С. 45 – 46.
5. ГАВО. Голышев И.А. Убытки, причиняемые офеням бездорожьем и плохие обороты по той же причине ярмарок в с. Мстёре // Владимирские губернские ведомости. – 1872. – № 51. – С. 23.
6. Григорьев В. Офени: страницы былого / В. Григорьев // Знамя труда. – 10 февраля. – 1968. – С. 10 – 11.
7. Офенский промысел во Владимирской губернии в связи с распространением в населении полезных книг // Вестник Владимирского губернского земства. – 1900. – № 22. – С. 40.
8. Там же. – С.41.

УДК 908

Л.В. Кириллова
старший преподаватель
кафедры отечественной истории

ВЫДАЮЩИЙСЯ КРАЕВЕД АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СМИРНОВ (1854–1918 гг.)

Статья посвящена выдающемуся библиотекарю, краеведу, этнографу и историку А.В. Смирнову, трудившемуся на рубеже XIX – XX вв. Он внес значительный вклад в развитие владимирского краеведения. Смирнов был одним из организаторов и руководителей провинциального научно-исторического общества – Владимирской ученой архивной комиссии.

The article is devoted to the outstanding librarian, local researcher, ethnographic and historian A.V. Smirnov. He greatly contributed to the development of Vladimir local history. Smirnov was one of the founders and leaders of scientific historic society – Vladimir Academic archival Commission.

В конце XIX – начале XX в. в России возникло множество провинциальных научно-исторических обществ. В состав этих организаций входили краеведы – представители разных профессий и разных социальных слоёв общества. Каждый из них вносил посильный вклад в дело изучения истории и культуры своего края. Во Владимирской губернии в 1898 г. была учреждена Владимирская учёная архивная комиссия (ВУАК), которая объединила местных любителей старины и за двадцать лет своего существования значительно развила владимирское краеведение.

Одним из наиболее активных членов ВУАК, оставшимся до конца верным делу изучения и популяризации истории и культуры Владимирского края, был Александр Васильевич Смирнов (1854 – 1918). Уроженец села Вашки Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии, выпускник владимирской духовной семинарии, он получил медицинское образование сначала в Варшавском университете, а затем в Московском. Из университета он вынес «твёрдое понятие о высоком гражданском долге земского врача» [3] как носителя гуманных принципов. Во время обучения в Московском университете Смирнов посещал лекции известного историка, представителя историко-юридического направления, профессора В. О. Ключевского. Под влиянием этих лекций об историческом прошлом Родины с либерально-умеренных позиций многие студенты разных специальностей увлеклись поиском исторических источников, их публикацией, пробовали силы как историки. «Ставленником» Ключевского стал и студент-медик Александр Смирнов.

В Москве молодого студента окружали в основном выходцы из Владимирского края, среди которых был писатель-народник из села Иваново-Вознесенска Владимирской губернии Ф. Д. Нефёдов, значительно повлиявший на мировоззрение Смирнова. С помощью Нефёдова А. В. Смирнов стал активно публиковаться в газетах «Современные известия» и «Русский курьер». Репортажи молодого писателя знакомили читателей с событиями, происходившими во Владимирской губернии. Они вполне вписывались в общий тон газет и свидетельствовали о близости взглядов Смирнова с творчеством писателей-народников Ф.Д. Нефёдова и Н. Н. Златовратского.

В 1881 г. А.В. Смирнов закончил медицинский факультет Московского университета и вскоре занял место земского врача в селе Тихоново Судогодского уезда. Здесь он продолжил своё творчество, печатался в столичных журналах, продолжил работу над грандиозным библиографическим трудом «Левиафан». В 1889 г. ему была предложена должность заведующего санитарной комиссией при Владимирской губернской земской управе. При его непосредственном участии земская медицина шагнула вперёд и «получила примерно такое же развитие как в Московской, Нижегородской, Тверской и Костромской губерниях. Остальные губернии заметно отставали в деле медицинского обслуживания народа» [4, с. 27 – 28]. Его труды на общественном поприще имели признание в губернском обществе.

По меткому выражению библиографа В.И. Саитова, Смирнов был душой ВУАК, которая создавалась, в том числе, и при его участии. На протяжении двадцати лет существования ВУАК А. В. Смирнов выполнял работу хранителя архива, музея и библиотеки, правителя дел, члена редакционной комиссии, члена комиссии по созданию музея. Вместе с учителями Владимирской духовной семинарии Н. В. Малицким и В. Г. Добронравовым редактировал «Труды ВУАК».

Любое дело архивной комиссии не обходилось без Смирнова. Благодаря его усилиям были сохранены многие архивные документы. Среди них архивы губернских учреждений и частных лиц, в том числе владимирских краеведов К.Н. Тихонравова и И.А. Гольшева. Почти на всех заседаниях архивной комиссии Александр Васильевич выступал с докладами. Темы его выступлений были разнообразны: «Участие духовенства в деле распространения во Владимирской губернии медицинских сведений», «Литературные опыты воспитанников Владимирской духовной семинарии в начале XIX в.», «Картина из общественной жизни г. Владимира 20-х гг. XIX столетия», о церковном деятеле – «Гавриил Воскресенский»; о владимирских врачах – «Д.П. Моренков и М.П. Алякринский», по этнографической картине «Похороны Костромы», «О съезде в Петрограде представителей архивных комиссий».

ВУАК ежегодно издавала свои «Труды». Надзор за составлением сборников ВУАК, корректированием и печатанием возлагался на специально созданную редакционную комиссию. Редакционная комиссия после обсуждения докладов и рефератов сотрудников архивной комиссии выносила решение о возможности опубликовать ту или иную работу. Но на практике редактированием «Трудов» занимался в основном А. В. Смирнов (первые две книги редактировались совместно с председателем редакционной комиссии В.Т. Георгиевским).

Активнейшее участие Смирнов принял в подготовке III областного историко-археологического съезда, состоявшегося во Владимире в июне 1906 г. К его началу вся запланированная подготовительная работа ВУАК была успешно завершена, комиссия издала необычайно большое количество своих работ, почти все они предназначались именно для проведения съезда. Большинство из них редактировал и готовил к печати А. В. Смирнов. Так в 1906 г. к съезду членом ВУАК М.И. Трегубовым был составлен «Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии. С указанием важнейших документов, хранящихся в делах о дворянстве, разных фамилий архива Владимирского дворянского депутатского собрания», который редактировал А.В. Смирнов. Кроме того, за время самого съезда вышло восемь выпусков «Справочного листка Третьего областного историко-археологического съезда в губ. гор. Владимире, издаваемого Владимирской учёной архивной комиссией под редакцией А. В. Смирнова».

Следуя основным направлением деятельности ВУАК, Александр Васильевич с редким энтузиазмом собирал экспонаты для музея. Несколько десятков различных предметов, 140 лубочных картин по русско-японской войне и десятки монет и жетонов он пожертвовал музею. Интересным вкладом для музея стали подаренные Смирновым в 1903 г. 13 кремневых орудий труда каменного века. В 1914 г. он передал музею из своего архива фотоснимки со съездов врачей, проходивших во Владимире, и с других мероприятий, в которых сам принимал участие за последние 25 лет.

В 1915 г. музей, которым руководил А.В. Смирнов, лишился возможности демонстрировать предметы церковной старины, принадлежавшие Братству Святого Благоверного великого князя Александра Невского, а в связи с тем, что губернское правление поместило в здание музея архивные дела, он вообще оказался закрыт. Несмотря на это, Смирнов продолжал вести работу по формированию музейных коллекций.

Среди крупных дарителей для библиотеки ВУАК следует, безусловно, выделить А.В. Смирнова, передавшего практически всю свою библиотеку, состоящую из редких и уникальных изданий (3 694 книг). По мнению самого Смирнова его библиотека такова, что «всякий работающий в той или иной области знаний найдёт, что ему нужно, или нужные указания – где и что искать» [2, с. 13 – 14]. Им же был составлен список книг из своей библиотеки по разделам. Пополнил А.В. Смирнов и рукописный отдел библиотеки ВУАК. Среди его пожертвований для этого отдела стоит отметить рукописные лекции, читавшиеся в 1850 – 1860 гг. во Владимирской духовной семинарии по логике, психологии и естественным наукам; Каноническое право или церковное законодательство – рукопись неизвестного автора; 51 комплект афиш Владимирского городского театра с 1896 по сентябрь 1902 г.; из архива Екатерины Александровны Суворовой – матери генералиссимуса (приговоры крестьян); «альбом со стихами 1848 г.»; «Семинарский вестник» 1813 – 1814 гг. – всего 9 номеров; 7 сборников произведений стихами и прозой первой половины XIX в.; «Разговор между табашником и порицателем его»; стихотворение 1825 г., начинающееся: «Беда! вам папады, поповичи, поповны!..» и т.д.; указ Петра I патриаршу дворянину Ив. Марк Лопухину 1720 г.; 7 тетрадей с семинарскими рассуждениями, приветственными речами, стихотворениями и т. д. В 1914 г. он передал в ВУАК все письма, адресованные ему, начиная с 1870 г., сопроводив этот вклад таким скромным комментарием: «Сознаю, что этот дар лишний, – ведь не такой же я известный человек, но в будущие времена, может быть, и это собрание сослужит какую-нибудь службу» [2, с. 13]. И, действительно, исследователи не раз обращались к этим письмам.

По инициативе библиографа И.Ф. Масанова уже в советское время архив А. В. Смирнова частично был передан на хранение в Пушкинский дом (институт русской литературы АН СССР), в том числе и письма к Смирнову видных учёных и писателей [1, с. 56].

А.В. Смирнов внёс свой особенный вклад в деятельность ВУАК – развитие библиографии. Его трудами были выявлены и систематизированы различные публикации с биографическими данными и сведениями о творчестве многих более или менее известных уроженцев Владимирского края в многочисленных центральных и местных газетах, журналах, книгах. Зачастую Смирнов обращался к тем людям, которые могли оставить личные воспоминания о своих известных земляках. Среди владимирцев, о которых собирал сведения А.В. Смирнов, были писатели и поэты, учёные и краеведы-любители, государственные и общественные деятели. Наиболее значительным его трудом стало издание «Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на разных поприщах общественной пользы» в пяти томах, составленное в 1896 – 1917 гг. В него вошло восемьдесят пять биографических очерков. Другое не менее интересное издание Смирнова – «Портретная галерея уроженцев и деятелей Владимирской губернии» (о владимирском краеведе и археологе К.Н. Тихонравове, библиографе А. Грибоедова Д.С. Смирнове, архитекторе Н.А. Артлебене и др.). В 1898 г. Смирнов составил книгу «Переписка И.А. Гольшева», которая представляет несомненный интерес, так как посвящена уроженцу Владимирской губернии, известному российскому издателю, основателю первого сельского издательства в России, исследователю народного быта и искусства, получившему высокую оценку современников.

Библиографические труды А.В. Смирнова разнообразны. В 1902 г. был издан «Указатель содержания неофициальной части “Владимирских губернских ведомостей” и “Владимирских епархиальных ведомостей” с 1865 по 1900 годы включительно». Эта книга содержит в себе сведения обо всех публикациях в двух главных газетах Владимирской губер-

нии. Уже несколько поколений краеведов обращались к этому «Указателю» как к важнейшему справочнику по газетным публикациям XIX в. К десятилетнему юбилею архивной комиссии А. В. Смирнов подготовил библиографический указатель «Труды Владимирской учёной архивной комиссии за 1-е десятилетие (1899 – 1908 гг.)», который вышел в 1909 г. Кроме того, Смирновым был составлен указатель «Опыт библиографического указателя литературы о кустарной промышленности Владимирской губернии» (1902 г.), «Каталог библиотеки Владимирского собрания» (1892 г.) и многое другое.

Когда в начале XX в. в России одно за другим произошли политические потрясения, которые смели сначала самодержавие, а затем и временное правительство, задача сохранения архивных материалов, коллекций музея, библиотеки стала особенно актуальной. Повсюду уничтожалось всё, что связано с прошлым – разворовывались музейные коллекции и собрания предметов старины в усадьбах, архивные документы продавали и растаскивали на топливо.

Бескорыстные энтузиасты, такие как А.В. Смирнов, сохранили для потомков бесценные сокровища – архивные документы, предметы старины и т. п. Будучи преданным своему делу, А. В. Смирнов принял участие и в становлении советского краеведения. Он вошёл во Владимирский комитет по охране памятников старины и искусства, организованный в 1918 г. Это была единственная возможность продолжать заниматься любимым делом. Но полноценно поработать в составе этого комитета ему не удалось. 3 декабря 1918 г. А. В. Смирнов умер от воспаления лёгких.

Начав печататься ещё на студенческой скамье, А. В. Смирнов опубликовал за свою жизнь около семисот статей и сообщений в самых различных, преимущественно владимирских, изданиях. Он имел звание члена Археологического института, состоял членом не только Владимирской, но и Рязанской, Витебской и Тульской архивных комиссий. За передачу в Пушкинский дом архивов писателя-народника Ф.В. Нефёдова, организатора

Рязанской и Владимирской УАК А.В. Селиванова, писем А.С. Пушкина к А.А. Фукс Смирнов был награждён бронзовой медалью в память столетнего юбилея Пушкина [3, с. 56]. «Только благодаря, главным образом, неутомимой энергии и трудолюбию А.В. Смирнова бывшая Владимирская учёная архивная комиссия и завоевала себе ту широкую популярность в учёном мире, какую не пользовалась ни одна из других провинциальных архивных комиссий», – писал И.Ф. Масанов [4, с. 44]. «Плутархом своего Владимирского края представляется нам Александр Васильевич Смирнов – библиограф, краевед, автор-беллетрист, этнограф и историк» [1, с. 52], – так о нём писал исследователь культурной истории Владимирщины Е.И. Осетров.

Библиографические ссылки

1. Осетров, Е.И. Ветка Лауры / Е.И. Осетров. – Владимир : Владим. книж. изд-во, 1960. – 147 с.
2. Смирнов, А.В. Отчёт о деятельности ВУАК за шестнадцатый год её существования (1914 г.) / А.В. Смирнов // Тр. ВУАК. – Владимир, 1915. – Кн. XVII. – С. 1 – 20
3. Тельчаров, А.Д. Владимирская учёная архивная комиссия / А.Д. Тельчаров // О крае родном: люди, история, жизнь, природа земли Владимирской / сост. Н.С. Софронов. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1978. – С. 163 – 165
4. Он же. История в человеке: А.В. Смирнов и его время / А.Д. Тельчаров. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. – 64 с.

УДК 94(100)

Н.Е. Шутова

кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории

ВХОЖДЕНИЕ ЗАКАВКАЗСКИХ РЕСПУБЛИК В СССР

Закавказские республики после разорительной гражданской войны находились в крайне тяжёлом экономическом состоянии. Существовали факторы, свидетельствующие о необходимости сотрудничества республик между собой, с Советской Россией и Турецкой республикой. Укрепление отношений между этими государствами не только в политическом, но и в экономическом отношении имело стратегическое значение, т.к. разрушало планы Антанты и США. Именно благодаря России политические, государственные, социальные интересы Закавказских республик и Турции сблизались, что имело значение для их дальнейшего развития.

The Transcaucasian republics after ruinous civil war were in the heaviest economic condition. There were the factors testified to necessity of cooperation of republics among themselves, and also with the Soviet Russia and Turkish republic. Strengthening of relations between these states not only in political, but also economically had strategic value as destroyed plans Антанты and USA. Due to Russia political, state and social interests of the Transcaucasian republics and Turkey were pulled together, that became the reason of their further cooperation.

Жизненные интересы советских республик диктовали их объединение в единое союзное государство. Лишь объединившись возможно было восстановить и народное хозяйство, и производительные силы. Как отме-

чал Г.К. Орджоникидзе на Кавказском краевом партийном совещании 12 августа 1921 г., Кавказ в хозяйственном отношении представляет единый, целый и неразрывный организм. Поэтому задача экономического объединения

всех Советских республик Кавказа стала на очередь, как только на Кавказе была установлена Советская власть [1].

2 – 3 ноября 1921 г. пленум Кавказского бюро ЦК РКП (б) с участием членов ЦК Компартий Азербайджана, Армении и Грузии обсуждал вопрос о необходимости создания федерации Закавказских республик.

28 ноября 1921 г. В.И. Ленин послал И.В. Сталину проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу об образовании федерации Закавказских республик. В нем говорилось о необходимости образования федерации как организации абсолютно правильной и значит своевременной. Эту идею необходимо было развивать путем пропаганды, но если возникнет оппозиция, то своевременно доложить об этом в Политбюро ЦК РКП(б) [2].

Состоявшееся вслед за этим второе Закавказское партийное совещание с участием представителей всех партийных организаций края заслушало доклад Г.К.Орджоникидзе «О ходе кампании за федерацию в Грузии, Армении и Азербайджане». Совещание полностью поддержало предложение, объясняя это необходимостью, которую диктует жизнь [3]. Совещание также подвело главный итог: объединение Закавказских республик в одну федерацию означает окончание длительного и очень тяжелого периода межнациональной борьбы как результата контрреволюционной шовинистической политики буржуазно-националистических партий и правительств меньшевиков, дашнаков и мусаватистов. На совещании было принято решение о заключении союзного договора между советскими республиками Закавказья, проект которого был подготовлен комиссией Кавбюро ЦК РКП(б) в составе Ш. Элиавы, С. Лукашина, М. Эфендиева и Б. Леграна. Этот проект был одобрен краевым партийным совещанием.

По решению совещания должны были провести объединение через столичные Советы республик, а уже потом, не позднее января 1922 г., созвать конференцию и на Закавказском съезде Советов декларировать создание

федерации. Так, 8 декабря 1921 г. было заключено соглашение между правительствами советских республик Закавказья, с одной стороны, и правительством РСФСР – с другой, по военно-морским делам. Главная задача – взаимная вооруженная поддержка.

Решением IX Всероссийского съезда Советов в декабре 1921 г. представители Азербайджана, Армении и Грузии вошли в состав ВЦИК. А 12 марта 1922 г. Полномочная конференция утвердила договор об образовании федеративного союза социалистических республик Закавказья. В договоре констатировалось, что Полномочная конференция представителей социалистических республик Азербайджана, Армении и Грузии, исходя из провозглашенного Великой пролетарской революцией права народов на самоопределение, признавая независимость и суверенность каждой из договаривающихся сторон и сознавая необходимость сплотить свои силы в целях обороны и в интересах хозяйственного строительства, постановила, что отныне советские социалистические республики Азербайджан, Грузия и Армения вступают между собой в тесный военный, политический и экономический союз [4].

Верховной властью союза считалась Полномочная конференция представителей, избираемых в равном числе правительствами республик. В качестве исполнительного органа учреждался союзный Совет и при нем на правах постоянной комиссии – высший экономический Совет, который призван был руководить деятельностью всех хозяйственных органов на территории трех республик по единому общему плану. Учреждалась также союзная рабоче-крестьянская инспекция. Последний пункт договора гласил, что союз республик устанавливает взаимоотношения с РСФСР на основе союзного договора [5].

22 марта 1922 г. конференцией, в которой приняли участие 75 делегатов от всех республик Закавказья, был избран союзный Совет и принята единая союзная Конституция.

11 апреля 1922 г. между народными комиссариатами финансов РСФСР и Закавказской федерацией было заключено соглашение,

согласно которому унифицировалась денежная система. Несколько позже, 10 января 1923 г., была проведена денежная реформа. В августе 1922 г. были упразднены заградительные отряды и контрольные пункты на границах советских республик, сняты всякие ограничения, установленные Наркомпродом и другими учреждениями, которые мешали перевозке товаров и продуктов. Отныне товароборот и внутри республик, и между ними становился свободным. 6 октября 1922 г. Пленумом ЦК РКП(б) принято постановление «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми советскими социалистическими республиками». Первый пункт постановления гласил признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, федерацией Закавказских республик и РСФСР об объединении их в Союз Советских Социалистических Республик с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза [6].

Первый съезд Советов Закавказья (10 – 13 декабря 1922 г.), преобразовавший Закавказскую федерацию в Закавказскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику (ЗСФСР), выражая волю народов края, принял резолюцию о добровольном вхождении ЗСФСР в СССР. Из резолюции следовало, что республики РСФСР, Украина, Белоруссия и Закавказская федерация объединяются в одно союзное государство под названием «Союз Советских Социалистических Республик», причем за каждой из республик сохраняется право свободного выхода из Союза [7]. Вошедшие в состав ЗСФСР республики, в соответствии с принятой Конституцией, тоже сохранили за собой право свободного выхода из ЗСФСР. Съезд считал необходимым созыв общего съезда Советских Социалистических республик и делегировал на этот съезд своих представителей, снабдив их мандатами на право подписания договора об организации Союза.

Таким образом, Закавказские республики после разорительной гражданской войны находились в крайне тяжелом экономическом состоянии. Существовали объективные фак-

торы, отражавшие необходимость сотрудничества республик как между собой, так и с Советской Россией. Только в результате взаимопомощи и совместной работы можно было разрешить все экономические, социальные и политические проблемы, а также выстоять против агрессии западных держав, имевших лишь одну цель – завоевать Закавказье.

Благодаря усилиям России, Закавказские Советские республики в начале 20-х гг. смогли разрешить важные вопросы как внутри страны, так и на международной арене. Это способствовало дальнейшему развитию отношений Закавказья и с Турцией, а также укреплению отношений последней с Советской Россией, что в итоге, по своей сути, имело глубокое стратегическое значение, т.к. разрушало планы Антанты и США, стремившихся не допустить советско-турецкого сближения, в политическом и экономическом аспектах которого Турция была заинтересована не менее России. Экономические связи Закавказских Советских республик с Советской Россией способствовали объединению их политических, государственных, социальных, культурных интересов, что в конечном итоге предопределило вхождение этих республик в СССР и способствовало еще большему сближению наших государств.

Библиографический список

1. Орджоникидзе, Г.К. Статьи и речи / Г.К. Орджоникидзе. – Москва, 1956. – Т. 2. – С. 202.
2. Ленин, В.И. Записка И.В. Сталину с проектом постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу об образовании федерации Закавказских республик / В.И. Ленин. – ПСС. – Т. 44. – С. 255.
3. Историко-филологический журнал. – 1969. – № 4. – С. 105.
4. Галоян, Г.А. Октябрьская революция и возрождение народов Закавказья / Г.А. Галоян. – М., 1977. – С. 327.
5. Там же.
6. Ленин, В.И. ПСС / В.И. Ленин. – Т. 45. – С. 682.
7. Галоян, Г.А. Указ. соч. – С. 251.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА РОССИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Статья посвящена историческому опыту культурного обмена России и стран Западной Европы, основным участникам широкого международного сотрудничества в XIX – начале XX в. В ходе глобальных исторических событий XX в. (революции, мировые войны) одни социумы утратили свое значение, другие ушли с политической арены, иные претерпели преобразования.

The article is devoted to historical experience of a cultural exchange of Russia and the countries of the Western Europe, the basic participants of wide international cooperation in XIX - the beginnings XX century. During global historical events in the twentieth century (revolutions, world wars) one society have lost the value, others have left from a political arena, others have undergone transformations.

В условиях начавшейся Первой мировой войны германский профессор Г.Ф. Николаи писал: «Благодаря технике мир стал меньше, государства обширного полуострова, носящего название “Европа”, ныне так близко прижаты друг к другу, как в былые времена города любого небольшого полуострова на Средиземном море ... Успехи техники и средств сообщения побуждают нас категорически признать фактическое установление международного общения и тем самым факт мирового культурного значения ... » [1].

На начало XX столетия мировое сообщество накопило уже достаточный опыт в познании друг друга, в установлении и развитии культурного обмена. В этот процесс наиболее активно вовлекалась Россия, несмотря на то, что сама она представлялась и продолжает представляться Западной Европе весьма завуалированной державой. С.С. Ипполитов так охарактеризовал видение России европейцем: «Интерес европейского общества к «загадочной» России всегда был высок. Европейский обыватель так же не был лишен некоторых, весьма туманных, представлений о русском народе, вызывавшем в его сознании целый сонм очень простых и банальных ассоциаций» [2]. В настоящий момент представляется актуальным вопрос о широком международном сотрудничестве, для чего следует проследить параллели истории и современности.

Германский исследователь Карл Шлэгель, специализирующийся на германо-российских культурных связях (но его выводы можно распространить на мировой опыт), определяет, что основными носителями культурного обмена были так называемые *транснациональные элиты* [3]. Под ними он понимает аристократов, дипломатов, ученых и деятелей культуры, представителей революционных течений, международные фирмы и даже любителей туристов.

Следует начать разговор с высочайшего уровня аристократического общения. Династические европейские дома были связаны тесными родственными узами, благодаря чему государственная политика и частная сфера переплетались как бы «в семейной обстановке». Это доказывают многочисленные государственные визиты, которые одновременно были и родственными (Александрплац была названа в честь Александра I, усадьба Никольское на Ваннзее была свадебным подарком Александра I брату Николаю, женившемуся на принцессе Шарлоте и т.д.).

Однако и вне императорских и великокняжеских семей существовали многочисленные интенсивные связи, насыщенные культурными компонентами. С уходом с политической арены ее носителей распалась и часть образа жизни. Многочисленные потомки европейских

монархов (прежде всего российские) по-прежнему являются носителями высокой культуры и духовности. Но они уже не выступают ядром династического сплочения Европы.

Поскольку дипломатическая служба еще в первой трети XX в. была главным образом привилегией дворянства, то в качестве носителей связей можно рассматривать и дипломатические круги. Известны примеры: Пурталес, Дж. Бьюкенен, М. Палеолог, фон Брокдорф-Ранцау и многие другие представители европейских государств в России.

Весомое место в деле культурного обмена России и стран Западной Европы занимают деятели науки, искусства, носители технической модернизации. Самой успешной в мире считалась германская университетская система – гарант высшего академического уровня. Среди множества иностранцев, которые стремились учиться в Германии, перед мировой войной особенно большую группу составили студенты из Российской империи [4].

Особенно оживленными были научные и культурные обмены между Россией и Западной Европой перед Первой мировой войной. Русские рассматривали себя членами нации, занявшей место среди других народов Европы, со своим специфическим голосом. «И хотя различия между Востоком и Западом не были забыты, их больше не видели разъединяющими» [5], – считает германский историк Т. Маурер.

Ученому российскому и европейскому мирам суждено было пережить первое потрясение в связи с началом мировой войны 1914 г. Творческие деятели всех воюющих стран считали своим долгом поддержать свое отечество. Австрийский писатель Стефан Цвейг отмечал про современников, что «большинство ... старались превзойти друг друга в ненависти, пикировались и с пеной у рта осыпали друг друга оскорблениями» [6]. Тогда, в годы Первой мировой войны, печатное слово еще имело силу, ему внимали. Но не стоит забывать, что именно оно, «печатное слово», создало новое оружие – организованную пропаганду. Именно тогда, в годы Первой мировой войны, вырабатывался опыт сплочения всего культурного европейского мира. Примером тому могут служить предпринятые реальные

шаги С. Цвейга и его коллеги по творческому цеху швейцарца Ромена Роллана, выступавших «против духовной вражды между народами, требуя от художника справедливости и человечности даже в разгар войны» [7].

Стоит отметить, что среди деятелей искусств и науки культурный обмен не прекращался, но почти на протяжении полувека он нередко проходил под грифом «борьбы с фальсификацией» (особенно в истории). Главная цель современности – поддерживать достигнутое международное сотрудничество.

Не меньше успехов и трагичности наблюдалось в культурном обмене среди носителей технической модернизации. Здесь можно привести многочисленные параллели исторических и современных падений и взлетов германо-российского сотрудничества.

Наряду с аристократией наиболее транснациональной была международная социал-демократия. Можно сказать, что все будущие советские вожди знали Берлин по собственному опыту и пребывали под сильным впечатлением от хорошо организованной социал-демократии. Их восхищали немецкие квалифицированные рабочие с их высокими профессиональными навыками и высокой культурой. Правда, одновременно они испытывали к ним и недоверие, подозревая в них «рабочую аристократию». Интенсивным отношениям способствовало то, что многие ведущие немецкие социал-демократы происходили из польско-русских «пограничных областей» и чувствовали себя как дома в Лодзи, Петербурге, Варшаве, Берлине (Парвус-Гельфанд, Фюрстенберг-Ганецкий, Люксембург и др.) [8]. Одним из самых популярных, эмоциональных и до настоящего времени актуальных и распространенных видов культурного обмена представляется туризм. Здесь хотелось привести короткую выдержку из воспоминаний интеллигента-аристократа: «Зимой мы ездили в Ниццу отдыхать, а летом купаться в Остендэ или Биарриц. Иногда мы умудрялись выкупаться и тут, и там. Возвращались домой, конечно, через Париж. Первые дни в Париже было интересно и забавно, но потом я предлагал жене ехать домой. Она отвечала: “Смешно приехать в Париж на две недели и уже удирать”. Жена и дочурка оставались в Париже из-за магазинов» [9].

Туризм дает возможность знакомства с историей, традициями, нравами других народов. Но в то же время любой выезжающий как носитель иной культуры – представитель своего отечества в стране пребывания.

Отдельно хотелось бы остановиться на таком носителе культурного обмена, как эмиграция. В XX в. рождается такое явление как «Россия вне России», которое на протяжении многих лет будоражило умы европейцев величием и трагедией своего исхода. Сегодня, когда российское общество в очередной раз переосмысливает свой исторический опыт, с новой силой возникает необходимость воссоздать единство некогда «разбитого вдребезги» [10].

После несчастного завершения Крымской эпопеи белого движения в ноябре 1920 г. в Константинополь прибыл русский боевой и транспортный флот, на котором находилась вся эвакуированная армия барона генерала Врангеля и, конечно, масса беженцев [11].

Понятие «беженец» – относительно новое, вошедшее в обиход, после Первой мировой войны. Оформление, становление его связано с послереволюционной волной эмиграции из России. С одной стороны, фактическое наличие правительства в Москве, никем за границей не представленного, а с другой, – присутствие русских дипломатических агентов за границей, никакого государства не представляющих. Россия как «государство, участвующее в общей международно-правовой жизни, исчезло, и с этим исчезновением все русские люди ... превратились в людей без государства, без подданства» [12].

Определение понятия «беженец» вошло в международное право в июле 1922 г. Оно прозвучало на Женевской конференции представителей правительств, созванной по инициативе Лиги Наций, и касалось только русских. «Русским беженцем» признавался беженец «русского происхождения, не принявший никакого другого подданства». Затем Женевское межправительственное соглашение от 12 мая 1926 г. уточнило это понятие – беженцем считалось «всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого гражданства». Тогда же появляется определение «армянский беже-

нец», в 1928 г. – «ассирийский, ассиро-халдейский и ассимилированный беженец», в 1936 – 1938 гг. определился статус беженцев из Германии, Австрии. Таким образом, русские беженцы стали первопроходцами в деле правового урегулирования лиц, покидавших по разным причинам свою родину [13].

Российская эмиграция XX в. – министерские чиновники, офицеры императорской армии, интеллигенция, писатели – создала русскую среду в Европе, воплотившую одновременно аристократические и интеллигентские черты.

Прибытие в Европу сотен тысяч российских беженцев во многом перевернуло устоявшиеся стереотипы. Европейское общество оказалось перед непростой дилеммой: принять или отторгнуть эту разношерстную массу эмигрантов, столь бесцеремонно вторгшуюся на его территорию.

Но шло время, и настороженность сменилась интересом к тому яркому культурному многообразию, которое было привезено из России ее бывшими согражданами. Интерес европейцев к эмиграции достиг таких масштабов, что уже никого не удивила «русская мода», ставшая культурным событием в общественной жизни Европы 20-х гг. XX в. Однако это был потребительский интерес. Диалога культур, диалога цивилизаций, диалога точек зрения на мироустройство и миропорядок не получилось [14]. С этим соглашается и германский исследователь К.Шлэгель: «Никаких крупных культурных встреч не происходило, воздействие было лишь косвенным: модель аристократической красоты в пролетарско-мелкобуржуазном Берлине» [15]. Гости из России были модны и интересны, ими восхищались, им подражали, но европейское общество так и не смогло сделать их своей неотъемлемой частью.

Таким образом, в настоящий момент представляется актуальным вопрос о широком международном сотрудничестве транснациональных элит. В ходе глобальных исторических событий XX в. (революции, мировые войны) одни из социумов этой элиты утратили свое значение и ушли с политической арены, тогда как иные из них претерпели преобразования, их удельный вес не только вырос, но и продолжает набирать обороты.

Библиографические ссылки

1. Николаи, Г.Ф. Биология войны / Г.Ф. Николаи ; пер.с нем. Г.Г. Генкеля. – Л., 1926. – С. 14 – 15.
2. Ипполитов, С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс / С.С. Ипполитов. – М., 2004. – С. 5.
3. Шлэгель, К. Петербург – Берлин. 1900 – 1935 гг.: контакты и влияние. Санкт-Петербург – окно в Россию. 1900 – 1935 гг. / К. Шлэгель // Материалы междунар. науч. конф. Париж, 6 – 8 марта 1997 г. – СПб., 1997. – С. 227.
4. Bergmann, C. Das Studium der Ausländer an deutschen Hochschulen und die Internationalen Studenten vereine / C. Bergmann // Jb. Des Verbandes der Internationalen Studenten – vereine an Deutschen Hochschulen. – 1914. – № 1. S. 91.
5. Маурер, Т. «Война умов» и общность европейцев. Размышления по поводу отклика русских ученых на воззвание их германских коллег / Т. Маурер // Наука, техника и общество: Россия и Германия во время первой мировой войны / отв.ред. Э.И. Колчинский и Д. Байрау. – СПб., 2007. – С. 58.
6. Цвейг, С. Статьи, эссе. Вчерашний мир: воспоминания европейца : пер.с нем. / С. Цвейг. – М., 1987. – С. 317.
7. Там же.
8. Шлэгель, К. Указ. соч. – С. 228.
9. Г-Ъ, Марк. Больше правды, чем фантазии: записки буржуа. – Париж, [192?]. – С. 5.
10. Ипполитов, С.С. Указ.соч. – С. 4.
11. ГАРФ. Ф. 6242. Оп. 1. Д. 14. Л. 14.
12. Бочарова, З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920 – 1930 гг. / З.С. Бочарова // Правовое положение российской эмиграции в 1920 – 1930 гг. / науч. ред. Бочарова З.С. – СПб., 2006. – С. 370.
13. Там же. – С. 369.
14. Ипполитов, С.С. Указ.соч. – С. 5.
15. Шлэгель, К. Указ.соч. – С. 229.

УДК 130.2

С.В. Погорелая

кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии

К ВОПРОСУ О МИСТЕРИАЛЬНОСТИ ТВОРЧЕСТВА А.Н. СКРЯБИНА

В статье делается попытка исследовать формирование и развитие одной из центральных идей творчества А.Н. Скрябина, идеи Мистерии. Особое внимание уделяется воздействию учения Ф. Ницше на мировоззрение и творчество композитора.

This article is an attempt to study the creation and development of Mystery, a main idea of Scriabin's works. An attention is paid to the effect of Nietzsche's thoughts on composer's outlook and works.

Философское и философски насыщенное поэтическое наследие А.Н. Скрябина представляет несомненную ценность для исследователя, в том числе его музыкального творчества. Во-первых, это отражение процессов, совершающихся в недрах того же творящего духа, самостоятельных и независимых, но имеющих с музыкальным творчеством общий источник – интуицию художника. Во-вторых, это путь к пониманию мирообъемлющих замыслов композитора. В-третьих, это важное

дополнение и комментарий к творчеству музыкальному. И, наконец, это яркое явление культуры Серебряного века, не просто находящееся в общем русле художественно-философских поисков начала XX столетия, но отчасти определяющее и это самое русло, и характер поисков.

Пожалуй, первым результатом выраженной философской направленности мышления композитора-символиста, результатом тесной связи идей Скрябина с его музыкальным твор-

чеством (особенно – одержимости композитора ницшевско-соловьевского происхождения идеей преображения жизни с помощью искусства, впоследствии воплотившейся в идею Мистерии) является своеобразная «моноидейность» наследия композитора – черта, отличающая творения «великих посвященных художественного плана» (Л. Сабанеев).

Подобно тому, как один из любимейших философов композитора Ф. Ницше, по сути дела, в течение всей своей жизни лишь варьировал, разрабатывал и неустанно повторял одну единственную, повсюду присутствующую у него мысль (что позволило Т. Манну рассматривать все творчество Ницше как историю ее развития и упадка), можно сказать, что Скрябин был «маньяком одной великой идеи» (Гершензон), а его творчество – «вечным возвращением» к ней.

По свидетельствам современников-друзей композитора, он уже в ранний период «носил в себе, как завязь плода, зародыш той мирообъемлющей идеи – идеи-чувства, идеи-хотения, – которую за последние два года жизни он считал в себе созревшей и которую хотел выразить в своей великой Мистерии» [1]. Во вступлении к подготовленным к печати запискам Скрябина 1877–1910 гг. М. Гершензон справедливо отмечает важность публикуемых материалов как представленной в документах *биографии* этой единой, совершенно-личной и глубоко органической мысли Скрябина [2].

Б.Ф. Шлецер утверждает, что искусству Скрябина была присуща мистериальность и действенность мысли еще до возникновения осознания идеи Мистерии, с той разницей, что в 90-е гг. композитор считал, что к воплощению мечты об объединении человечества в одном чувстве блаженного экстаза ведет все его искусство, совокупность всех произведений, и не возлагал ее осуществление на одно исключительное, выходящее из всего остального ряда творение. Своим воздействием его сочинения должны были подготовить грядущее преображение человека.

Первый слабый абрис будущей идеи Мистерии содержится уже в финале Первой симфонии, где утверждается религиозная роль искусства как силы, ведущей человека к вершинам радостного бытия. Но это религия без

Бога – человечество одиноко, над ним нет никого; оно само творит свою собственную радость через искусство, свою свободную деятельность. Уже тогда, на раннем этапе Скрябин отождествлял себя со своим делом, и по собственному признанию композитора, хор этот – «гимн не искусству вовсе, но художнику, то есть самому себе» [3].

Второй этап на пути к «Акту последнего свершения» – опера [4]. По мысли автора, произведение должно было закончиться смертью главного героя – «философа-музыканта-поэта» («сверхчеловека») – среди освобожденного, охваченного восторгом, слившегося с ним в одном чувстве блаженного экстаза, человечества. Но последний грандиозный замысел вытеснил мысли об опере; материал ее разошелся на мелкие произведения, стихи частью вошли в «Поэму экстаза».

Соборное начало, стремление преодолеть ограниченность человеческого сознания и «отграниченность отдельных сознаний» (говоря словами Ницше, «разрушить проклятие индивидуации») по-своему реализовалось и в симфонических произведениях композитора. Оно проявляется в грандиозности масштабов, внушительности оркестрового состава, во введении, начиная с «Поэмы экстаза», органа и колоколов (как символа единения множества), в использовании слова хора, который и сам по себе уже символ – «чувственное означенное соборного единомыслия и единодушия, очевидное свидетельство реальной связи, сомкнувшей разрозненные сознания в живое единство» [5]. Причем для усиления литургического эффекта в «Прометее» хор должен был быть облачен в белые одежды.

Духом соборности проникнута, наконец, сама идея грядущего синтеза искусств – конечного воссоединения их, как он мыслится на первых ступенях человеческого бытия («Прометей»), смыкающаяся у Скрябина с идеей объединения человечества в грандиозном Акте последнего Свершения.

Как совпадающий по времени с рождением и формированием скрябинской идеи Мистерии, интересен стихотворный двойник его «Поэмы экстаза», где так красочно изображен мировой пожар, где Скрябин не пожалел эпитетов для обрисовки всеобъемлющего сли-

яния в экстазе. Здесь все характеристики божественной Мистерии, как то: необходимая предреченность, предельное напряжение сладострастия и световых взлетов, спасение в одном всемирно-божественном «Я» и, наконец, тождество жизни и смерти в экстазе [6] – даны с наибольшей выразительностью и силой, как прямое предвосхищение Предварительного действия: «О подвиг божественный. Танец всезвездный / Ты нам даруешь победу над бездной / В тебе мы сорадно себя обречем / В тебе мы блаженно друг в друге умрем» [7].

Уже в «Поэме экстаза» явлена сущность скрябинского *экстатического мировосприятия*, рождение высшего синтеза нового мира, призванного к жизни могучей волей художника: «Силы божественной, воли свободной / Прилив бесконечный – вот экстаз».

В высшем синтезе примиряются крайние контрасты: «Что угрожало –/ Теперь возбужденье / Что ужасало –/ Теперь наслаждение, / И стали укусы пантер и гиен / Лишь новою лаской, новым терзаньем, / А жало змеи –/ Лишь лобзаньем сжигающим / И огласилась вселенная радостным криком: «Я есмь!». В этой столь любимой Скрябиным игре антитезами чувствуется влияние «Заратустры»: «Скорбь также радость, проклятие тоже благословение, ночь тоже солнце, – уходите! или вы научитесь: мудрец тот же безумец!» [8].

Кстати, и насыщение скрябинского поэтического языка специфически музыкальной символикой, а музыки – символикой философской, поэтической, можно объяснить общесимволистским стремлением к синтезу искусств, генетически выводимым из мистериальной теории Ницше. Выработанное Скрябиным учение о синтетическом искусстве, как основанном на принципе тесного сплетения искусств, их «контрапунктирования», вполне соотносится с ницшевскими представлениями о театральных действиях древних, где искусства интимно проникнуты друг другом, где нет, в сущности, отдельных искусств, как таковых (музыки, поэзии, живописи), а есть единосущее («всеединое», по Скрябину) синтетическое искусство, отдельные стороны которого можно вычленишь лишь посредством анализа Целого.

Свое экстатическое мироощущение Скрябин также вполне мог бы почерпнуть из ницшевского «Происхождения трагедии», но поскольку свидетельств тому не имеется, то можно отметить лишь удивительную бессознательную гармонию настроений [9]. Ницше говорит об искусстве Диониса как об *активном* в наслаждении, достигающем всей жизненной остроты его, вечно становящимся в противоположность пассивному искусству Аполлона. Искусство Скрябина – «неостывший пламень души, ...творческий процесс, из тайного ставший вдруг явным, дионисиевское *свершение*, линия восхождения, род творческой муки»; оно «не столько выливается в законченные формы, сколько бушует бурным потоком, для которого форма – лишь камень, обрызганный пеною волны» [10].

По-видимому, именно с вышеуказанной «моноидейностью» скрябинского творчества связана отмечаемая многими исследователями единообразность сочинений композитора. При всем богатстве и многообразии скрябинских тем-образов нельзя не отметить явного или скрытого образного сходства многих произведений А.Н. Скрябина. Исследователи связывают эту особенность скрябинского творчества с наличием у композитора универсального сверхобраза – *Экстаза*, как своего рода центростремительного образного стержня всей художественной системы, к которому притягиваются и вокруг которого вращаются другие, порожденные им образования. При всей своей оригинальности они оказываются лишь «отблесками», отдельными частями (различными сторонами) Единого, фазами его осуществления.

Экстаз выступает у композитора и как исходный тезис в форме «предчувствия-предвестья» (образная грань «высшая утонченность» – томление) и как обобщающее (итоговое) выражение авторского экстатического мироощущения («высшая грандиозность» – экстаз). Амбивалентность образа напрямую связана с амбивалентностью самой словоформы «экстаз». Укорененность на рубеже XIX – XX вв. французского языка как языка российской элиты и художественной интеллигенции объясняет как это заимствование, так и понимание «экстаза» как сферы

зыбкой и лучезарной неги, томления, чувственности (часто с ориентальным колоритом) [11]. Не без влияния Ницше в русском символизме слово «экстаз» приобретает свой другой, «оргиастический» смысл. Уже у Вяч. Иванова и А.Н. Скрябина под «экстазом» понимается состояние не просто высшего блаженства, но крайней степени восторга, достигающего до иступления, высочайшего накала чувств, эмоционального напряжения, выходящего за пределы обычного, «человеческого» соединения человека со своим высшим «Я» – с Божественной сущностью.

Впервые экстаз в характерном для Скрябина облике появляется в коде Четвертой сонаты – произведения, открывающего зрелый, философски окрашенный период творчества композитора. Это состояние пламенного восторга, сфера «высшей грандиозности», провозглашающая величие и мощь человеческого Духа, – ослепительно яркий образ огромного энергетического накала, – так характеризует завершающий произведение скрябинский образ Е.В. Полупан. Между прочим, эта тема интонационно едина с другой – начальной темой сонаты (вступление, *Andante*), что, несомненно, подтверждает тезис о внутреннем родстве, двуединстве скрябинских тем «томления» и завершающих «экстазов» композитора.

«И в солнце горящее, в пожар сверкающий ты разгораешься, сияние нежное! Желаньем безумным к тебе я приблизился! В твоих искрящихся волнах утопаю. ...И пью тебя, – о, море света», – так композитор поясняет содержание своего сочинения. Символика света постоянно присутствует в произведениях А.Н. Скрябина. Образы «далекой манящей звезды», «полета к солнцу» весьма часто встречаются у композитора-символиста – прототипами их являются образы солнца и звезд в ницшевском «Заратустре» – именно у Ницше «образ личности в процессе ее становления неразрывно связан с образами света как целью восхождения» [12]. Символический образ света и неба фигурирует в третьей части «Заратустры», в разделе «Перед восходом солнца»: «О, небо надо мной, чистое! Глубоко! Бездна света!»

Показательно, что и у Ницше, и у Скрябина образы «глубины» и «высоты» часто оказываются непосредственно связанными – см.

например, диалог Заратустры с юношей из главы «О дереве на горе», где ницшевский мудрец сравнивает человека с деревом: «Чем больше стремится он вверх, к свету, тем глубже впиваются корни его в землю, вниз, во мрак и глубину, – ко злу» [13]. По-видимому, именно понимание немецким мыслителем традиционного противопоставления добра и зла как безусловного, его интерес к глубинным пластам человеческого «Само», ко всему «запретному и затаенному», «оправдание зла» у Ницше во многом определило общесимволистское представление о сложной амбивалентности души, сочетающей в себе порыв к свету (стремление к бесконечному подъему, к духовному росту) и низменные инстинкты.

Другой экстатически-ликующий образ, чрезвычайно близкий воплощенному в коде Четвертой сонаты, находим в поэме ор.32 № 2. Изначально заданный высокий эмоциональный тонус определен активностью всей музыкальной ткани: энергичностью (фанфарностью) мелодических оборотов, динамичностью, подвижностью фактуры. Собственно, с этого времени подобные экстастические, восторженно-ликующие образы становятся неотъемлемой принадлежностью скрябинской драматургии – начиная с 1900-х гг., практически все крупные «этапные» произведения и великое множество малых заканчивается радостным утверждением себя в мире, «опьянением свободой», «освобождением в любви и в сознании единства» [14]. Зачастую начальная тема содержит «зерно» будущего образа экстаза; скрябинские темы томления также потенциально «оргиастичны» – нередко «высшая грандиозность» основывается на образной трансформации одной из тем лирической сферы.

Поразительную однородность, цельность обнаруживает и тематизм Скрябина (что также свидетельствует если не о скрепленности композиторского творчества общей идеей, то, во всяком случае, о единстве духовно-умственного и музыкального творчества композитора-философа). Единая тематическая нить проходит у Скрябина от ор.30 (Четвертая соната) чуть ли не до последнего сочинения. Три крупнейших произведения («Божественная поэма», «Поэма экстаза» и «Прометей»)

имеют едва ли не общую тему. Написанию «Божественной поэмы» предшествует целый ряд «набросков» – прелюдий, поэм, сонат – где уже появляются, хотя и не в полном и окончательном виде ее темы [15]. И с завершением «Божественной поэмы» работа над этими темами (или вариантами одной темы) не прекращается [16].

В свою очередь, «Поэма экстаза» оказывает влияние на последующие сонаты (Седьмую, Девятую), «Прометей» – на сочинения последнего периода творчества. Произведения, близкие по опусу, часто оказываются связанными тематическими реминисценциями. Такое тематическое единство скрябинского творчества объясняется «желанием композитора перейти от эскизов к полотну большой картины» [17].

Многие исследователи творчества Скрябина сходятся во мнении, что начиная с «Поэмы экстаза» все крупные и мелкие вещи последнего периода являются как бы «осколками основного творения» (или «искусством из одного слитка», как видит скрябинское творчество А.П. Коптяев). Все они – не что иное, как повести о Мистерии на языке звуков, отражающие различные стадии развития этой идеи [18].

Подводя итоги разговору о соотношении «идеи» и музыкального воплощения в творчестве А.Н. Скрябина, отметим несколько важных моментов, имеющих, на наш взгляд, большое значение для понимания его композиторской индивидуальности.

1. Философское творчество композитора органически связано с его музыкальным творчеством. Возможно, прав А. Альшванг, утверждая, что именно у Скрябина эта связь сильна, как ни у кого из русских композиторов до него и как мало у кого после него. Признать музыку Скрябина первичной по отношению к идее – значит признать полуслучайность скрябинского мировоззрения; признать музыку независимой от идеи – значит признать полуслучайность скрябинского творчества в целом. Оба этих допущения опровергаются самим творчеством композитора: достаточно беглого ознакомления с «Записями» Скрябина, чтобы убедиться в абсолютной однородности, векторной направленности его духовно-умственного творчества; знакомство со

скрябинской музыкой выявляет ту же картину цельности, моноидейности, что, несомненно, свидетельствует об объединенности всего творчества композитора-философа некой генеральной идеей.

2. Общность «динамики развития» скрябинских мистических переживаний, запечатленных в «Записях» композитора, и драматургии скрябинских сочинений также может быть объяснена либо (а) наличием «сверхидеи», скрепляющей оба вида творчества (или, возможно, единое «философское звукозерцание» композитора, существующее в двух измерениях), либо (б) общностью источников духовно-умственного и музыкального творчества, как «равно непосредственных, одинаково самостоятельных и вместе с тем зависимых от центрального солнца, узренного в интуиции» (Б.Ф. Шлецер).

Примечания

1. Гершензон, М. Предисловие к запискам Скрябина / М. Гершензон // Русские пропилеи : материалы по истории русской музыки и литературы. – М., 1919. Т. 6. Ч. 2. – С. 97.

2. Скрябин, А.Н. Записи / А.Н. Скрябин // Русские пропилеи. – С. 97.

3. Шлецер, Б.Ф. А.Н. Скрябин / Б.Ф. Шлецер. – Берлин, 1923. – Т. 1. – С. 153.

4. Философские «Записи» Скрябина не содержат полного текста ее либретто, судить о замысле сочинения в целом приходится по главе «Опера» из монографии Б.Ф. Шлецера и по материалам статьи А. Альшванга «О философской системе Скрябина».

5. Иванов, Вяч. Две стихии в современном символизме / Вяч. Иванов // По звездам. – СПб. : Оры, 1909. – С. 285.

6. См. Лосев, А.Ф. Мировоззрение Скрябина / А.Ф. Лосев // Страсть к диалектике. – М. : Мысль, 1990.

7. В цитате точно соблюдена авторская пунктуация, точнее, отсутствие таковой. Здесь и далее: Русские пропилеи. – С. 199 – 201.

8. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. Собр. соч. в 2-х т. Т. 2 / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1996. – С. 234.

9. Впрочем, Скрябин был постоянным посетителем собраний Философского общества, и вряд ли «Происхождение трагедии» могло остаться вне поля его зрения.

10. Коптяев, А.П. А.Н. Скрябин / А.П. Коптяев. – Пг., М., 1916. – С. 51.
11. Именно такое понимание экстаза характерно для французского постромантизма.
12. Щербакова, Е.В. Эстетические воззрения Фридриха Ницше и их воздействие на австро-германскую художественную культуру первой трети XX в. / Е.В. Щербаков. – М., 1999. – С. 134.
13. Ницше, Ф. Указ соч. – С. 30.
14. Из набросков стихотворной «Поэмы экстаза». Русские пропилеи. – С. 183.
15. Например, тема медленной части «Божественной поэмы» («Наслаждения») и родственная ей тема гобоя (с.199 партитуры), интонационно связанные с партией вступления (лейттемой симфонии), подготавливаются во

вступлении к Четвертой сонате, в теме Первой поэмы (Andante cantabile, фа-диез мажор), в прелюдии фа-диез мажор op.33, № 2, в «Трагической поэме» op.34 (см. с.5 – *Jrato, fiero*, обращенный вид темы), в «Сатанинской поэме» (см. с.1 – *dolce, cantabile, amoroso*).

16. См. «Поэмы» op.44, №1 и №2, «Роете languide», op.52, № 3, Пятая соната (с.19), «Поэма экстаза (с.71 партитуры, партия I скрипки), «Desir», op.57, №1, «Прометей» (с.5 партитуры), начало Седьмой сонаты, «Masque», op.63, №1, Шестая соната (с.16), Девятая (с.13), Десятая (с.11).

17. Коптяев, А.П. Указ. соч. – С. 19.

18. Об этом – у В. Яковлева, Л. Сабанеева, Н. Кочетова, Б. Шлецера, А. Коптяева и др.

УДК 94(47)

А.С. Воробьева

студентка специальности «Культурология»
исторического факультета

РОССИЙСКОЕ МЕЦЕНАТСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Статья посвящена проблеме развития российского меценатства второй половины XIX – начала XX в. как социокультурного явления. Автор рассматривает основные черты меценатской деятельности и ее влияние на культуру России.

The article deals with the problem of the development of Russian patronage of art as a socio-cultural phenomenon after the mid 19-th century – in early 20-th century. The author examines the main traits of patronage activities and its effect on the Russian culture.

Важную роль в истории культуры России второй половины XIX – начала XX в. сыграли не только представители общественной мысли, литературы, искусства, науки, но и меценаты. Недаром К.С. Станиславский писал: «Для того чтобы процветало искусство, нужны не только художники, но и меценаты» [1]. Благодаря их усилиям в нашей стране были сконцентрированы обширные и высокоценные собрания книг и произведений искусства, учреждены театры, музеи, библиотеки, учебные заведения и другие центры духовной жизни. Имена братьев Третьяковых, Бахрушиных, Морозовых, Ю.С. Нечаева-Мальцо-

ва и других меценатов, покровителей и просветителей неразрывно связаны с развитием культуры России и Владимирского края. К сожалению, вплоть до недавнего времени меценатство практически не исследовалось как самобытное социокультурное явление, что не позволяло в полной мере раскрыть и воссоздать объективную картину мировой истории и отечественной культуры.

Российское меценатство представляет собой достаточно сложное социокультурное явление, распространенное, как правило, среди предпринимателей? представителей русского купечества и части дворянства. По мнению

А.Н. Боханова, «творение добра» имело различные формы, вызывалось далеко не однозначными причинами, значение которых можно понять и оценить лишь при учете многих составляющих. В основе этих составляющих лежат социально-экономические, культурные, этические и религиозные причины развития меценатства. Особый интерес представляет этический фактор. Универсальной нравственной основой, объединяющей разные сословия и классы русского общества до революции 1917 г., являлась этика служения. Особенно сложно она формировалась для русского купечества. На предпринимательскую деятельность, суть которой состоит в личном обогащении, в России было принято смотреть как на дело чисто эгоистическое, а поэтому противоположное идеалу общественного служения. В связи с этим предприниматели обратились к меценатству как к форме самореализации и общественного служения. Они приобщались к духовной сфере, всегда особенно почитаемой в России, и этим демонстрировали общественную значимость и полезность своего личного состояния. Крупный текстильный фабрикант и создатель всемирно известной картинной галереи П.М.Третьяков писал, что стремился «...наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось также к обществу (народу) в каких-то полезных учреждениях» [2].

Также на формирование предпринимательской этики в России повлияли старообрядческие ценности, существующие в дворянско-купеческой среде. Забота о нуждающихся, бескорыстная помощь ближнему и другие жизненные принципы (в основе своей христианские), традиционно реализуемые в старообрядческой среде, в данном случае выходили за ее пределы и распространялись на все общество. Среди наиболее крупных меценатов – выходцев из старообрядцев – были братья П.М. и С.М. Третьяковы, К.Т. Солдатёнков, Абрикосовы, Морозовы, Рябушинские и др.

Деятельность российских меценатов второй половины XIX – начала XX в. имела следующие особенности:

1. Внимательное отношение к русской национальной культуре, забота о её сохранении, «старательное и усердное желание хлопотать с душой» (В. Даль) [3].

2. Вкладывание значительных денежных средств в культуру. При этом оно не должно было рассматриваться как возможность извлечения прибыли и саморекламы. Правда, зачастую правительство поощряло богатых русских людей делать всевозможные пожертвования на благо общества. Так, именно благотворительность часто открывала широкие возможности для получения государственных чинов, орденов и других отличий [4].

3. Забота о развитии отечественного образования. Меценаты выделяли огромные средства на просвещение, создание специализированных учебных заведений, на стипендии студентам, финансировали строительство новых институтов и университетов. Во многом этот род деятельности российских меценатов был обусловлен необходимостью повышения профессионализма своих работников, так как одно бескорыстие не могло приносить ощутимую пользу.

4. Обладание особым даром инициативы, интуиции, умения видеть и делать то, что для культуры имело непреходящее значение. Меценатство, страстное увлечение искусством и наукой, было для российских предпринимателей «вторым Я» наряду с основным профессиональным занятием коммерцией и производством.

5. Стремление сделать доступными культурные ценности и блага. Меценаты в немалой степени способствовали тому, чтобы культурные ценности стали достоянием самых широких слоев и групп общества. Подлинная меценатская деятельность не носила разовый или случайный характер, а проявляла себя постоянством и системностью. Также для ряда купеческих семей меценатство и благотворительность становились обязательной «статьей расходов».

Исходя из вышесказанного, можно выделить основные функции меценатства:

1. Коммуникативная – культурные учреждения, созданные меценатами, организации просветительских мероприятий способствовали сближению высокой и народной культуры в России. Меценаты были своего рода связующим звеном между «производителем» и «потребителем» культуры. Они содействовали сохранению произведений российской и зарубежной культуры для потомков.

2. Формирования общественного сознания членов российского общества. Музеи, галереи, театры, выставки, созданные при финансовой поддержке меценатов, влияли на социально-культурный облик россиян в конце XIX – начале XX столетий, способствовали формированию и определению общественно-го сознания людей, их ценностных ориентаций, готовности к восприятию инноваций в различных сферах жизни общества.

3. «Социальной памяти». Театральный Музей А.А. Бахрушина, Третьяковская галерея, МХАТ существуют и в настоящее время. Спектакли, поставленные во МХАТе, экспозиции, организуемые в художественной галерее и музее, способствуют приобщению современной публики к российской и зарубежной культуре, духовным и культурным ценностям прошлого и настоящего [5]. Благодаря усилиям меценатов сохранены многие памятники истории культуры.

4. Социального служения. Она подразумевает благотворительность и обеспечение того, что и сейчас называют социальной сферой – призрение сирот, нищих, стариков, образование, медицинская помощь, организация городского хозяйства. Отсюда обильные пожертвования на богадельни, сиротские дома, больницы, школы.

Тем не менее, деятельность русских предпринимателей в области меценатства и благотворительности ученые оценивают по-разному, она во многом зависела от личности мецената. Какими бы ни были мотивации русских меценатов, их деятельность способствовала расцвету русской культуры на рубеже XIX – XX вв.

Крупные представители меценатства уделяли внимание не только столицам, но и малым городам России. Во Владимирской губернии благотворительная деятельность была широко развита в различных областях жизни общества. Как правило, выделяли средства на строительство и развитие учебных заведений, музейное дело, церковное строительство и др. Необходимо отметить, что главные позиции занимало купеческое меценатство (Гарелины, Сеньковы, Морозовы, Д.Г. Бурьлин и др.),

которое составляло значительную социальную прослойку во Владимирском крае. Тем не менее, меценатство практиковалось и в среде потомственного дворянства, например, в лице благотворителя и мецената Юрия Степановича Нечаева-Мальцова (1834 – 1913). Он являлся крупным промышленником, владельцем стекольных, хрустальных, бумагопрядильных заводов и фабрик. На его средства было открыто одно из лучших в России на то время ремесленное училище им. И.С. Мальцова во Владимире, были построены Георгиевский собор и богадельня им. И.С. Мальцова в г. Гусь-Хрустальный [6]. Он регулярно выделял средства на создание музеев (Музей ВУАК во Владимире, Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве) и строительство церквей.

Таким образом, российское меценатство второй половины XIX – начала XX в. – это одно из важнейших социокультурных явлений, способствовавшее просвещению русского народа, улучшению жизни неимущих слоев населения, сохранению и созданию произведений искусства, развитию музейного дела и т.д.

Библиографический список

1. Савинов, А.Н. Русские художники в альбоме : Г.Л. Гиршман. Книга и графика / А.Н. Савинов. – М., 1972. – С. 248.
2. Российская цивилизация : Этнокультурные и духовные аспекты : энцикл. словарь / ред. кол.: М.П. Мchedлов [и др.] ; авт. коллектив: А.Л. Андреев [и др.]. – М. : Республика, 2001. – С. 194.
3. Тазьмин, Ю.Н. Благотворительность и меценатство в России [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.eurekanet.ru/ewww/info/776.html>.
4. Боханов, А.Н. Коллекционеры и меценаты в России: историческая литература / А.Н. Боханов. – М. : Наука, 1989. – С. 32.
5. Свердлова, А.Л. Меценатство в России как социальное явление / А.Л. Свердлова // Социол. исследования. – 1999. – № 7. – С. 136.
6. Коллекционеры, меценаты, благотворители: Россия, XVIII – XX вв. – СПб., 1996. – С. 28 – 29.

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ИННОВАЦИОННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В век «мультимедиакультурного диалога» особенно важным является развитие многоязычной поликультурной языковой личности. Успешное формирование автономной языковой личности непосредственно связано со становлением учебной компетентности обучаемого.

Современные инновационные технологии обучения иностранным языкам являются наиболее актуальными инструментами в осуществлении поставленной цели. В статье описываются в практике реализации и использования в процессе обучения проектные технологии, информационные технологии, технологии языковых портфелей, модульно-блочные технологии.

In the time of intercultural dialogue the development of multicultural and multilingual personality is especially significant. Successful formation of autonomous linguistic personality is directly connected with the formation of the educational competence of the student.

To attain this goal the modern innovative technologies of teaching foreign languages are very urgent. This article deals with the practical implementation and use in the teaching process the techniques that make the teaching process innovative. They include project technologies, the use of multimedia, language portfolios, modular block educational process.

Требования к специалисту в плане межкультурного общения в современном мире велики и предполагают овладение им на уровне пользователя не одним, а несколькими иностранными языками. Без сформированности стратегий автономного изучения языков последнее невозможно. Формирование автономной языковой личности в процессе овладения межкультурным общением приобретает, таким образом, в современной трактовке требований к специалисту приоритетное значение.

В век «мультикультурного диалога» (П. Щедровицкий) особенно важно развитие многоязычной и поликультурной языковой личности. Языковая личность в области иностранных языков – это показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации, реализовать себя в рамках диалога культур. Другими словами, это формирование умения в познании собственной культуры и культуры других народов. По определению Ю.Н. Караулова, языковая личность есть многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений и готовности к осуществлению язы-

ковых поступков разной степени сложности: поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (говорение, аудирование, письмо, чтение), а с другой – по уровням языка (фонетика, грамматика, лексика). Успешное формирование автономной языковой личности непосредственно связано со становлением учебной компетенции обучаемого, т.е. способности управления своей учебной деятельностью.

Современные инновационные технологии обучения, на наш взгляд, являются наиболее актуальными способами решения поставленной задачи. В практике преподавания иностранных языков на современном этапе обучения используются следующие технологии: 1) проектные; 2) информационные; 3) языковых портфелей; 4) модульно-блочные.

При использовании проектной технологии обучение иностранному языку в новой образовательной парадигме становится процессом самостоятельного автономного овладения системой учебной познавательной деятельности. Проектное задание, которое даётся на группу обучающихся, непосредственно связывает овла-

дение определённым предметным знанием с реальным использованием этого знания. Комплексный интегративный характер проектной работы позволяет студенту выстраивать единую карту мира, собирая для этого ранее полученные знания и навыки и приобретая новые. При этом ориентация на создание проекта как личностного образовательного продукта делает процесс овладения предметным знанием личностно-значимым, личностно-мотивированным.

Компьютерные технологии – это единый образовательный процесс, основанный на междисциплинарном нетрадиционном содержании, формах и средствах обучения. Здесь на передний план выступает информатизация образования, суть которой в том, что для обучаемого становится доступной большая по объёму информация, представленная в базовых данных, компьютерных программах, различной справочной литературе. Информационные технологии в обучении создают принципиально новую ситуацию в плане формирования автономности обучаемого в процессе изучения иностранного языка. С возможностью выхода в Интернет усилилась мотивационная основа языковой учебной деятельности, как, например, при установлении прямых контактов с корреспондентом. В 1990-х гг. в Германии начали практиковать обучение в парах американцев и немцев, изучающих английский язык. На занятиях в условиях мультимедиа-образовательных технологий студенты получают информацию из газет, телевидения, сами берут интервью, составляют сценарии, пишут статьи, проводят телемосты.

В настоящее время также и в России активнее используются возможности компьютерных технологий. Студенты могут высылать выполненные задания по электронной почте. Преподавателями подготовлены электронные материалы для самостоятельной работы. Созданы обучающие программы по отдельным темам или разделам тем учебной программы по иностранному языку. Но современные компьютерные технологии нельзя рассматривать как универсальное средство, способное заменить собой все другие формы работы. Они дополняют и обогащают учебный процесс, придают ему особую динамику и являются серьёзным фактором мотивации при изучении иностранного языка.

Сейчас все преподаватели должны осваивать компьютерные технологии, чтобы лекции и семинары снабжались презентациями, специальными ссылками на сайты Интернета, чтобы информировать студентов, где можно посмотреть дополнительную литературу, другие информационные ресурсы. Они должны уметь создавать виртуальные кампусы – сайты, на которых студент может найти нужные методические разработки тем, диалогов, вокабуляров, словарей речевого общения, отрывков специальной и художественной литературы, планы занятий. Для этого сам преподаватель должен во всём этом хорошо разбираться.

Компьютерные технологии позволяют в неограниченной степени совершать самостоятельную работу: тренинг языковых навыков, творческие письменные высказывания-эссе, развёрнутые сочинения на заданную тему. Если раньше преподаватель давал студенту задание, а на следующем занятии проверял его, но при этом совершенно не контролировал самостоятельную работу студента, не знал, сделал студент это упражнение сам или списал его, прочитал текст до конца или только половину, то теперь преподаватель может дать студенту интерактивный текст. Компьютер проверяет знания студентов и тут же выдаёт результат. С преподавателя снимается контролирующая функция. А у студента есть возможность автоматизировать свои навыки.

Без компьютера сегодня не обойтись, поскольку он высвобождает время преподавателя для творческих разработок.

Языковой портфель рассматривается в современной концепции обучения как важнейший инструмент формирования автономности обучаемого. В основу идеи разработки языкового портфеля заложено соотнесение российской системы требований к уровням владения иностранным языком с общеевропейскими системами, что является шагом, ведущим к созданию единого общеевропейского образовательного пространства. Оценка различных уровней владения иностранным языком осуществляется через механизм лингводидактического тестирования. Суть этого аспекта новой идеологии в изучении иностранных языков состоит в переориентации учебного процесса с преподавателя на обучаемого, который в полной мере осознаёт ответственность за результаты собственной деятельности. Это постепенно форми-

рует у него навыки самостоятельного, автономного от учителя труда с целью непрерывного языкового образования, которое он сможет осуществлять в течение всей своей последующей жизни. Мы имеем в виду здесь совершенствование владения первым иностранным языком на более высоких уровнях и изучение второго, третьего и других иностранных языков. Большую помощь изучающим языки может оказать «Языковой портфель» для нефилологов гуманитарного профиля, разработанный на кафедре иностранных языков Владимирского государственного университета. Этот портфель составлен на основе документов Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком» и «Европейский языковой портфель». Языковой портфель содержит лингвистический компонент (знание фонетических, лексических, грамматических и стилистических закономерностей изучаемого языка), социокультурный компонент (страноведческие реалии, национальные традиции, ритуалы, обычаи, принятые образцы и формы речевого общения), прагматический компонент (прагматические параметры высказывания, т.е. адаптация к предмету ситуации, типу адресата, условиям ситуации). Языковой портфель функционален по многим параметрам, и прежде всего как фактор, стимулирующий автономное непрерывное изучение языков и способствующий развитию многоязычия. Технология использования системы уровней владения языками на основе использования Европейского языкового портфеля предполагает повышение статуса учащегося в образовательном процессе, осознание им личной ответственности за результаты обучения (автономности обучаемого), рост мотивации при изучении языка и культуры. Эта технология имеет инновационный характер. Обучаемым интересно определить и оценить свой качественный уровень владения иностранным языком, преподавателю – выявить всё новые уровни владения языком и давать им качественную оценку.

При модульно-блочном обучении также достигается определённая «технологизация» обучения, т.к. обучение в меньшей степени становится зависимым от педагогического мастерства преподавателя. Сущность модульного обучения состоит в том, что студент может автономно работать с предложенной ему индивидуальной учебной программой, содержащей в себе целе-

вую программу действий, банк информации и методическое руководство по достижению поставленных дидактических целей. Взаимодействие педагога и обучаемого в учебном процессе осуществляется на принципиально иной основе: с помощью модуля обеспечивается осознанное автономное достижение студентом определённого уровня предварительной подготовленности к каждой педагогической встрече.

Кафедра иностранных языков всегда готова внедрять инновационные методы преподавания иностранного языка. Учебный процесс в ВлГУ ориентирован на личность обучающегося, что предполагает возрастающие роли различных форм автономного обучения и их роли в учебном процессе.

Обязательной целью и компонентом содержания обучения иностранному языку и овладения им в рамках современного общеевропейского стандарта языкового образования является концепт автономии обучающегося как способности к самостоятельному овладению иностранным языком и к независимому его использованию.

В заданиях по типу «проект» – неотъемлемой части учебного процесса – также создаются предпосылки для самоорганизации и самореализации студентов, что полностью соответствует принципам автономного обучения и позволяет осуществить в какой-то степени связь теории и практики, что способствует лучшим результатам при усвоении учебного материала. Приобретение навыков автономного обучения стимулирует и развитие аналитических способностей обучающихся, а это находит своё выражение, в частности, при написании дипломной работы.

На наш взгляд, целесообразно комплексное, интегративное использование в учебном процессе по овладению межкультурным общением всех вышеназванных технологий обучения. Так, творческие задания по проекту предполагают нахождение через Интернет информации, её креативное преломление для поставленной цели. Для отработки конкретных языковых умений и навыков предлагается модуль в форме стандартизованного буклета, состоящего из учебных материалов, инструкций, контрольной проверочной работы. Работа с языковым портфелем (заполнение языкового паспорта, биографии, досье) позволит осуществить мониторинг автономной учебной деятельности.

Библиографический список

1. Щукин, А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика / А.Н. Щукин. – М., 2005.
2. Русская культура и мир // Докл. участников II междунар. практ. конф. – М., 1994.
3. Полат, Е.С. Новые педагогические и

информационные технологии в системе образования.: учеб. пособие / Е.С. Полат. – М.: Академия, 1999.

4. Гальскова, Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам / Н.Д. Гальскова. – М.: АРКТИ, 2000.

УДК 371.383:004

Л.В. Новикова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков

**К ВОПРОСУ О ВНЕДРЕНИИ СРЕДСТВ МУЛЬТИМЕДИА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС**

Определяя цели, задачи и возможности использования компьютерных технологий на уроке, преподаватель должен, прежде всего, учесть, что способы структурирования обучения иностранному языку с применением компьютерной техники полностью зависят от мотивации преподавателя.

This article deals with new Internet technological means in teaching of foreign languages. Nowadays people use computers, electronic dictionaries and electronic libraries a lot in their work. Young people should realize the importance and necessity of this activity for their future. That is why, teachers aim is to educate students to use all means of high informational technologies in their life and studies.

В настоящее время актуален вопрос о внедрении новых информационных технологий во все сферы образовательного процесса.

Одним из наиболее революционных достижений за последние десятилетия, которое значительно повлияло на образовательный процесс во всём мире, стало создание всемирной компьютерной сети, получившей название Интернет, что буквально означает «международная сеть» (англ. international net). Использование кибернетического пространства (cyberspace) в учебных целях – абсолютно новое направление общей дидактики и частной методики, так как происходящие изменения затрагивают все стороны учебного процесса, начиная от выбора приёмов и стиля работы и кончая изменением требований к академическому уровню обучающихся.

Содержательная основа массовой компьютеризации образования, безусловно, связана с

тем, что современный компьютер представляет собой эффективное средство оптимизации условий умственного труда вообще, в любом его проявлении. Р. Вильяме и К. Макли в своей статье «Компьютеры в школе» пишут: «Есть одна особенность компьютера, которая раскрывается при использовании его как устройства для обучения других и как помощника в приобретении знаний, – это его неодушевлённость. Машина может “дружелюбно” общаться с пользователем и в какие-то моменты “поддерживать” его, однако она никогда не проявит признаков раздражительности и не даст почувствовать, что ей стало скучно. В этом смысле применение компьютеров является, возможно, наиболее полезным при индивидуализации определённых аспектов преподавания» [1, с.3].

Учёные, работающие в области психологии индивидуума, социологии, методики обу-

чения иностранным языкам, ещё до массового применения новых технологий выявили зависимость между методом усвоения материала и способностью восстановить полученные знания некоторое время спустя. Если материал был звуковым, человек запоминал около 1/4 его объёма. Если информация была представлена визуально – около 1/3. При комбинировании воздействия (зрительного и слухового) запоминание повышалось до половины, а если человек вовлекался в активные действия в процессе изучения, то усвояемость материала повышалась до 75 %.

Под средствами мультимедиа рассматривается объединение множества способов подачи информации. Так, например, текст может содержать рисунки, фотографии, схемы, графики и т.п.

Аудиоинформация включает в себя речь, музыку, звуковые эффекты. Наиболее важный вопрос при этом – информационный объём носителя. По сравнению с аудио видеоинформация представляется значительно большим количеством используемых элементов.

Применение мультимедийных средств – это не только новые технические средства, но и новые формы и методы преподавания, новый подход к процессу обучения. Основная цель обучения иностранным языкам – формирование и развитие коммуникативной культуры, обучение практическому овладению иностранным языком в высших учебных заведениях.

Форма работы с компьютерными обучающими программами во Владимирском государственном университете на уроках иностранного языка включает:

- изучение лексики;
- отработку произношения;
- обучение диалогической и монологической речи;
- обучение письму;
- обработку грамматических явлений и др.

Возможности использования мультимедийных средств огромны. При обучении иностранным языкам глобальная сеть Интернет создаёт условия для получения необходимой учащимся и преподавателям информации, находящейся в любой точке земного шара.

Всё это позволяет решать целый ряд дидактических задач: формировать навыки и умения

чтения, используя материалы глобальной сети; совершенствовать умения письменной речи школьников; пополнять словарный запас учащихся; формировать устойчивую мотивацию к изучению иностранного языка. Кроме того, работа направлена на изучение возможностей Интернет-технологий для контакта со своими сверстниками в англоязычных странах.

Учащиеся могут принимать участие в тестировании, в викторинах, конкурсах, олимпиадах, проводимых по сети Интернет, переписываться со сверстниками из других стран, участвовать в чатах, видеоконференциях и т.д. Учащиеся могут получать информацию по проблеме, над которой работают в данный момент в рамках проекта. Это может быть совместная работа российских и их зарубежных сверстников из одной или нескольких стран.

Основная цель изучения иностранных языков в вузе – формирование коммуникативной компетенции, все остальные цели (образовательная, воспитательная, развивающая) реализуются в процессе осуществления этой главной цели. Коммуникативный подход подразумевает обучение общению и формирование способности к межкультурному взаимодействию. Что является основой функционирования Интернета? Вне общения Интернет не имеет смысла. Это международное многонациональное, кросс-культурное общество, чья жизнедеятельность основана на электронном общении миллионов людей во всём мире, говорящих одновременно – самый гигантский по размерам и количеству участников разговор, который когда-либо происходил. Включаясь в него на уроке иностранного языка, мы создаём модель реального общения.

Общаясь в истинной языковой среде, обеспеченной Интернетом, студенты оказываются в настоящих жизненных ситуациях. Вовлечённые в решение широкого круга значимых, реалистичных, интересующих и достижимых задач, студенты обучаются спонтанно и адекватно на них реагировать, что стимулирует создание оригинальных высказываний, а не шаблонную манипуляцию языковыми формулами.

Первостепенное значение придаётся пониманию, передаче содержания и выражению смысла, что мотивирует изучение структуры и словаря иностранного языка, которые служат этой цели. Таким образом, внимание учащихся

ся концентрируется на использовании форм, нежели на них самих, и обучение грамматике осуществляется косвенным образом, в непосредственном общении, исключая чистое изучение грамматических правил.

Компьютер лоялен к разнообразию учебных ответов: он не сопровождает работу учащихся хвалебными или порицательными комментариями. Это развивает их самостоятельность и создаёт благоприятную социально-психологическую атмосферу на уроке, придает им уверенность в себе, что является немаловажным фактором для развития индивидуальности студентов.

Развитие образования в наши дни органично связано с повышением уровня его информационного потенциала. Эта характерная черта во многом определяет как направление эволюции самого образования, так и будущее всего общества. Для наиболее успешного ориентирования в мировом информационном пространстве необходимо овладение учащимися информационной культурой, а также компьютерно-экранной культурой, поскольку приоритет в поиске информации всё больше и больше отдаётся Интернету.

Как информационная система, Интернет предлагает своим пользователям многообразие информации и ресурсов. Базовый набор услуг может включать в себя:

электронную почту (e-mail); телеконференции (usenet); видеоконференции;

возможность публикации собственной информации, создание собственной домашней странички (homepage) и размещение на Web-сервере;

доступ к информационным ресурсам;

справочные каталоги (Yahoo!, InfoSeek/ UltraSmart, LookSmart, Galaxy); поисковые системы (Alta Vista, HotBob, Open Text, WebCrawler, Excite); разговор в сети (Chat).

Овладение коммуникативной и межкультурной компетенцией невозможно без практики общения и использование ресурсов Интернета на уроке иностранного языка в этом смысле просто незаменимо: виртуальная среда Интернет позволяет выйти за временные и пространственные рамки, предоставляя её пользователям возможность аутентичного общения с реальными собеседниками на актуальные для обеих сторон темы.

В настоящее время существуют интернет-библиотеки, в которых книжные фонды пока ещё не многих библиотек доступны всем желающим в электронном виде. На западе некоторый опыт создания таких библиотек уже накоплен, и пользователи Сети имеют возможность выбирать и читать необходимые книги, не выходя из дома. В российских Интернет-ресурсах не так много библиотек в электронном виде, и в основном они созданы частными лицами, а не государственными структурами. Это связано с некоторыми трудностями, например, присвоением авторских прав.

Библиотека Максима Мошкова.

<http://lib.ru>

Это самая известная в Рунете электронная библиотека, появившаяся ещё в 1994 г. Её пополнение происходит ежедневно с помощью самих читателей. Тематика книг, содержащихся в библиотеке, радует своим разнообразием: фантастика, политика, техническая документация, юмор, история, поэзия, эзотерика, философия. Независимо от литературных предпочтений и потребностей для каждого желающего здесь найдётся чтение по вкусу.

Кроме ознакомления с огромным количеством книг, у посетителя сайта есть возможность высказать своё мнение и выставить оценку понравившемуся произведению. Для этого во все библиотечные тексты добавлена кнопка для выставления оценки. По полученным результатам голосования регулярно проводится литературный рейтинговый хит-парад.

Любой интересующийся новинками литературных произведений может подписаться на рассылку новых поступлений в эту библиотеку.

Библиографический список

1. Вильям, Р. Компьютеры в школе / Р. Вильям, К. Макли. – М. : Просвещение, 1988.
2. Титоренко, Г.А. Современные информационные технологии / Г.А. Титоренко. – М. : ЮНИТИ, 1999.
3. Олифер, В. Новые технологии в обучении / В. Олифер, Н. Олифер. – СПб. : БХВ – Санкт-Петербург, 2000.
4. Казаков, С.И. Основы сетевых технологий / С.И. Казаков. – М. : Радио и связь, 1998.
5. Дьяконов, В. Мультимедиа-ПК / В. Дьяконов // Домашний компьютер. – 1999. – № 1. – С. 33 – 38.
6. Волков, В. Современные мультимедиа / В. Волков // Компьютер-ИНФО, 1999. – С. 21

РАЗДЕЛ 3. ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 21.5

Ж.В. Латышева

кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ «ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЕ»

Термин «трансцендирование» соотносится с терминами «трансцендентный» и «трансцендентальный». Трансцендирование – это процесс, движение к трансценденции, попытка приблизиться к ней, понять ее, подняться на более высокий уровень бытия и познания. В то же время термин «трансцендирование» важен в ценностно-личностном значении и проявляется как духовное возрастание, как самосовершенствование.

The term «transcend» is correlate to the terms «transcendent», «transcendental». The transcend is process, movement to transcendent, attempt (to draw near) to approach to them, to grasp them, to rise (climb, go upstairs) at more high level of being and cognition.

Многогранный спектр философских интенций современности, освещающий проблемы духовности, культуры и образования человека, обнаруживает тенденцию поиска характеристик и механизмов сознания, отвечающих за личностно-интериоризированное познание, субъективное переживание важнейших культурных смыслов, значений и ценностей. Одним из крупнейших достижений в исследованиях такого рода, несомненно, является феноменологический метод Э. Гуссерля. Не менее самобытны и глубоки творческие вариации и критические переосмысления феноменологии, представленные М. Шелером, М. Гайгером, М. Хайдеггером, Р. Ингарденом, Н. Гартманом, М. Мерло-Понти, А. Щютцем, Г.Г. Шпетом, А.Ф. Лосевым и др. Сходным проблемам посвящены многие яркие страницы экзистенциальной и персоналистической философии (Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, Э. Мунье, Г. Марсель и др.), исследования герменевтического и аналитического направлений, франкфуртской школы, религиозно-философские искания и т.д. Даже постструктурализм, декларировавший «смерть субъекта» (М. Фуко, Ж. Лакан), «смерть автора» (Р. Барт), «фрагментированность человека» (Ж. Деррида), начинает развивать идею «воскрешения

субъекта» как попытки реконструкции субъективности, производной от дискурсивного пространства.

Сходство интуиций, выявленное в столь разных философских течениях, отнюдь не случайно. Оно обусловлено, на наш взгляд, осознанием ситуации разрушения фундамента целостной гуманистической культуры – системы высших неутилитарных ценностей. Духовные ценности человеческого бытия замещаются мозаикой разнородной информации, не складывающейся в единую ценностно-смысловую иерархию. Подобное происходит и с личностью, которая также утрачивает свою целостность и теряет способность выстраивать по вертикали полиморфные проявления современной культурно-социальной реальности, подчинять их авторитету трансцендентальных идей.

В этой связи необходимо, по нашему мнению, вести философский поиск явлений, процессов, которые бы в комплексе выступали адекватным по силе противодействия способом преодоления духовной деградации личности и общества, позволили бы укорениться в событийно-ценностной конкретности и неповторимости индивидуальной духовной жизни, достичь психологического, а главное, трансцендентального опыта личностного сознания.

Одними из важнейших таких процессов, как мы считаем, выступают процессы духовного самовозрастания, «самопревышения», движения, направленного за пределы своей самости. Крупнейший русский мыслитель И.А. Ильин характеризует такого рода движение как «углубление в себя». Однако он пишет об углублении «не в свою личную, чисто субъективную жизнь, не в свои колеблющиеся, беспредметные «настроения», не в праздную, гложущую и разлагающую рефлексю. Но в свое *сверхличное, предметно-насыщенное духовное достояние*» [1]. То есть важен собственный путь духовного поиска, собственный духовный опыт, чтобы «противопоставить этим временным соблазнам – *вечные основы духовного бытия*, необходимые человеку в его земной жизни» [1, с. 363].

На наш взгляд, идея и путь к высшим ценностям и значениям выражается в актах трансцендирования. Именно с трансцендированием связаны нравственная рефлексия человека, постижение им трансцендентальных смыслов бытия, самосовершенствование. В связи с этим в исследованиях, посвященных проблемам трансцендирования, необычайно важно проследить генеалогию феномена трансцендирования, выявить историко-философские вариации, развивающие данную тему и обнаруживающие стоящие за ней проблемы, выработать новое понимание гуманистической культуры, в которой метод трансцендирования выступал бы осью, стержнем духовного возрастания.

В данной статье в свете дальнейшей реализации обозначенных задач осуществим экспликацию некоторых аспектов содержательного поля исследуемого феномена.

В философской литературе понятие «трансцендирование» обычно соотносится с понятием «трансценденция». Трансценденция (трансцендентное) часто трактуется как некая наивысшая интеллигибельная сущность, Бог, чувственно и рационально непостижимое высшее бытие. Следовательно, трансцендирование – это соотнесение себя с трансценденцией как с наивысшим критерием, стремление к ней, проявляющееся в духовном возрастании, совершенствовании, самопревышении, самопревосхождении. Однако данное понятие не следует ограничивать только этим контек-

том. В некоторых современных источниках (например у М. Хайдеггера) трансцендирование не движимо тягой к высшему бытию. Оно выступает своего рода технологией «превосхождения» мира, выхода из «ничто» и устремленности в «ничто» (к смерти). Сосуществование в литературе различных ракурсов в интерпретации трансцендирования свидетельствует о его семантической многозначности и необходимости тщательного анализа многообразных его трактовок.

В связи с этим будет интересным и продуктивным, на наш взгляд, обращение к пониманию исследуемого феномена классиками экзистенциализма и персонализма – К. Ясперсом и Э. Мунье.

К. Ясперс, выдающийся философ XX века, считает, что причиной возникновения трансценденции является экзистенция. Как экзистенция, так и трансценденция непостижимы для разума. Экзистенция – глубинное ядро личности, она есть свобода. Понимая себя как свободу, человек тем самым постигает свою трансценденцию, явлением которой он и оказывается через свободу.

Ясперс признает существование трансцендентной реальности. Однако трансцендентное – это не потусторонний мир. Это, скорее, символическое бытие, бытие неких символов. Трансцендентное проявляется в языке, мифах, религии, метафизических объектах и постигается как конец, граница эмпирического мира.

Экзистенция не коренится в повседневности, а напротив, противостоит ей, опираясь на свободное от утилитарных мотивов сознание «ничто». Экзистенция – это, с одной стороны, «сопротивление» (Trotz), а с другой – «самоотдача» (Hingabe). В «сопротивлении» проявляется человеческая свобода, которая устремляет человека к познанию и самопознанию. Этот порыв определяет только человеку присущее разнообразие путей духовного роста. Он, предстающий как свободное самосознание, «свободная воля», вырывает человека из природы, отделяет его от божества и противопоставляет как природе, так и божеству. Однако в своем стремлении к трансцендентному, проявляющемся в поисках истины, одной свободной воли недостаточно. Важно совершить скачок от противостояния, свободного отрицания к полной самоотдаче.

«Божество не желает слепой самоотдачи, оно хочет свободы, которая сопротивляется, и только из противостояния может возникнуть полная самоотдача» [2, с. 79]. Таким образом, человек обретает себя через свою свободу и трансцендирование.

Ясперс считает, что экзистенция открывается человеку в пограничных ситуациях. Пограничные ситуации – это нечто нисходящее в мир в виде особых представлений, знаков, шифров. Среди них такие, как эротика, единство человека с миром, свобода, смерть, крушение. Понять шифры трансцендентного помогает, по мнению Ясперса, искусство во всех его видах и философия. Зыбкость, неустойчивость бытия побуждает человека к поискам вечного, постоянного, стремлению «видеть знак непреходящего в более или менее эмпирически устойчивом, длящемся. Долг, терпение, надежда в душе человека противостоят нигилизму и страсти к разрушению, свидетельствуя о трансцендентном, о Боге» [3, с. 312].

Переживание указанных ситуаций открывает человеку трансцендентное и предстает как глубокий личностный процесс духовного возрастания.

Итак, сущность трансцендирования выражается у Ясперса с помощью понятия «экзистенция», а само трансцендирование носит характер качественного скачка от противостояния к самоотдаче. Это проявляется в свободном и решительном выборе вечных, непреходящих ценностей человеческого бытия, отрицающих пустоту и бессмысленность «повседневного сна», излечивающих слепоту духовного ока. Так понятое трансцендирование заключает в себе, на наш взгляд, момент внутренней борьбы, борьбы духа против низменных проявлений человека и борьбы за установление истины и гармонии в нашей жизни (добра, истины и красоты).

Несколько иначе характеризует трансцендирование французский философ-персоналист Эммануэль Мунье.

Для него рассматриваемый процесс тесно связан с вовлечением (engagement). Вовлечение означает присутствие человека в мире, активную, осознанную и ответственную позицию. Трансцендирование же, по словам И.С. Вдовиной, российской исследователь-

ницы творчества Э. Мунье, – «это самоопределение человека, его постоянное движение вперед, и опорой ему является Абсолют, несоизмеримый с миром, но именно поэтому и задающий ориентиры как отдельной личности, так и истории в целом» [4, с. 7].

Вовлечение, трансценденция и трансцендирование предстают у Мунье как характеристики подлинного человеческого, личностного бытия. Французский мыслитель показывает их внутреннюю контрастность и полифоничность. Так, вовлечение – это пребывание в мире, которого человек не выбирает, «это тяжкое бремя, но не проклятие». Благодаря вовлечению сдерживается человеческий эгоцентризм и конформизм, поддерживается моральное равновесие, позволяющее избежать крайностей «призрачного ангелизма и грубой животности» [4]. Жизнь и радостна и трагична, и это делает человека способным к ответственности, творческой деятельности, свободе, порыву, целеполаганию.

Трансценденция человека или философия Абсолюта выражает стремление к универсальному, новому, неизведанному. Именно Абсолют вызывает к жизни вовлечение, без ориентации на Абсолют вовлечение примет искаженные формы. Оно либо приведет к упадку и отчаянию, либо, «успокоившись», превратится в ничто. «Разломы, совершаемые в бытии от имени Абсолюта, становятся безвозмездными жертвованиями. Они не только сообщают деятельности трагический характер, но и делают ее вечно молодой и полной обещаний» [4, с. 44].

Поэтому вполне оправдано, что Мунье призывает установить равновесие между вовлечением и трансценденцией (и трансцендированием) в различных областях жизни, например, технике и политике. В частности, рассуждая о трансценденции в политике, Мунье отмечает, что политика погубит себя, если не научится прислушиваться к известным истинам, свидетельствующим в пользу Абсолюта.

Таким образом, понимание Э. Мунье трансцендирования позволяет увидеть в этом процессе, прежде всего, соотношение себя с неким Высшим существованием, увидеть преодоление, имеющее смысл и назначение, выводящее человека за собственные границы. Также очевидна нерасторжимость взаимосвя-

яния вовлечения и трансценденции. Для вовлечения трансценденция выступает принципом неуничтожимой свободы, а для свободы она является принципом непрекращающегося вовлечения. Поэтому это делает возможным истолковать трансцендирование не столько как интимно-личностное духовное движение вперед, сколько как открытое развертывание и развитие своей личностной позиции – гражданской, научной, мировоззренческой, как переход трансцендирования из внутреннего плана во внешний, как познание и принятие Высших ценностей через деятельность, поступки и сотрудничество.

Итак, подводя итоги нашего исследования, следует отметить, что в философской литературе пока не освещены в достаточной мере историко-философский, историко-эстетический, религиозно-философский, религиозоведческий и другие аспекты данного феномена, не создано целостной теории трансцендирования. Проведенный анализ трансцендирования на примере творчества К. Ясперса и Э. Мунье показал неоднозначность указанного процесса, вариативность его проявлений в конкретных ситуациях. Так, трансцендирование может осуществляться скрытое в глубинах человеческой личности (то есть в трансцендентальном ключе). Но также может выглядеть как активная, практическая

деятельность, основанная на четкой, смелой, созидательной и ответственной позиции. И тот и другой тип опыта трансцендирования одинаково ценен, так как утверждает стремление человека к новым вершинам, новым творческим целям и горизонтам.

Кроме этого мы выяснили, что коррелятами трансцендирования являются экзистенция и вовлечение. Поэтому трансцендирование носит характер активного, осознанного, свободного и решительного единства и внутренней борьбы сущностных сил сознания, прорыва к высшим универсалиям культуры. Акты трансцендирования носят творческий характер и выступают как особый метод человеческого познания, выводящий психику на качественно новый, трансцендентально-эйдетический уровень.

Библиографический список

1. Ильин, И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин. – М. : Аст, 2003.
2. Jaspers, K. Philosophie. – Heidelberg, 1973. Т. III.
3. Зотов, А.Ф. Западная философия XX века / А.Ф. Зотов, Ю.К. Мельвимо. – М. : Проспект, 1998.
4. Мунье, Э. Что такое персонализм / Э. Мунье. – М. : Гуманитарная литература, 1994.

УДК 21.5

Н.М. Маркова

кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ И КРИТИКА КАТОЛИЦИЗМА ПРАВОСЛАВНЫМИ АВТОРАМИ

Статья посвящена проблеме не только наших дней, но и проблеме, которая была очень актуальна в XIX столетии. Это проблема взаимосвязей между двумя конфессиями: Православием и Католичеством. Очень важно исследовать отношение российских религиозных философов к Католицизму. Позиция Владимира Соловьева была отлична от позиции славянофилов, которые критиковали Католицизм очень активно.

This article is dedicated to the urgent problem, urgent not only our days but the problem which was very actual in XIX century. It is the problem of interrelations between two confessions: Orthodoxy and Catholicism. It is very important to investigate the attitude of Russian religious philosophers to Catholicism. Vladimir Soloviev's scientific position was different to the position of Slavophil who criticized Catholicism very actively.

Проблема критики римско-католической церкви со стороны русских православных авторов всегда волновала Владимира Соловьева. И дело вовсе не в том, что, полемизируя со славянофилами, Соловьев пытался оправдать римский католицизм в глазах российских читателей; он доказывает несправедливость некоторых обвинений в адрес католицизма и несостоятельность критики. В ходе истории у русских людей сложился определенный «штамп» в отношении к католицизму, и это отношение отчасти справедливо благодаря политике пап по распространению унии, но тем не менее, с точки зрения Соловьева, в дальнейшем эти настроения переросли в некое национальное чувство враждебности по отношению к католицизму, базирующемуся на предубеждениях.

Полемика со славянофилами ясно показала, насколько «Римское Католичество претит русскому народному духу и чувству» [1]. Более того, славянофилы называют католичество заведомой ересью и ложью, и соответственно не может быть и речи о соединении церквей. Подобные обвинения основываются на несогласии взглядов относительно понятия о церкви. По мнению славянофилов, «самостоятельность церкви исключает папский авторитет: ему нет места в церкви. По католическому учению, напротив, «церковь включает в себя папский авторитет как один из основных элементов своего правильного устройства» [2]. Но данное учение католической церкви относительно папской власти и папского авторитета оформилось не сегодня и не вчера, и, более того, представители древней еще единой церкви признавали такое положение вещей; следуя логике славянофилов, их мы тоже можем назвать еретиками, а учения ложными, но никому и в голову не придет упрекать их в этих грехах.

Согласно учению римско-католической церкви папа может формулировать церковные догматы, но ни в коем случае не выдумывать свои собственные. Да и как может существовать католическая церковь без видимой главы своей церкви, поскольку с точки зрения католиков папский авторитет существует внутри самой церкви и служит для нее, а не является каким-то внешним показателем силы. Собственно о силе или насилии со стороны

папы, согласно В. Соловьеву, не может быть и речи, поскольку авторитет папы базируется на доверии, любви и уважении. «Как бы кто ни относился к этому учению, во всяком случае должно признать, что в нем нет ничего уничтожающего церковный характер католичества: авторитет здесь не отделяется от предания, папа не отделяет себя от церкви, не присваивает себе никакого безусловного авторитета, не дает себе никакой произвольной и деспотической власти, ибо он пользуется *per assiatentiam divinam* только тою властью, которою Христос благоволил снабдить свою церковь» [3].

Идеи демократического устройства церкви, высказанные А.А. Киреевым (право голоса мирян на вселенских соборах через представителей – епископов), с точки зрения Соловьева, вообще отрицают саму церковь, поскольку церковь не может управляться снизу, она управляется всегда сверху – Богом, а в данном случае идея Бога, Бога всемогущего, заменяется идеей человека, человека смертного, и функции Бога передаются человеку. Так какое же учение считать ересью? В основе церковного устройства, по Соловьеву, лежит не демократия, а теократия. И Восточное православие, которое не оформило и не сформулировало на вселенских соборах своего учения о Церкви, не имеет права обвинять в ереси Западное католичество.

Да и сам вопрос возможности обвинений и критики остается открытым. «Метафизические догматы истинного христианства при всей их внутренней достоверности, несомненно, превышают уровень обыкновенного человеческого рассудка и потому не могут служить и никогда не служили начальными средствами убеждения в истине нашего исповедания людей, ему чуждых. Чтобы постигать эти догматы верою, нужно уже быть христианином, а чтобы понять их смысл в области высших умозрений разума, нужно быть философом Платонова или Шеллингова направления» [4]. И что же остается? И Восточная и Западная Церкви стремятся акцентировать внимание на нравственном превосходстве той или иной церкви. Аргументы, приводимые Католической церковью в свою пользу: «крепкую солидарность и энергичную деятельность своего духовенства, объединен-

ного религиозно-нравственную силою папской монархии, ставят на вид незаменимое нравственное влияние этого духовенства на народные массы, выставляют роль папы как универсального защитника справедливости, как верховного судьи и миротворца, особенно же указывают они на обилие дел милосердия в своих внешних и внутренних миссиях» [5], вызывают критику со стороны православных апологетов, которые упрекают «за гордость и властолюбие, за стремление присвоить своему иерархическому главе как то, что принадлежит Богу, так равно и то, что принадлежит кесарю, укоряют католическую иерархию в фанатизме, в привязанности к миру, в корыстолюбии, делают ее ответственною за общий грех преследования еретиков и неверных, постоянно возвращаются (в согласии с протестантами) к трем главным обвинительным пунктам инквизиции, индульгенциям и иезуитской морали, наконец, (независимо от протестантов), вносят в этот обвинительный акт грех нравственного братоубийства, выразившийся в самовластном узаконении (без ведома Восточной церкви) местных западных преданий...» [6]. Но, несмотря на все упреки и обвинения, нравственные аспекты ни той ни другой стороной не отрицаются, каждая из спорящих сторон лишь пытается «перетянуть одеяло на свою сторону», доказывая, что только она лучше и правильнее применяет те или другие нравственные принципы, и, следовательно, настаивает на своем превосходстве. Но, как правильно указывает В.С. Соловьев, все эти упреки безосновательны, поскольку нравственные нормы и принципы, этические критерии являются единими как для католиков, так и для православных. И Католическая и Православная церкви признают одни и те же морально-нравственные ценности, которые идут не от какой-то конкретной церкви, а от Бога, следовательно, они не могут принадлежать какой-либо конкретной церкви, они выше церкви, соответственно не могут зависеть от различий конкретного вероисповедания.

По мнению В. Соловьева, религиозное прошлое, на основе которого должно сложиться религиозное будущее, представлено римским католичеством, обладающим, по Соловьеву, условной силой и условным правом. Прошлое

положительное, которое, давя над отрицательным настоящим, приведет к положительному будущему, к новому миру, более свободному и более богатому духовными силами.

С этой точки зрения обвинения современной (современной не только для В. Соловьева) культуры со стороны католицизма в том, что она (культура) подменила нравственные и религиозные начала стремлением к материальному благосостоянию и богатству, являются наиболее убедительными, нежели обвинения католиков в применении силы против врагов христианства. Но, поскольку католичество в качестве религиозного прошлого служит переходным мостиком к религиозному будущему, нужно, по Соловьеву, забыть обо всех противоречиях и прекратить бесполезную критику и обвинения.

Несмотря на то, что в силу ряда причин к католичеству редко относятся беспристрастно, и, несмотря на то, что «вследствие исторических условий католичество являлось всегда злейшим врагом нашего народа и нашей церкви, но именно поэтому нам следует быть к нему справедливыми» [7]. Именно справедливыми. В. Соловьев не призывает оправдывать католичество, не видит в нем идеала, но ставить на католической церкви печать чужой враждебной силы – тупик, который никогда не приведет человечество к истинному христианству.

Библиографические ссылки

1. Соловьев, В.С. Догматическое развитие церкви (в связи с вопросом о соединении церквей) / В.С. Соловьев. – СПб. : Алетей, 1994. – С. 22.
2. Соловьев, В.С. Письмо в редакцию. Из журнала «Известия СПб. Славянского благотворительного общества» / В.С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – М. : Правда, 1989. – Т. 1. – С. 406.
3. Там же. – С. 406.
4. Соловьев, В.С. Сочинения : в 2 т. / В.С. Соловьев. – М. : Мысль, 1988. – Т. 1. – С. 103.
5. Там же. – С. 103.
6. Там же. – С. 103 – 104.
7. Соловьев, В.С. Чтения о Богочеловечестве / В.С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – М. : Правда, 1989. – Т. 2. – С. 17.

**ВОССТАНИЕ 1863 – 1864 гг. В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ:
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КАТОЛИКОВ**

Статья содержит обработанные материалы Российского государственного исторического архива города Санкт-Петербурга о событиях 1863 – 1864 гг. в российской части Польши, где произошло одно из наиболее мощных восстаний против вхождения этой территории в состав Российской империи. Показаны основные причины и ход восстания, а также меры властей, предпринимаемые по его локализации и ликвидации.

In this article the author writes about the uprising in Russian Poland in 1863 – 1864. The author examines the situation in Poland before the uprising. The main attention appeals to the catholic church in this situation. Also in this article put on the decisions of the Russian government for struggle against those disorders and results.

К началу восстания в Царстве Польском его территория была разделена на 5 губерний: Варшавская, Радомская, Люблинская, Плоцкая, Августовская. В них христиан насчитывалось 4 227 779 человек (87,4 %), нехристиан – 612 687 (12,6 %). Христиане – по преимуществу католики, нехристиане – почти исключительно евреи-иудаисты. Наибольшая часть католиков жила в Радомской губернии. Наибольшим почтением в среде поляков-католиков пользовался образ Ченстоховской Божией Матери. Приходских католических церквей насчитывалось 1 628, или одна церковь на 2 277 человек. Численность монахов составляла 1 808, мужских монастырей – 148, женских – 38 с 520 монахинями. Католическое белое духовенство получало в высших должностях – определенное содержание, а прочие – содержатся из десятинного сбора и получают плату за требы [1].

В Царстве Польском к 1863 г. римско-католических монастырей всего насчитывалось 197, из них 155 мужских с 1 635 монахами и 42 женских с 549 монахинями, к тому же имелся 21 дом сестер милосердия. Из числа вышеупомянутых монастырей 71 мужской с 304 монашествующими и 4 женских с 14 монахинями существовали вопреки каноническим правилам, по которым в каждой обители должно было быть не менее 8 монашествующих. Из 71 мужского монастыря

распределение по орденам было следующим: 6 августинцев, 5 бернардинов, 5 кармелитов, 10 доминиканов, 6 миссионеров, 8 паулинов, 7 пиаров, 13 францисканов, 3 марианов, 3 реформатов, по одному – бонифратров, каноников-регулярных и тринитариев; 4 женских монастыря – мариавиток, норбертанок, бритток, кармелиток (по булле Папы Бенедикта XIV от 2 мая 1744 г.) [2].

Римско-католическое духовенство в Польше пользовалось большой свободой, а во внутренних делах находилось почти вне всякого контроля российского правительства [3].

Перед началом восстания 27 мая 1862 г. последовало назначение Великого князя Константина Николаевича наместником в Царстве Польском, а графа Александра Велепольского, маркиза Гонзаго-Мышковского – начальником гражданского управления [4].

Говоря о причинах закрытия католических монастырей в Царстве Польском после восстания 1863 – 1864 гг., департамент духовных дел иностранных исповеданий в своем письме в Госсовет отмечал: «Революционеры не нашли себе опоры в обществе и прежде всего на селе и стали себе искать союзников в регулярном фанатизме польского общества и в упорных притязаниях шляхетского сословия. Монастыри, сильные влиянием на женщин и на низшие городские классы, путем проповеди распространили зачатки рево-

люционного устройства. Монахи постепенно научились употреблять во зло проповедь, умножали безмерно церковные церемонии и старались придать им политический оттенок. Первая политическая демонстрация последовала 11 июня 1860 г. по поводу похорон вдовы бывшего генерала польских войск Савинского [5], павшего в войне 1831 г. В костелах стали продавать целые печатные сборники революционных писем, а равно портреты разных вожаков революции. С наступлением 1861 г. начинается ряд почти беспрестанных религиозных процессий, имевших уже совершенный вид политических демонстраций: ношение траура и польских национальных костюмов, сборища на улицах перед изображением Богородицы и святых, пения патриотических гимнов» [6]. К осени 1861 г. открывается целый ряд революционных духовных съездов, где белое и монашеское руководство спешили скрепить свой союз с мятежниками. Революционные издания опубликовали протест духовенства против дарованных правительством краю земских учреждений – губернских, городских и уездных советов [7]. Будущие повстанцы стекались тайком в храмы, и ксендзы приводили их к присяге на верность ЦК, а колеблющихся страшили бесчестьем перед народом и всеми церковными карами. В числе захваченных войсками членов шаек было больше тридцати монахов. Для терроризации населения в 1863 г. мятежники образовали партии жандармов-вешателей и кинжальщиков, и они приводились к присяге в костелах.

Основным руководящим органом подготовки восстания являлась польская эмиграция. Д.А. Милютин в своих мемуарах отмечает: «Политическая деятельность польской эмиграции представляла редкое в истории явление по той настойчивости, с которою так долго поддерживалась революционная агитация, при столь малых вероятностях успеха, можно даже сказать, при полной несбыточности цели» [8].

Д.А. Милютин пишет: «Польские вожаки очень рассчитывали на помощь русских революционеров, уверивших их, что Россия находится уже в полном разложении, накануне общей революции, и что немедленно, как только поляки поднимутся, восстание распространится на всю Россию... Многие части армии, особенно же кавалерия и специальные роды службы, были переполнены офицерами

польского происхождения. Поляки умели ловко пробираться во все части администрации; занимали влиятельные должности, наполняли все специальные, технические ведомства, как то учебное, почтовое, телеграфное, по железным дорогам и т.д. Они вторгались и во внутреннюю жизнь русской семьи в званиях домашних учителей, воспитателей, управляющих имениями. Не говоря уже о том, что в западных губерниях России землевладение находилось почти исключительно в руках польских помещиков, весь край был вполне ополячен, даже там, где масса сельского населения была русская и православная... Племянник князя Адама Чарторыйского граф Андрей Замойский стал во главе так называемого Земледельческого (агрономического) общества, учрежденного в Царстве Польском с дозволения русского правительства. Под маскою сельских хозяев, заботящихся об экономических нуждах края, вожаки Земледельческого общества втайне работали с целями революционными. К началу 1861 г. в обществе считалось уже до 2 тысяч членов; оно имело общие свои собрания в Варшаве, но разветвлялось на все Царство. Членами общества были помещики всех губерний и уездов, так что граф Андрей Замойский сгруппировал около себя большинство землевладельцев Царства и сделался средоточием обширной революционной сети... Он становился как бы посредником между русскою властью и толпою, как будто для укрощения ее раздражения. Такая коварная игра была всегда обычным приемом польских деятелей» [9].

Общий план революционеров предлагал всеми мерами подрывать в народе доверие к правительству и в месте с тем поддерживать в Европе сочувствие к польскому движению беспрестанными газетными известиями, хотя бы даже и вымышленными. «Надобно убедить свет, – говорилось в программе, – что никто, кроме поляков, не может одолеть царизм; следует докучать английскому и французскому правительствам, посылая им из Варшавы подложные жалобы, как будто оставленные в Петербурге без уважения...» [10].

Само же восстание началось в ночь с 10 на 11 января 1863 г. колокольным звоном во всех городах и селениях Царства Польского. Поводом к нему послужил набор поляков в российскую армию в январе 1863 г., которые скрылись и стали собираться в вооруженные группы [11].

Русским солдатам, кто перешел с оружием в руках к мятежникам, предлагали 15 руб., без ружья – 10 руб. и 2 злотых в день. Солдатам гвардейских полков давали больше, к тому же они были обязаны захватить с собой патроны. Мятежники издавали журнал «Глас Каплана» религиозно-политического содержания. Монастыри служили складочным местом «самых возмутительных произведений тайной печати», которые повсеместно рассылались. Необходимость закрытия монастырей с числом монахов менее 8 человек объясняется отсутствием за ними наблюдения, а их уединенность и разбросанность служили притоном для шаек и беглых, а также «местом тайных козней». Доказано участие в мятеже 39 римско-католических монастырей и 674 монахов [12].

Так, в монастырском саду монастыря бернардинов в Варшаве были найдены: типографский станок, 181 комплект обмундирования, 24 формы для литья пуль, 24 острия для пик, 25 стрелен, 24 удила, 7 фунтов свинца и до 100 отравленных кинжалов [13]. Д.А. Милютин указывает: «Ксендзы и монахи были едва ли не самыми деятельными участниками всех народных демонстраций, которым они придавали религиозный характер и тем фанатизировали толпу» [14].

В связи с решением вопроса о судьбе польских католических монастырей 4 мая 1864 г. тайным советником Морозовым была составлена записка в департамент духовных дел иностранных исповеданий «О монастырях в Царстве Польском», где он указывал на следующие моменты. «Слишком хорошо известно, что монастыри в Варшаве и Царстве Польском служат складочными местами оружия и обмундирования для повстанцев, что там они находили себе убежища, что в них были революционные прокламации и типографии. Имеется 236 примеров о переписке и прикосновенности к политическим преступлениям монахов и ксендзов со времени объявления Царства на военном положении в 1861 г. по 1 января 1864 г. Латинское духовенство в Риме проявляет полную солидарность с революционным движением в России. В Царстве Польском в мае 1864 г. находятся 157 мужских монастырей с 1624 монахами и 43 женских с 578 монахинями. Итого 200 монастырей на 3 800 000 жителей римско-католического исповедания» [15].

Таким образом, католический вопрос обострился в очередной раз в России в связи с восстанием в Царстве Польском 1863 – 1864 гг. Большую роль в качестве идейных вдохновителей в нем, как мы видим, сыграло католическое духовенство. Так, официально было выявлено 183 случая участия прямо или косвенно лиц белого и монашествующего католического духовенства в восстании, что послужило официальным основанием к их выселению на поселения и каторгу [16]. Обвинения выдвигались по 11 позициям: участие в формировании банд, возбуждение к мятежу через соответствующие молитвы и организация панихид по убиенным мятежникам, поддержка мятежа денежными средствами, непосредственное участие в выступлениях, привод повстанцев к революционной присяге, хранение революционных бумаг и прокламаций, подделка документов, организация побегов, выезд за границу без распоряжения властей, убийство казаков, жандармов и солдат, агитация за переход русских солдат к повстанцам за деньги [17]. Почти половина из вышеперечисленных деяний приходилась на непосредственное участие в мятеже католического духовенства прежде всего в монастырях.

В период восстания 1863 – 1864 гг. повстанцами был выпущен «Свод поведения поляка в России». Он включал в себя следующие основные позиции: «1) всю землю продавать только своим соотечественникам в Польше (в крайнем случае – жидам). В отношении русских – принуждать их все продавать и уезжать в Московию, а также нарушать доверие к православию; 2) русские – ленивы, необразованны, беспечны – использовать это; 3) полякам служить в России только непременно для интересов Польши; 4) служить только там, где можно рассчитывать на верный доход, а по возможности специально наживаться; 5) получить влиятельное место; 6) в русском войске долго не служить; 7) стараться быть правой рукой начальника и оговаривать сослуживцев, особенно ревностных, перед ним; 8) использовать обиженных русских в своих интересах; 9) Россия – враг, а православный – еретик, а значит враги Польши; 10) стравливать русских и немцев; 11) в обществе русских не высказывать своих убеждений» [18].

Идеологической основой восставших стала теория А. Мацкевича и Товянского («мессионизм» или «товянизм») – «Польша имеет посланничество и помазание от Бога для избавления рода человеческого от рабства и неволи» [19].

М.А. Бакунин обратился к лидерам польского мятежа с предложением создать «русский легион» из попавших в плен русских солдат. Он уверял, что к нему присоединятся и многие другие русские, сочувствующие мятежу в России. Города и целые губернии в России, назначенные по Правилам 9 мая 1863 г. для водворения ссыльных поляков, обратятся в гнезда польской пропаганды и интриг. Римско-католическое духовенство было одной из главных пружин восстания. Новый назначенный архиепископом в Варшаву Ржевуский отказался занимать кафедру, а в церквах Царства Польского наложили траур: прекращено богослужебное пение с органом и колокольным звоном (возобновлено 8 (20) декабря 1863 г.). Российское правительство ввело материальное стимулирование против мятежа в Северо-Западном крае: за поимку каждого повстанца – денежная награда в 3 руб., взятого с оружием – 5 руб. Наибольшее число повстанцев было в Радомской губернии вследствие горной и лесистой местности. 7 сентября 1863 г. было совершено покушение на российского наместника в Царстве Польском Ф.Ф. Берга в Варшаве из дома А. Замойского. В результате обыска там нашли много документов по организации восстания и оружие [20].

После ликвидации восстания в Царстве Польском в 1864 – 1865 гг. принимается ряд мер по ужесточению контроля за католическим духовенством и монастырями в Западном крае. Александр II наложил резолюцию по отчету о польском восстании 1863 – 1864 гг.: «последние смуты явно доказали, что оно-то (римско-католическое духовенство) и стоит во главе всякого революционного движения» [21].

В целом проводимая в период после восстания 1863 – 1864 гг. политика в Привислинском крае была направлена на русификацию западных окраин Российской империи, где главной задачей являлась идея «располячивания католицизма». Еще до восстания 1863 – 1864 гг. в Царстве Польском был создан «Западный комитет» (20.09.1862 – 05.01.1865 гг.).

Он стал высшим административным органом в Западном крае, созданным в результате роста революционных настроений. Руководил им председатель комитета министров. Он рассматривал вопросы переселения участников восстания 1863 – 1864 гг. во внутренние губернии России и переселение русских крестьян в Западный край. Предусматривалось участие светских властей в отборе и проведении экзамена учащих римско-католических духовных семинарий, обязательное введение во всех семинариях и академиях преподавания русского языка и истории России на русском языке и проведение богослужения в католических костелах на русском языке. Министр внутренних дел П.А. Валуев 12 декабря 1865 г. утвердил решение об увеличении вознаграждения светским лицам, преподающим в семинариях Западного края русский язык и отечественную историю. Оплату уравнили с окладом учителей этих предметов в гимназиях (75 руб. в год), и это было сделано за счет средств от содержания римско-католического духовенства в Российской империи [22].

Полякам запрещалось приобретать в собственности земли в Западном крае. Крестные ходы вне зданий костелов в городах и вне оград церквей в деревнях могли проводить у католиков только православные священники. Также был принят ряд мер по унификации по русскому образцу польского образования, транспортной, таможенной и почтовой служб.

В польских землях преимущества по службе должны были получать лица русского происхождения, к которым относили людей – русских подданных от рождения, православных и не женатых на католичках. На лиц русского происхождения распространялись преимущества, закрепленные дополнением и к правилам 1867 г. [23].

Таким образом, меры по включению польского общества в российские структуры после подавления восстания 1863 – 1864 гг. были направлены на отрыв населения от католического влияния, прежде всего римско-католических монастырей, и пропаганду среди них идей законопослушности российским властям. Однако дальнейшие события российской истории, вплоть до 1917 г., показали низкую эффективность данных мер. Поляки всегда одними из первых выступали участниками социальных и политических конфликтов в государстве.

До восстановления отношений с римским престолом все ходатайства римско-католических епископов в Царстве Польском, особенно после событий 1863 – 1864 гг., рассматривались в МВД.

Библиографические ссылки

1. Географические и статистические сведения о Царстве Польском. – СПб., 1863. – С. 53 – 55, 80.
2. Жмакин, В. Участие римско-католического духовенства в польском восстании 1863 г. / В. Жмакин // Странник. – 1883. – № 1. – С. 42, 66.
3. Там же. – С. 36.
4. Милютин, Д.А. Воспоминания... 1860 – 1862 / Д.А. Милютин. – М., 1999. – С. 344.
5. Руководителя польских повстанцев в 1830 – 1831 гг. (Прим. автора).
6. Милютин, Д.А. Указ. соч. – С. 111.
7. Рух. 1861. № 6.
8. Милютин, Д.А. Указ. соч. – С. 48.
9. Милютин, Д.А. Указ. соч. – С. 52, 56, 57.
10. Милютин, Д.А. Указ. соч. – С. 72.
11. Милютин, Д.А. Воспоминания... 1863 – 1864 / Д.А. Милютин. – М., 2003. – С. 40 – 42.
12. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА.) Ф. 821. Оп. 150. Д. 89. Л. 45, 45 об., 46, 46 об., 48, 48 об., 50 об., 51, 53 об., 54 об., 55, 56 об., 57.
13. Жмакин, В. Указ. соч. – С. 42, 66, 58.
14. Милютин, Д.А. Воспоминания... 1860 – 1862 Д.А. Милютин. – М., 1999. – С. 84.
15. РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 235. Л. 83, 85.
16. РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 1146. Л. 146 – 148. (Подсчитано автором).
17. Там же. – Л. 1 – 48.
18. Польский катехизис, или как мирными средствами завоевать Россию. – Варшава, 1911. – С. 8 – 14.
19. Там же. – С. 26 – 27.
20. Милютин, Д.А. Воспоминания... 1863 – 1864 / Д.А. Милютин. – М., 2003. – С. 94, 95, 163, 177, 179, 243, 293.
21. РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1080. Л. 53 об.
22. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1076. Л. 62.
23. РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 85. Л. 5 об, 9.

УДК 21.5

Е.И. Аринин

доктор философских наук
профессор кафедры философии и религиоведения

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Религиозная идентичность (религиозность, личная причастность к религии) является проблемой. Сегодня это один из наиболее важных предметов внутрисконфессиональных, межконфессиональных и межмировоззренческих дискуссий. Существовая только индивидуально, она нуждается для своего понимания в соотношении с некоторой универсальной категориальной системой, позволяющей интерпретировать личное в терминах некоторого безличного учения. В этом состоит фундаментальная методологическая трудность в понимании любой индивидуальной религиозности. Внутри самой религиозной традиции (во множестве ее вариаций) определенные и общепризнанные критерии личной религиозности сформулированы не были.

What is religious identity (religiosity, personal belonging to religion)? Nowadays that is one of the main subject under intra- inter-confessional and world outlook discussions. Existing in individual dimension it can be understood merely through the correlation with a certain universal language which allow to interpret personal in terms of interpersonal teaching. And that constitute the basic methodological difficulty in understanding of any particular religiosity. Within the religious tradition per se (even more so in their variety) the definite and generally accepted criteria for personal religiosity haven't been formed.

Проблема исследования вопроса о том, что представляет собой религиозная идентичность (религиозность, личная причастность к религии) в настоящее время находится в центре обсуждений как между верующими внутри своих вероисповеданий, так и на уровне межконфессиональных и межмировоззренческих дискуссий. Так, священник Я. Кротов отмечает, что «религиозность отличается от религии», а «само слово “религиозность” в русский язык вошло недавно, только в 19-м веке», отражая особый феномен, проявившийся в результате «огромной духовной революции, которая свершилась на переходе от средневековья к новому времени», когда религия как социальный институт стала утрачивать безличный и государственно-принудительный характер, лишившись силовой поддержки политических властей, и тогда оказалось, что она «нуждается в опоре в душах людей» [10].

С одной стороны, древние и новые религиозные традиции существуют только потому, что есть субъективная личная религиозность, поскольку нет религии без людей, адептов, верующих, однако, с другой стороны, сам по себе данный личный феномен носит эмоционально-чувственный характер, является своего рода «вещью-в-себе», имеющей свои «приливы и отливы», оказываясь чрезвычайно аморфным и ускользающим от попыток однозначного истолкования как «изнутри», так и «извне». Достаточно вспомнить известный сюжет из знаменитой кинокомедии «Бриллиантовая рука», где герой Андрея Миронова испытывает мгновенные «прилив и отлив» религиозного чувства, вызванные перемещением в открытое море.

Фундаментальной методологической трудностью в понимании любой личной религиозности является то, что она, существуя только индивидуально, может быть понята только через соотнесение с неким универсальным языком, позволяющий интерпретировать личное в терминах межличностного учения, т.е. она должна быть концептуализирована (выражена в терминах определенных учений, теорий, концепций) только через некоторую безличную символическую общность. Этой общностью, прежде всего, выступает язык

«кредо» определенной конфессиональной традиции (нормативной «воцерковленности»), возникающий, как показывает история христианства, из представлений одной или нескольких общин, возникновения тех или иных противоречий между ними, формирования универсального «канона», призванного преодолеть эти противоречия.

Религиозные объединения, Церкви, институциональные исповедания всегда устанавливают особые формы поддержания идентичности при том, что индивидуальная религиозность прихожан может варьировать от явного и полного монашеско-отшельнического одиноко-аскетичного разрыва с обществом и своими «мирскими интересами» до тайного «монашества в миру» [2], от внешнеблаговидного, номинально-формального пребывания в общине до отступничества и разрыва с конфессией [17]. Внутри вероисповедальных сообществ (церквей, конфессий, религиозных объединений) постоянно ведутся дискуссии об истинной и ложной религиозности (еретизме, сектантстве, суевериях, раскольничестве и т.п.), нередко заканчивающиеся скандалами, преступлениями, войнами и расколами. В качестве примера можно привести недавний скандал вокруг «пензенских затворников», которых СМИ называли и «сектантами» [11], и «Свидетелями Иеговы» [18], и «православными христианами» [23]. Историческими примерами такого рода проблем являются хорошо известные и до сих пор полемически обсуждаемые факты персонального отлучения никогда не говорившего о своем «неверии» или «атеизме» Л. Толстого, тогда как сознательные «воинствующие атеисты» Ленин и Сталин – не отлучались [15]. Более того, сегодня православные священники могут утверждать, что Сталин не только «был верующим», но он – «богодарованный вождь России» [20].

Другим аспектом проблемы является то, что в каждом религиозном объединении имеются противоречивые тенденции на самосохранение и самоизменение, в первом случае говорят о «религиоцентризме» («конфессиоцентризме», «конфессиональном эксклюзивизме» [27, с. 67]), отождествляющем только «свое» объединение (свое учение) с истин-

ным, единственно правильным и собственно «спасающим». Влияние таких идей усилилось в католичестве после Тридентского собора (XVI век), что привело к агрессивности и нетерпимости в отношении иноверцев, в результате чего еще в начале XX века французскими католиками утверждалось, что «Церковь получила от Бога право преследовать тех, кто уклоняется от истины, не только церковными карами, но и телесными наказаниями» (тюрьмой, сечением, калечением, смертью) и что «Варфоломеевская ночь была великолепной ночью для Церкви и для Отечества» [19, с. 8]. Признание истинности именно одной институционально организованной религии (объединения) сопровождается недоверием к личной религиозности, которая в данном случае видится обретающей подлинную значимость только через причастность первой, причем, в идеале эта причастность к объединению должна быть максимальным самоотречением, «преданностью до смерти», готовностью «отдать жизнь за веру».

Вместе с тем сами богословы и религиозные философы отмечают, что простая причастность, идентификация с объединением еще недостаточна, порождая феномен «номинальной религиозности». И.А. Ильин писал, что «современное человечество изобилует “православными”, “католиками” и “протестантами”, которым христианство чуждо и непонятно; мы уже привыкли видеть в своей среде “христиан”, которые суть христиане только по имени, которые лишены религиозного опыта и даже не постигают его сущности» [7, с. 34]. Близок к нему и протестантский теолог К. Боа, отмечающий, что «мы знаем людей, утверждающих, что они христиане, а ведущих себя как варвары. Целые народы, называющие себя христианами, являются закоренелыми язычниками» [1, с. 4].

Тенденция на самоизменение проявляется, к примеру, в том случае, когда митрополит Антоний (Сурожский) подчеркивал таинственность и многообразие форм религиозности и не противопоставлял не только православных – инославным, истинные конфессии – ложным, но даже атеизм – религии. Он отмечал: «Я долго жил среди людей инакомыслящих, и в течение очень долгого периода

у меня было такое радикальное отношение: только Православие – и все. А постепенно, особенно на войне, я посмотрел, как люди инакомыслящие себя ведут: христианин, может быть, ляжет за кустом, когда стреляют, а безбожник выйдет из укрытия и принесет обратно раненого. И тогда ставишь вопрос, кто из них подобен доброму самаритянину и Христу Спасителю. Меня всегда поражает притча о Страшном суде в этом контексте. ...Христос ... не спрашивает людей, веруют ли они в Бога, не спрашивает ничего о том, как они к Нему относятся, Он их спрашивает: “Одел ли ты нагого? Накормил ли голодного? Посетил ли больного?...” Мне кажется, что мы так должны бы относиться ко всем людям, которые во что-то верят. Даже материалист верит в человека по-своему. У него образ человека, с нашей точки зрения, очень несовершенный, неполный, но он верит во что-то. И вот – слушай, во что он верит. Часто он верит в какую-то нравственную правду, цельность, которую мы нередко заменяем благочестием. Знаете, гораздо легче человеку, который говорит: “Я голоден”, ответить “Иди с миром, я о тебе помолюсь”, чем разделить с ним то малое, что у тебя есть. ... мне кажется, что не нравственное совершенство, не житейское совершенство, а внутренняя правда человека играет большую роль. И поэтому иноверный, инославный, язычник по нашим понятиям, неверующий – если он всем сердцем и умом живет согласно своей вере и верит в то, что говорит, может сказать слово правды, и мы можем научиться чему-нибудь» [12, с. 69, 70, 72].

Близок к этим размышлениям и известный современный православный публицист А. Кураев, который напоминает, что «древнейшие православные святые считали «христианами до Христа» праведных язычников-философов», всех тех, кто «искал Единого Бога и во имя Его подавал своему ближнему “хоть чашу холодной воды”, чья совесть вела к служению Богу и добру», что поскольку «все они искали именно Христа (еще не зная Его имени)», то они «были узнаны и признаны Им как Его и спасены», почитаясь «незаконными обладателями не им принадлежащей истины, а сама Истина почиталась Единой и предугадываемой всеми духовно ищущими людьми» [6].

Очевидно, что известный древнегреческий философ Сократ не был прихожанином какого-либо храма Русской Православной Церкви Московского патриархата, Римской Католической Церкви или другой христианской конфессии (традиционной или новой), однако, и он признается А. Кураевым «христианином». При таком подходе утверждается, что принадлежность к институциональной религии имеет несколько уровней, восходя, однако, не к «преданности до смерти особой организации как таковой», но к универсальным нравственным основаниям, без которых сама по себе институциональная причастность («воцерковленность») оказывается поверхностной, неопределенной, а, возможно, и преступной в нравственно-юридическом плане личной религиозностью. Известные примеры религиозного терроризма как в прошлом, так и в последние годы это только подтверждают.

Религиозность, таким образом, имеет, очевидно, противоречивый социальный аспект. Сегодня, с одной стороны, личности гарантировано право на свободу вероисповедания, т.е. форм религиозности, но, с другой – религиозность может законно запрещаться и преследоваться самым современным плюралистическим и демократическим государством («АУМ Синрикэ»). С одной стороны, религиозная жизнь приватизируется, то есть государство и общество признают до определенной степени специфику его религиозности именно его частным делом, когда даже в семье он может не найти понимание, тогда как, с другой стороны, именно сегодня мы сталкиваемся с новыми, часто скрытыми, агрессивными и ожесточенными формами навязывания определенных верований одних сограждан другим.

Полемика между сторонниками «эксклюзивизма организации» и «универсализма закона и этики» образует напряженно-поляризованное поле вокруг религиозности как «воцерковленности», и если для одних она состоит в глубоком нахождении «внутри христианского опыта», в живом чувстве непрерывной связи с Богом, порождающем аскетико-героическое и самоотверженно-монашеское подвижничество, то для многих других – только в том, «что они были когда-то крещены, ...едят

на Пасху куличи и держат в доме православные иконы» [13]. В целом, однако, когда говорят о религиозности в эксклюзивно-конфессиональном понимании как о таинственной мистико-целостной принадлежности к конкретной спасающей традиции (идентификации и идентичности с ней), неизбежно встает вопрос о том, насколько такие оценки вообще в силах человеческих, поскольку с богословской позиции оценивает только сам Бог, Сакральное как таковое.

Таким образом, в рамках самой религиозной традиции (тем более в многообразии религиозных традиций) не сложилось общепринятых критериев определения личностной религиозности. Расколы христианства на враждующие направления (православие, католицизм и протестантизм) стало причиной рождения светско-философского самосознания в Европе XVI – XVIII веков, когда, к примеру, И. Кант, принадлежавший к лютеранской церкви, уже полагал, что все традиционные исторические христианские церкви и нехристианские религиозные объединения «псевдорелигиозны» в большей или меньшей степени, и только чисто этическая общность может быть названа «истинной церковью» [9, с. 341 – 342]. Гегель полагал, что философия и религия – одно и то же проявление Мирового Духа в объективной и субъективной формах, обе они – «служение Богу», различающиеся только своими методами, но не предметом осмысления [4, с. 30]. Здесь все религиозные объединения «псевдорелигиозны» в большей или меньшей степени в зависимости от рациональной продуманности, диалектичности их вероучения, тогда как для С. Кьеркегора, оппонента Гегеля, – в зависимости от их экзистентной влиятельности, их иррациональной силы.

В философии религии факт существования неконфессиональной личной религиозности, эмоционального или рационального обращения в безвыходной и безнадежной ситуации к Богу, Сакральному, Высшей Силе, Неведомому, Абсолютному или Справедливому признавался и обсуждался большинством философов и теологов с периода эпохи Возрождения и Нового времени. Они именно в ней видели всеобщее субстанциональное и

неконфессиональное (обще-конфессиональное, мета-конфессиональное, суб-конфессиональное) проявление личной религиозности, только приобретающей ту или иную историко-конфессиональную форму.

Личная религиозность с XIX века становится объектом научных (психологических и социологических) исследований. В психологии религии различают «религию» как объективный социальный феномен конфессиональной организованности верующих и субъективную «религиозность», причем У. Джемс отмечал, что религиозность как «возвышенность» и «серьезность» противопоставляется несерьезности и приземленности светской «обыденности» и «игривости», что психологически различаются типы переживаний, а не разные конфессии, поскольку даже «атеизм» может переживаться так же ярко, как и собственно связь со «священным» [5, с. 44–45, 43]. Позднее Э. Фромм считает неправомерным сводить религию только к тем системам, в центре которых находятся Бог и сверхъестественные силы; ибо кроме монотеистических существовало и существует множество иных религий и светских систем, поскольку под «религией» сам он понимает «... любую систему взглядов и действий, которой придерживается какая-то группа людей и которая дает индивиду систему ориентации и объект поклонения» [24, с. 236]. Современные психолого-медицинские исследования выявляют некоторые феномены, которые носят универсальный характер, к примеру, «чувство причастности к вечности» сходно наблюдается у медитирующих тибетских монахов и молящихся францисканских монахинь [22].

В социологических исследованиях, к примеру, если православного спросить, сколько раз он был в мечети и верит ли он в Аллаха, а мусульманина – сколько раз он был в православном храме и верит ли он в Троицу, то религиозность респондентов покажется нулевой, в связи с чем религиозность анализируется прежде всего в свете соотношения респондента с определенной конфессиональной идентификацией, «воцерковленностью» [16, с. 358]. Вместе с тем социология религии сегодня утверждает, что общество так же невозможно без религии, как оно невозможно без морали, искусства или экономики [16, с. 83 – 84].

Религиозность в этом контексте оказывается универсальным признаком любого человека, тогда как конфессии являются только историческими институтами и традициями, элементы которых возникали в определенное время в определенном месте. Вместе с тем сам термин «религиозность» часто понимается вообще как одна из основных категорий именно «социологии религии, отражающая состояние сознания верующих» [26, с. 868]. Предпринимаются научные попытки различать «нормальную» и «псевдорелигиозную» религиозность [8, с. 46 – 47], религиозность и «квазирелигиозность» (в том числе идеологические мифологемы) [25, с. 515].

В социологии религии продолжается полемика о критериях религиозности. Некоторые исследователи, к примеру Ю.Ю. Синелина, полагают, что наиболее важным критерием религиозности является именно конфессиональная самоидентификация респондента как «православного» [21, с. 40]. Эту же позицию поддерживает и священник В.Н. Вигилянский [3]. На практике же, назвавшись православным, большинство респондентов никак не соотносят это с реальной (церковно-нормативно принятой) воцерковленностью (посещением церкви, причастием, молитвой и т.п.), более того, до 20 % назвавших себя православными, одновременно заявляют, что они не верят в Бога [14, с. 5]. Современные социологи отмечают, что «...понятия “русский” и “православный” настолько сближаются, что становятся почти синонимами... В силу этого в полном противоречии с “нормальной” логикой и прямым значением терминов в современной России понятие “православный” не является частью более широкого понятия “верующий”, а, скорее наоборот, понятие “верующий” стало частью понятия “православный”. Людей, определяющих себя как православных, в России значительно больше, чем тех, кто определяет себя как верующих» [16, с. 41].

Таким образом, под «элементами религиозности» могут выступать:

- эмпирически-наглядные объекты, характеристики и действия, объективно присущие нормам церкви (религиозному объединению) как институализированному и самоопределяющемуся социальному феномену;

- эмоционально-интимное и образно-передаваемое (художественно-символически, интуитивно, мистично, нерационально) другим переживание факта непосредственного единения или «встречи» индивида с Сакральным (Подлинным бытием), Таинственным, Неведомым в конкретном месте и в конкретное время;

- собственно субъективная живая «вера» как феномен внутренней устремленности личности к Сакральному (Подлинному бытию), готовности к «немирскому», «несветскому», «не от мира сего», «жертвенному», «отрешенному», «непрагматичному», «нерациональному», «безумному», «преступному», «бунтарскому» и т.п. поведению и мировоззрению;

- целостно-органичные образы личной и социальной жизни, выступающие как причастность к высшей подлинности, истинному бытию, действительно Сакральному, как истинное, справедливое и прекрасное в их единстве, противопоставляемые «эмпирическим религиям» как недостаточным, одностронним, неудовлетворительным и т.п.

Только в первом случае религиозность (воцерковленность) будет выступать одним из оснований для формального разделения личной идентичности на религиозный и нерелигиозный (конкретно-конфессиональный, «иноверческий», «философский», «научный» и т.п.) типы в зависимости от социологически фиксируемой самоидентификации по принадлежности к той или иной конфессии.

В остальных случаях речь идет о субъективной религиозности, о переживаниях непосредственной встречи с Сакральным (Необычным, Таинственным, Станным, Подлинным и т.п.), которое можно вызвать и передать через живую и яркую проповедь, собственное подвижничество, художественные образы, в том числе и кинематографические, но нельзя «объяснить», т.е. свести к ясному и однозначному философскому, научному или конфессиональному истолкованию.

Библиографический список

1. Боа, К. Лабиринты веры / К. Боа. – М., 1992.
2. Вахитов, Р. Монах Андроник (А.Ф. Лосев): богослов, философ, ученый / Р. Вахитов. – URL : <http://losevaf.narod.ru/vachit.htm> (дата обращения: 09.09.2009).
3. Вигилянский, В.Н. Новое исследование по старым рецептам / В.Н. Вигилянский, священник // Новый мир. – 2001. – № 4. – URL : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/4/wigl.html (дата обращения: 09.09.2009).
4. Гегель, Г.В.Ф. Философия религии / Г.В.Ф. Гегель. – М., 1976. – Т. 1.
5. Джемс, В. Многообразие религиозного опыта / В. Джемс. – СПб., 1992.
6. Андрей (Кураев). Пасха – путь из ада / диакон Андрей Кураев. – URL : <http://www.pravkniga.ru/news/3038> (дата обращения: 09.09.2009).
7. Ильин, И.А. Аксиомы религиозного опыта : в 2 т. / И.А. Ильин. – М., 1993.
8. Каарияйнен, К. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) / К. Каарияйнен, Д.Е. Фурман // Вопросы философии. – 1997. – № 6.
9. Кант, И. Трактаты / И Кант. – СПб., 1996.
10. Кротов, Я. О религиозности. С христианской точки зрения. 05.03.2000. – URL : <http://www.svoboda.org/programs/Christ/2000/Christ.030500.asp> (дата обращения: 09.09.2009).
11. Лидер пензенских сектантов Кузнецов может быть возвращен в психбольницу. – URL : <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=23807> (дата обращения: 09.09.2009).
12. Антоний. О встрече / митр. Сурожский Антоний. – Клин : Фонд «Христианская жизнь», 1999.
13. Муравьев, А. Рецензия на книгу Синелина Ю.Ю. “Секуляризация в социальной истории России” / под общ. ред. д-ра филос. наук В.П. Култыгина. – М.: Academia, 2004 URL : http://www.portal-credo.ru/site/?act=tv_reviews&id=155 (дата обращения: 09.09.2009).
14. Мчедлов, М.П. От редакционной коллегии / М.П. Мчедлов // Религии народов современной России : словарь / редкол.: М.П. Мчедлов (отв. ред.), Ю.И. Аверьянов, В.Н. Басилов и др. – М. : Республика, 1999.
15. На вопрос отвечает священник Александр Любимов. – URL : <http://www.pravoslavie.dubna.ru/2/questions.php?year=2006&month=9&id=2094> (дата обращения: 09.09.2009).

16. Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / под ред. Киммо Каарияйнена и Дмитрия Фурмана. – М. – СПб. : Летний сад, 2007.
17. Осипов, А.И. Почему выпускники воскресных школ испытывают отвращение к православию? / А.И. Осипов. – URL : <http://www.aosipov.ru/faq> (дата обращения: 09.09.2009).
18. Пензенские затворники назвали себя последователями Свидетелей Иеговы. – URL : <http://www.newsru.com/religy/10apr2008/einsiedler.html> (дата обращения: 09.09.2009).
19. Рейнак, С. Орфей. Всеобщая история религий / С. Рейнак. – М., 1907.
20. Дмитрий (Дудко). Он был верующим / священник Дмитрий // URL : http://www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/7231/dudko_2.htm (дата обращения: 09.09.2009).
21. Синелина, Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения / Ю.Ю. Синелина // Социологические исследования. – № 7. – 2001. – С.40.
- Синелина Ю.Ю. Процесс воцерковления населения России в конце XX в. – URL : <http://www.rusk.ru/st.php?idar=321636> (дата обращения: 09.09.2009).
22. Способность молиться заложена в человеческом мозге. – URL : <http://news.invictory.org/issue17815.html> (дата обращения: 09.09.2009).
23. Укрывшиеся в землянке люди не сектанты, а обычные православные, считает архиепископ Пензенский. – URL : <http://www.newsru.com/religy/20nov2007/penza.html> (дата обращения: 09.09.2009).
24. Фромм, Э. Психоанализ и религия / Э. Фромм // Иметь или быть? – М., 1990.
25. Элбакян, Е.С. Квазирелигиозность / Е.С. Элбакян // Религиоведение : энцикл. слов. – М., 2006
26. Элбакян, Е.С. Религиозность / Е.С. Элбакян // Религиоведение : энцикл. слов. – М., 2006.
27. Юдин, А. Введение / А. Юдин // Православие и католичество: от конфронтации к диалогу : хрестоматия / сост. А. Юдин. – М. : Библейско-Богословский ин-т св. Апостола Андрея, 2001.

УДК 21.5

П.Е. Матвеев

доктор философских наук
профессор кафедры философии и религиоведения

АНАЛИЗ НЕОПЛАТОНИЧЕСКИХ ИДЕЙ В АКСИОЛОГИИ

Статья посвящена философскому исследованию неоплатонических идей, которые обнаруживаются в некоторых аксиологических работах. Особенно часто они связываются с «реалистическим подходом» к ценностям как к специфическим объективным феноменам. В статье обращается особое внимание на учение самого Плотина о едином, благе, зле и показываются достоинства и недостатки этого учения. Критический анализ даётся и аналогичному учению известного российского философа А.Ф. Лосева. Данное исследование выявляет границы применения неоплатонических идей в современной аксиологии.

Article is devoted to philosophical research ideas of Neo-Platonism, which are found out in the some people axiological works. Especially frequently they contact « the realistic approach » to values as to specific objective phenomena. In article is paid special attention to the doctrine itself Plotinus of the unity, blessing, harm and merits and demerits of this doctrine are shown. The critical analysis is given also to the similar doctrine of known Russian philosopher A.F. Losev. The given research reveals borders of application ideas of Neo-Platonism in modern axiology.

Идеи платоников и неоплатоников, несмотря на их давнее происхождение, продолжают жить в современной культуре. На определённый платонизм можно указать при анализе любой теории ценностей, рассматривающей их как объективные феномены. Платонизм можно отметить и в развиваемой нами реалистической концепции ценностей [1]. Поэтому остановимся подробнее на идеях Плотина, как крупнейшего античного последователя великого Платона.

В аксиологии важное место отводится ценности *единства*. У Плотина учение о *едином* также занимает важное место в его философии. Плотин понимал единство как всеобщий онтологический принцип бытия. «Все существа, – писал он, – не только первичные, которые обладают истинным бытием, но и те, которые должны считаться существующими лишь относительно, существуют только благодаря присущему им единству» [2]. Единство присуще и дому, и кораблю, и т.п. «Далее, – отмечал Плотин, – если взять организмы растений и животных, то они тем более существуют как таковые лишь до тех пор, пока каждый из них представляет собой единство, но если они утрачивают его, раздробляются на многие части, тотчас перестают быть тем, чем были» [3]. Единство по Плотину присуще и мировой Душе и Духу, но в чистом виде оно связано с Первоединым. Как известно, в философском учении Плотина Первоединое, Дух и Душа являются важнейшими божественными элементами мира. И для Первоединого единство не есть атрибут, акциденция, Первоединое и есть само единство [4].

С этими утверждениями Плотина нельзя согласиться, уже здесь выявляется особенность платоновской точки зрения. Мы считаем, что ценности, в том числе фундаментальные, нельзя признать за сущности или автономное сущее, субстанции. Они есть именно атрибуты, качества, даже для Бога. Хотя Бога мы недостаточно знаем, чтобы утверждать подобное категорически. *Абсолютные* же ценности – это возможности самой реальности, а в Боге ценности имеют другую природу, другие свойства.

Отметим, что Плотин всё же различал идеальные сущности в-себе, которые существуют в умопостигаемом, или ноуменальном мире, и их проявления в мире чувственном. Это видно по его учению о числах и эйдосах. Можно сказать, что числа, эйдосы по Плотину в умопостигаемом мире существуют как сущее, а в чувственном мире как акциденции. Плотин в своём учении особое внимание уделил числам и эйдосам, следуя определённой философской традиции, идущей от пифагорейцев и Платона. Данная традиция сохраняется в философии. Спустя тысячелетия Н. Гартман, немецкий философ XX века, также в мире идеального бытия особо выделил математические объекты, сущности и логические законы. По Плотину есть принципиальная разница между умопостигаемыми числами, или числами-в-себе и числами, которые видятся в чувственных вещах. Умопостигаемые числа объективны и первичны по отношению к своим аналогам в мире чувственном. «Умопостигаемая десятка эйдетически осмысливает их (десять реальных вещей) как материю, – писал Плотин, – и десять вещей могут быть десятью и десяткой именно в силу присутствия умопостигаемой десятки» [5]. Но поэтому «необходимо, чтобы самой по себе десятка была просто десяткой» [6].

В то же время у Плотина числа, эйдосы, идеи не являются субстанциями, или сущностями первого порядка, которые существуют автономно как в мире чувственном, так и в миру ноуменальном, умопостигаемом. В первом случае они связаны с материей, благодаря которой только здесь и могут существовать. А во втором случае они предстают «узрением» и «духом», существующими в Душе и в Духе. И в этом смысле они не являются самостоятельными сущностями.

Плотин считал, что число, благо не могут быть только акциденцией, свойством вещей и существовать только как идеи в сознании человека. Но потому они и не являются материальными или идеальными, когда идеальное отождествляется с сознанием субъекта. Они умопостигаемы, ноуменальны. Если бы чис-

ло, благо были бы акциденциями или субъективными идеями, то должна существовать «самая природа хорошего для акцидентирования и прочих вещей, или чтобы была причина, заставляющая быть акциденцией и в другой вещи, т.е. Благо само по себе или благо, как самостоятельное порождение в собственной природе» [7].

С нашей точки зрения, подобная конструкция мира не удовлетворительна. Учение Плотина о Душе, Уме и Первоедином так и осталось собранием философских гипотез, к которым возвращаются, но обосновать которые мыслители не в состоянии. И именно потому, что данные идеи по сущности своей бессодержательны, мы не будем вдаваться в их детальную критику, присутствующую во многих трудах [8]. Отметим лишь некоторые недостатки этого учения.

Один из них связан с усложнённой структурой мира, предложенной Плотинем. По Плотину существует, например, три варианта конкретного человека. Обычный *чувственный* человек, живущий в чувственном мире, является отражением высшего или *рассудочного* человека, находящегося в Душе. Но есть ещё более высший человек, *разумный*, находящийся в Духе. «Человек, который находится в Духе, – писал Плотин, – есть самый первый по бытию и самый совершенный по существу, он-то и изливает свой свет на второго человека – рассудочного, а второй – на третьего, чувственного» [9]. Подобная усложнённая конструкция Вселенной предстаёт логическим выводом из основных принципов платиновской системы, но совершенно не подкреплена никакими иными доводами и свидетельствует о собственном внутреннем несовершенстве.

Другой недостаток в платиновской системе связан с его пониманием блага, зла и других нравственных *ценностей*. Благо по Плотину – «это то, от чего зависит всё сущее, в чём нуждается и к чему стремится, как к своему началу и основанию, в то время как само Благо ни в чём не нуждается» [10]. Дух живёт «как бы вокруг Блага», а Душа «находится вокруг Духа» [11]. В Духе благо при-

суще всем его эйдосам, но собственно только «Первое начало есть само Благо, Дух же есть только благий» [12]. А все другие блага являются таковыми в зависимости от «высочайшего Блага», которое лишь одно есть благо само по себе.

Плотин признавал и относительное благо, как определённое значение одного рода вещей для другого, более низкого рода. Так, благо материи заключается в форме, благо тела – в душе. «Благо Души заключается в добродетели, а потом и в Духе». Наконец, выше самого Духа, как его благо, стоит абсолютно первое существо. Поэтому если вещи низшего порядка страстно привлекают нас, то это происходит по причине не самих вещей по себе, а из-за нечто иного, «которое в них приводит оттуда свыше» [13].

Плотин остался в истории человечества как один из величайших мистиков. Он несомненно и неоднократно переживал экстаз как мистическое постижение ноуменального мира. В четвёртой эннеаде читаем: «Так случилось много раз: как бы восходя из собственного тела в самого себя, самососредоточившись и отбросившись от всего внешнего, я созерцал чудесную красоту, превосходящую всё, что когда-либо было явлено в нашем мире» [14]. Поэтому описывая числа-в-себе, эйдосы, логосы, умопостигаемые формы блага, Плотин передавал свой мистический опыт. В этой искренности и глубине непосредственно чувственно переживаемого опыта сила Плотина. Если у него были заблуждения, а они были, он тем не менее всегда оставался честным.

Противоположностью блага предстаёт зло, как то, что отвращает от себя. Зло есть особое начало, которое проявляет себя в тех или иных формах. И как есть зло, присущее отдельным вещам, так «должно быть и абсолютное зло» [15]. Абсолютное зло по Плотину – «это субстанция, лежащая ниже всех образов, видов и форм, мер и пределов, не имеющая в себе никакого блага», это «жалкое подобие» сущих вещей. «И вот эту-то субстанцию, известную под словом «*материя*» [выделено автором] отыскивает наш

разум и указывает на неё, как на первое зло, зло само по себе» [16]. Телесная природа оказывается настолько злой, насколько ей причастна материя. Материя является злом в силу присущей ей безмерности. Материя по Плотину лишена даже бытия. «Ведь материя лишена даже бытия, – писал он, – и уже потому не может быть причастна благу; к ней слово «быть» прилагается лишь в переносном смысле, правильнее было бы говорить, что она – небытие» [17]. Материя как небытие, как безмерное и предстаёт злом, проявляющимся во всех телах чувственного мира. И для души человека причиной её немощи и зла является материя.

Но зло необходимо в мире как нечто противоположное благу. Существование Блага по Плотину с необходимостью предполагает и существование зла. И по той причине, что Благо является творцом Вселенной, для существования которой необходима материя, а материя, как отмечалось, связана со злом. Если упразднить Благо, то надо устранить и зло, а заодно – желание, мышление, мудрость. «Ибо желанным может быть только Благо, – писал Плотин, – отвратительным зло, а мышление, мудрость – это понимание того, что есть благо, а что – зло; причём и само мышление – благо» [18].

Учение Плотина о благе и зле уже подвергнуто философской критике. В русской философии критические оценки этических идей Плотина находим, в частности, у Вл.С. Соловьёва, А.Ф. Лосева. Вл.С. Соловьёв писал о Плотине, что у него «низший мир, как царство материи или «не-сущего», противоположны Божеству и враждебны истинной природе человека» [19]. Идеал человека у Плотина «не живая и свободная личность», «а лишь отрешённый от мира созерцатель и аскет, стыдящийся, что имеет тело» [20]. Вл.С. Соловьёв отметил и такие общие недостатки платоновского учения, как крайний мистицизм, поглощающий личность, отсутствие интереса к живой жизни граждан государства.

А.Ф. Лосев посвятил Плотину много страниц в своём творчестве. Ранний Лосев написал глубокую по содержанию работу об

учении Плотина о числе – «Диалектика числа у Плотина» (1928). Эта работа начинается со знаменательного утверждения: «Учение Плотина о числе есть тема труднейшая не только в истории греческой, но и в истории всеобщей философии. Мне кажется, я чуть ли не первый решился взять это учение всерьёз и попытаться перевести его на язык современного философского сознания» [21]. О Плотине Лосев пишет и в таких работах, как «Античный космос и современная наука» (1927), «Очерки античного символизма и мифологии» (1928). В этих работах русский учёный демонстрирует блестящее знание источников, древнегреческого языка. Лосев сам перевёл труднейший для понимания и перевода трактат Плотина о числах («Эннеада VI, б»). В этих работах А.Ф. Лосев больше старался изложить мысли самого Плотина, чем дать их критику. На его собственное философское учение, изложенное наиболее полно в работе «Философия имени», сказывается влияние платонизма. Не случайно его учение в современной литературе характеризуется как «своеобразный синтез феноменологии и платонизма». Тем не менее критические замечания в адрес античных платоников мы встречаем и у раннего Лосева. Особенно интересные критические оценки содержатся в работе «Очерки античного символизма и мифологии» [22].

Поздний Лосев уделит больше места для критики неоплатонизма. В шестом томе своей фундаментальной «Истории античной эстетики» наибольшее число страниц отдано критическому изложению эстетики Плотина. Поздний Лосев так охарактеризовал неоплатонизм, включая учение Плотина: «Итак, если в отрицательном смысле неоплатонизм есть философия отрешения от всего земного и материального, то в положительном смысле он есть реставрация старинной греческой мифологии и платоно-аристотелевской диалектики, а также и необходимая для этого весьма утончённая культура внутренних ощущений и умозрений» [23].

В своих исследованиях платонизма А.Ф. Лосев затронул проблему структуры бытия и высказал интересные мысли, которые привлекают особое внимание современных философов [24]. А.Ф. Лосев не сомневался в наличии объективного бытия. В его работах обращается внимание на критику субъективизма и психологизма со стороны Плотина, с которой он в принципе согласен. Один из аргументов состоит в том, что если понятия, например о числе, не имеют объективного содержания, то им должны быть свойственны «та же текучесть, то же непостоянство, та же случайность и капризность, какая характерна и для моей психики» [25]. Однако числа отличаются постоянством, есть у них определённая логика, независимая от нашей воли, от нашей чувственности, что указывает на их независимость от психики субъекта, т.е. на объективность. Лосев считал, что «это – основной антипсихологический аргумент» [26].

И другой хороший аргумент против субъективизма обнаруживает у Плотина Лосев, – если признать все наши понятия всецело продуктом психики, то откуда берутся сами понятия «объекта» и «субъекта»?! Заметим, что философы XX века, не признающие объективизма, старались и не употреблять понятий «объекта» и «субъекта». Но из отрицания объективного содержания понятий следует и вывод об отсутствии *небытия*. Ибо согласно субъективизму мы можем знать только то бытие, которое связано с нами. Если же нас нет, то нет ничего, в том числе и наших мыслей о *небытии*, – таков неизбежный солипсический вывод. Если же мы знаем нечто о *небытии*, то это значит, что мы знаем нечто *объективное*, не зависящее от нас.

С нашей точки зрения, на данные аргументы против субъективизма следует обратить внимание. Отметим, что Плотин был не первый и не последний, кто их использовал. В той или иной редакции данные аргументы используются до настоящего времени.

А.Ф. Лосев в одной из своих статей сороковых годов XX века, посвящённой русской философии, отметил *онтологизм* как специ-

фическую её черту. Причём русский онтологизм «заостряется в материи». Не случайно Вл.С. Соловьёв указывал на «религиозный материализм», на идею «святой телесности» [27]. Думается, мы должны согласиться с такой характеристикой русской философии.

Анализу специфики различных видов объективного бытия ранний Лосев не уделял особого внимания. Создаётся впечатление, что он вообще признавал их субстанциональное единство. Поэтому у него и появляется заявление, что онтологии как особой философской дисциплины *не должно быть*. «Онтологии не существует помимо вышеуказанных наук» [28], – заявлял Лосев. А к таким «вышеуказанным наукам» он относил феноменологию, мифологию, диалектику, морфологию, математику, физику и др. «Всякая наука есть наука о бытии» [29]. Но есть науки «более общие и принципиальные» и «менее необходимые», «не исходные». Например, математика и логика более принципиальны в этом отношении, чем физика, ибо они более самостоятельны, – они могут существовать и без физики, а физика без них не существует.

С Лосевым здесь можно согласиться лишь отчасти, ибо, действительно, каждая наука затрагивает бытие, но это не отрицает метафизики или онтологии как учения о наиболее общих свойствах бытия, об его видах и их иерархии. Лосев ставил в один субстанциональный ряд математическое и идеальное бытие, а также бытие эйдосов, смыслов, символов. Надо отметить, что А.Ф. Лосев хорошо понимал значение субстанционального различия видов бытия, если они есть. Так, мы обнаруживаем у него критические замечания в адрес платонизма, католицизма, протестантизма, сделанные с онтологической точки зрения. Вот что он писал о платонизме: «Бог и мир как категории, конечно, вполне разделены в платонизме и даже взаимопротивоположны. Но субстанционально – это одно и единственное бытие, обоженный космос и вещественное божество» [30]. Поэтому, считал Лосев, в языческом платонизме нет принципиальной разницы между таинством и обрядом, здесь все люди богочеловеки.

Отметим, что у Плотина Первоединое – это всё же принципиально особый вид бытия, отличный от бытия всех других видов ноуменального или чувственного миров. А подобное субстанциональное единство разных видов реального объективного бытия мы обнаруживаем, как уже отмечалось, у самого Лосева.

Особое внимание в своих работах Лосев уделил эйдетическому бытию, символическому и бытию сущностей. Бытие сущностей по Лосеву объективно и автономно. Он выделял в нём до пяти различных начал или видов [31].

Подобная утверждаемая автономность бытия как-то должна согласовываться с православием Лосева, которому, как мы теперь знаем, он остался верен до конца. Дело в том, что это учение более согласуется с языческим платонизмом, чем с монистическим учением христианства. Лосев сам обратил особое внимание на анафемы в адрес платонических идей со стороны Византийской Церкви. Таких кампаний против платонизма византийцы провели несколько, что указывает на актуальность для них данной темы. В XI веке Византийская Православная Церковь подвергла анафеме учение платонизма по трём положениям: 1) учение о самостоятельно существующих идеях; 2) учение о творении мира из вечной материи и 3) учение о предсуществовании и переселении душ [32]. Как видим, самостоятельное бытие идей не согласуется с православием.

А.Ф. Лосев, видимо, считал, что его учение об объективном, идеальном и автономном бытии эйдосов, сущностей, символов не противоречит православию. Да, они существуют в особой сфере, но всегда связанной с другими сферами, в том числе с божественной. А Бога Лосев понимал не как Платон или Плотин, а как Григорий Палама и другие православные мыслители. От Бога-Троицы всё получает бытие, форму, энергию.

Поздний Лосев, учитывая традицию в советской материалистической филосо-

фии выделять только два основных вида бытия – материальное и идеальное, первое как объективное, второе как субъективное, осторожно отметил всё же три вида бытия. Первое – материальное, второе – идеальное, как действительное бытие, отражённое в мышлении, и третье – как семантическое, словесное. «А в третьих, – писал А.Ф. Лосев, – существует ещё бытие среднее, т.е. среднее между объективно-действительным и мыслительным бытием. Это бытие словесное... Это бытие семантическое» [33]. Именно эти идеи об особом третьем виде бытия и привлекут внимание современных российских философов, ибо так можно понимать бытие ценностей.

Но здесь возникают проблемы связи этих различных видов бытия, а также анализа самостоятельно существующих видов бытия, особенно умозрительных. Как их связать и как их изучать? А.Ф. Лосев обращается к диалектике, не случайно она играет у него такую важную роль. В «Предисловии» к работе «Философия имени» Лосев дал страстную апологию диалектике. «Диалектика, – писал он, – есть единственный метод, способный охватить живую действительность» [34]. Диалектика – это «единственный правильный и полный метод философии». Лосев понимал диалектику как определённое искусство работы с категориями. – «Надо одну категорию объяснить другой категорией так, чтобы видно было, как одна категория порождает другую и все вместе – друг друга, не натуралистически, конечно, порождает, но эйдетически, категориально, оставаясь в сфере смысла же» [35].

Однако XX век, как, впрочем, и прежние века, показал ещё раз, что объяснить бытие, исходя только из сознания, невозможно ни философам, ни математикам. Бытие имеет «разрывы», разные уровни, и «перескочить» с одного на другой можно только с помощью эмпирии. Собственно, сказать что-либо содержательное, например, о ценностях, если признавать их за автономные

объекты, сущности или значения, невозможно. Это можно увидеть на примере Н. Гартмана. Весь его анализ ценностей шёл как анализ конкретных ценностей, воплощённых в реальном бытии [36]. Да и как объяснить всё же содержательно связи разных видов бытия? С нашей точки зрения, это невозможно сделать, здесь не поможет никакая диалектика, ибо такой конструкции мира просто не существует в действительности, это идеальная конструкция самих философов, создающих тем самым для себя неразрешимые трудности.

И сказать что-либо содержательное о тех же ценностях, или смыслах, эйдосах, числах, оставаясь на подобных позициях, очень трудно, практически невозможно. Или же приходится вдаваться в «дурную диалектику» и множить бессодержательные высказывания. Это можно делать до бесконечности, не умножая ни на йоту багаж наших знаний. Поэтому мы принципиально занимаем иную позицию в российской аксиологии, отстаивая объективность, идеальность и интенциональность ценностей. Ценности есть определённые качества объектов и субъектов.

Библиографические ссылки

1. См. Матвеев, П.Е. Моральные ценности / П.Е. Матвеев. – Владимир, 2004.
2. Плотин. Эннеады / Плотин. – Киев, 1995. – Т. 1. – С. 352.
3. Плотин. Там же. – С. 352.
4. См. Плотин. Там же. – С. 360.
5. Плотин. Эннеады. – Т.2. – С. 152.
6. Плотин. Там же. – С. 152.
7. Плотин. Там же. – С. 158.
8. См. работы: Вл.С. Соловьёва, А.Ф. Лосева, Б. Рассела и др.
9. Плотин. Эннеады. – Т. 1. – С. 269.
10. Плотин. Там же. – С. 26.
11. Плотин. Там же. – С. 26.
12. Плотин. Там же. – С. 284.
13. Плотин. Там же. – С. 293.
14. Плотин. Там же. – С. 113.
15. Плотин. Там же. – С. 27.
16. Плотин. Там же. – С. 28.
17. Плотин. Там же. – С. 29.
18. Плотин. Там же. – С. 39.
19. Соловьёв, Вл.С. Плотин / Вл.С. Соловьёв // Философ. слов. Вл. Соловьёва. – Ростов н/Д, 1997. – С. 395.
20. Соловьёв, Вл.С. Там же. – С. 395
21. Лосев, А.Ф. Диалектика числа у Плотина / А.Ф. Лосев // Миф. Число. Сущность. – М., 1994. – С. 714.
22. См. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев. – М., 1993. – Гл. VI. Социальная природа платонизма.
23. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм / А.Ф. Лосев. – М., 1980. – С. 169.
24. См., например: Рыбаков, Н.С. Н.О. Лосский: онтологическая теория ценностей / Н.С. Рыбаков // Апология русской философии. – Екатеринбург, 1997. – С. 97.
25. Лосев, А.Ф. Диалектика числа у Плотина. – С. 739 – 740.
26. Лосев, А.Ф. Там же. – С. 740.
27. См. Лосев А.Ф. Основные особенности русской философии / А.Ф. Лосев // Философия. Мифология. Культура. – М., 1991. – С. 509.
28. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев // Бытие. Имя. Космос. – М., 1993. – С. 791.
29. Лосев, А.Ф. Там же. – С. 72.
30. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – С. 869.
31. См. Лосев, А.Ф. Философия имени. – § 12, 13 и др.
32. См. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – С. 865.
33. Лосев, А.Ф. Знак. Смысл. Миф / А.Ф. Лосев. – М., 1982. – С. 89.
34. Лосев, А.Ф. Философия имени. – С. 617.
35. Лосев, А.Ф. Там же. – С. 616.
36. См. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман. – СПб., 2002.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ

Феномен социального здоровья является весьма актуальным в современном российском обществе, а само понятие достаточно новым в отечественной социологии. Статья предназначена для студентов и преподавателей, а также для специалистов в области физвоспитания, психологии, педагогики.

Phenomenon of social health is an actual problem in modern Russian society and this conception is rather new in native sociology.

These methods of researching of physical, psychic and social health are in interaction, but have different bases.

Неуклонное поступательное развитие мировой цивилизации, особенно во второй половине минувшего и начале нынешнего столетия, определило в ряду наиболее острых проблем проблему здоровья человека. Специфичность социально-экономического развития нашей страны обусловила особую актуальность данной проблемы для России. Затянувшиеся трудности в развитии экономики, политике, этнические и экологические проблемы, происходящее разрушение старой системы ценностей, неуверенность в будущем, потеря (неопределенность) смысла жизни и другие стрессовые факторы обрушиваются на нервную систему человека, подрывая его здоровье. Современные структурные изменения на макроуровне социальной системы, а также переориентации индивидуальных жизненных стратегий россиян способствуют формированию картины социального здоровья общества.

Осуществление демократических преобразований в нашей стране требует активного участия всех социальных групп общества. Все более актуальным становится привлечение

молодых людей к созидательной, творческой деятельности во всех сферах общественной жизни. В свою очередь, задачи гражданского воспитания молодого поколения требуют тщательного и глубокого анализа условий жизнедеятельности молодежи, изучения их побудительных мотивов, целей, технологий развития социальной активности молодых граждан.

Выявление субъективного восприятия молодыми людьми социальной действительности имеет определяющее значение для эффективного управления процессом активизации социального потенциала молодежи как социальной группы, разработки и реализации проектов, программ и планов, ориентированных на развитие социальной активности молодого поколения. Понятно, что формирование социально активного поведения молодежи в значительной мере обусловлено состоянием ее социального здоровья. Именно социальное здоровье влияет на индивидуальный образ жизни молодого человека и на его отношение к социуму и является одной из основных детерминант молодежной активности.

Следствием такого положения явилась разработка в социологии на основе системного подхода универсального показателя, характеризующего здоровье общества в целом и здоровье различных социальных групп в частности, в том числе и подростков, – показателя социального здоровья. Главная особенность социологического изучения социального здоровья состоит в том, что наряду с параметрами психического и физического развития личности решающее место отводится исследованию непосредственно социальных ее качеств. Такая разносторонность и системность в научном исследовании социального здоровья придает социологическому подходу необходимую для глубокого научного анализа универсальность, возможность формулировать содержательные, имеющие выраженное прикладное значение выводы. Кроме того, уровень состояния социального здоровья – показатель динамический, постоянно изменяющийся, поэтому адекватная оценка социального здоровья современного подростка обостряет потребность в регулярных мониторинговых исследованиях.

Понятие «социальное здоровье» имеет универсальный характер, включая в себя различные параметры и критерии, охватывающие все уровни и сферы жизнедеятельности человека, групп, общества в целом, и требует для своего определения междисциплинарного комплексного подхода.

Методологические обоснования данной темы:

1. Философское обоснование личности. По Канту, человек – целостное, биосоциальное существо, принадлежащее и к миру природному («особому виду животных»), и к сфере нравственного и свободного. Только человек, как мыслящее существо, своим разумом сам определяющий себе свои цели, может быть, по его мнению, идеалом красоты, идеалом совершенства. «О человеке... как моральном существе уже нельзя спрашивать, – считал Кант, – для чего (*quem in finem*) он существует. Его существование имеет в себе самом высшую цель, которой, насколько это в его силах, он может подчинить приро-

ду...» [Цит. по 3, с. 469] Соединяя в себе два разных мира, человек обращает к этим двум сферам и основные вопросы собственного существования и познания: что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? Что есть человек? Систематическая научная постановка этих вопросов – величайшая заслуга Канта.

Согласно Канту «приобретение разумным существом способности ставить любые цели вообще (значит, в его свободе) – это культура». [Цит. по 3, с. 469]. Но не каждая культура достаточна для достижения последней цели природы: «культура умения», например, недостаточна для того, чтобы содействовать воле в определении и выборе целей; для этого нужна, по мнению Канта, «культура воспитания (дисциплины)», признанная смягчать «грубость и неистовство» склонностей к наслаждению, которые относятся к «животному началу в нас и больше всего противодействуют нашему совершенствованию для более высокого нашего назначения, и освободить место для культуры человечества» [Цит. по 3, с. 466 – 467].

Формула Маркса о человеке как совокупности, «ансамбле» всех общественных отношений была выдвинута им в знаменитых «Тезисах о Фейербахе». Маркс уже понял к тому времени, что человек не только природное существо, он есть *человеческое* природное существо. Человеческий индивид является единицей человеческого вида и вместе с тем представителем определенных социальных общностей – человечества, класса, нации и пр. Для Маркса с самого начала стало ясно, что сущность личности составляет «не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество*» [5] и что поэтому «вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы» [6]. Однако, считал он, «мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху» [7].

2. Социологическое обоснование личности. Концепция Т. Парсонса основывается на представлении о болезни как специфическом

типе социальной девиации, которая изменяет социальный статус индивида, выполнение привычных ролевых функций, изменяет отношения с окружающими. «Роль болезни» формирует у личности определенные социальные ожидания в отношении ближайшего окружения и общества в целом. Парсонс рассматривает заболевание или отклонение от привычной нормы как динамичный процесс, характеризующийся развитием и сменой качественно отличных друг от друга этапов, выработкой оптимальных типов поведения на основе принимаемых решений.

Концепция Э. Фромма основывается на положении о том, что здоровье личности зависит в первую очередь не от самого индивида, а от структуры данного общества. При этом общество оказывает как развивающее, так и деформирующее влияние на человека. Так, в своей работе «Бегство от свободы» Э. Фромм отмечает, что «... действия нормального человека, как можно подумать, определяются лишь разумными соображениями и условиями реальной жизни. Однако ... что так и называемое рациональное поведение в значительной степени определяется структурой личности индивида» [15]. И далее он уточняет, что для «... нормального человека субъективная функция его социального характера состоит в том, чтобы направлять его действия в соответствии с его практическими нуждами и давать ему психологическое удовлетворение от его деятельности» [15].

Таким образом, следуя социологическому пониманию социального здоровья, можно сказать, что в самом общем виде оно представляет собой сложный социальный феномен, возникающий в процессе взаимодействия индивидов с социальной средой, отражающей уровень этого взаимодействия. Социальное здоровье обуславливается, с одной стороны, статусно-ролевыми и аксиологическими характеристиками самой личности, а с другой – специфическим влиянием ближайшего окружения и общества в целом (детерминированного существующим социальным укладом).

В настоящее время в социологической науке наиболее известны два принципиальных подхода к исследованию социального

здоровья. Первый подход иногда определяют как широкий или плюралистический подход. В нем социальное здоровье рассматривается как отражение не только традиционно констатируемых физического (физиологического) и психического статусов человека, но также и его социального статуса, детерминированного в том числе определенным ценностным мировосприятием. Таким образом, социальное здоровье включает в себя три взаимосвязанных элемента: физическое здоровье, психическое здоровье и собственно социальное здоровье человека. Но в этом случае, во-первых, социальное здоровье чаще всего рассматривается как определенное, не всегда четко структурированное составляющее, во-вторых, само именно социальное здоровье служит дополнением к физическому и психическому.

Второй, так называемый узкий, или гносеологический подход, наоборот, отталкивается от того факта, что социальное здоровье представляет собой интегративный показатель совокупности определенных объективных и субъективных социальных характеристик личности. *Социальное здоровье – феномен гармоничного отношения личности с социальной средой, отношения к себе и своему месту в социальной структуре, обуславливающий её жизнеспособность, оптимальность функционирования в социальной среде.* В этой связи физические и психические характеристики личности рассматриваются вне структуры социального здоровья, обладают собственными определяющими показателями и критериями и не являются первично детерминирующими факторами для него. Конечно, определенное влияние физические и психические параметры оказывают на общий показатель социального здоровья личности. Механизм этого влияния, заметим, опосредованного влияния, состоит в непрерывном формировании социальной структуры личности под воздействием изменяющихся состояний психики. В рамках указанного выше узкого подхода лежит понимание социального здоровья как продукта, прежде всего социальных взаимо-

действий индивида в обществе, а также приоритета статусных и поведенческих характеристик личности, ценностной природы и ее жизнедеятельности. Такой подход позволяет сосредоточиться на социальных показателях социального здоровья, выявить их многогранность, функциональную специфику, меру влияния на формирование личности. Методологической основой, определяющей параметры социального здоровья личности, в том числе и студента, можно считать феномен социализации.

Основным элементом, выделенным в ходе системного анализа социального здоровья, является личность студента. В процессе социализации, выступая объектом и субъектом общественных отношений, испытывая постоянное воздействие общесоциальных факторов внешней среды, студент осваивает определенную систему социальных ценностей, норм, стереотипов поведения и т.п. Но надо заметить, что это усвоение имеет определенные особенности:

1. Это усвоение происходит не «автоматически», а в результате постоянного отбора тех качеств, которые студент воспринимает в качестве наиболее значимых для себя. Такими значимыми можно считать внутренние психологические личностные качества, черты характера, например: трудолюбие, честность, порядочность, принципиальность, целеустремленность, активная жизненная позиция, творческая энергия, стремление к материальному благополучию, стремление к самосовершенствованию и др.; хорошее физическое здоровье, физическое совершенство, стремление вести здоровый образ жизни; мировоззренческие жизненные ценности, которые могут определять ценностное ядро личности студента, такие как интересная насыщенная жизнь, выявление собственной яркой индивидуальности, интересная профессия и работа в обозримом будущем, надежные и верные друзья, служение Родине, хорошая семья, свобода человека и реализация его прав и свобод, что в целом необходимо как и для самой личности, так и для её успешной образовательной и трудовой деятельности.

2. Отдельно значимыми являются показатели социального здоровья, связанные с участием студента в образовательном, учебно-воспитательном процессе. Поэтому для самореализации личности важны оценка и самооценка самого образовательного процесса, его учебной и воспитательной составляющих, целей образования, оценка выбора специальности и профессии (факультета), удовлетворенность процессом обучения, участие в определенных сферах жизни учебного заведения, использование не только основной, но и дополнительной информации, особенно в рамках самоподготовки.

3. Процесс социализации в рамках формирования социального здоровья студентов оказывается не только зависимым от определенных внешних объективных и внутренних субъективных факторов, но и происходит на базе предшествующих данной социальной группе этапов социализации, особенно в рамках подросткового возраста. Поэтому нельзя исключать те базовые социальные нормы и ценности, которые усвоены и реализованы. Особенно это проявляется в процессе социализации и формирования базовых качеств социального здоровья студентов младших курсов, тем более попавших в новую социальную среду, новый социальный институт (высшее образовательное учреждение) с ее новыми нормами, качествами, законами и т.д. В рамках данного возраста происходит резкое расширение жизненного пространства личности, что включает в себя изменение уровня и характера образования, общения, социального ролевого статуса, активности в общественной и трудовой деятельности, смысло-жизненных, ценностных и мировоззренческих установок. Поэтому на «входе» в образовательное учреждение поступает один студент с его социальным здоровьем (здоровьем подростка или раннего юношеского возраста), но уже на «выходе», то есть по окончании младших курсов, должен появиться студент иного уровня, обладающий иным социальным здоровьем и ориентирами в его формировании. Тем более данные процессы еще более существенно изменяются на уровне студентов старших курсов, где можно говорить о завершении студенческой социализации, что уже в свою очередь

послужит базой для успешной социальной и трудовой деятельности. Поэтому необходимо разграничивать анализ параметров и показателей качества социального здоровья студентов младших и старших курсов. В научном социологическом исследовании наиболее оптимальной моделью может являться проведение поэтапного социологического анализа социального здоровья студентов каждого курса, динамики изменения параметров социального здоровья на каждом из этих этапов.

4. Необходимо отметить парадоксальность студенческого возраста, в частности, особенности процессов усвоения и воспроизводства личностью социального опыта в ходе определенных возрастных отрезков жизнедеятельности, что отмечено в п. 3. Студенты дневного отделения, где учеба является основным видом деятельности, в то же время не имеют в своей основе четких мировоззренческих установок по отношению к выбранной специальности, профессии и трудовой деятельности и поэтому занимают промежуточное положение между дотрудовым и трудовым, первичным и вторичным этапами социализации. Все это создает определенные трудности выявления образовательных и «трудовых» качеств социального здоровья. В то же время образовательные цели студентов, их участие в учебно-воспитательном процессе часто не коррелируются с усвоением диапазона социально-значимых норм, накоплением социального опыта, формированием личностных качеств. В силу недостаточной социальной зрелости студенты младших курсов зачастую интериоризируют противоречащие друг другу нормы и ценности, что становится причиной их конфликтных взаимоотношений с социальным окружением, личностных кризисов. Подобная ситуация складывается в отношении ценностей физического, психического и собственного социального здоровья, которые априори признаются значимыми, но в повседневной жизнедеятельности студента уступают место иным более существенным с его точки зрения. Соответственно формируемая система потребностей, ценностей студента далеко не всегда отвечает требованиям сохранения его здоровья. Реальные жизненные ситуации, удовлетворение/неудовлетворение

таких потребностей, полученный опыт (в том числе и негативный) способствуют формированию определенного социального самочувствия и типа самосохранительного поведения, обуславливающих в конечном итоге уровень социального здоровья студента в целом.

5. Формирование специфических качеств социального здоровья студента зависит не только от процессов социализации, но и от того, как определяется необходимость наличия такого здоровья студенчества самим образовательным учреждением и как оно выстраивает систему учебно-воспитательного процесса. Новая парадигма образования как система социализации личности отражает особенности современной социализации, в том числе российского общества, centered на активности человека – творца, созидателя, участника всех сфер общественной жизни, усвоении социального опыта, норм культуры. Поэтому можно считать, что современный студент выступает в двух необходимых взаимосвязанных ипостасях: а) студент – активный обладатель знаний, новых технологий, овладевающий основами определенной выбранной профессии, специальности, что необходимо для будущей успешной трудовой деятельности; б) студент – активный самостоятельный индивид, стремящийся реализовать свой творческий потенциал, формирующий активную жизненную позицию и участвующий в различных сферах общественной, в том числе внутреннеуниверситетской жизни. Все это создает задел для полноценной самореализации личности.

Таким образом, подводя предварительный итог вышесказанного, определим, что социальное здоровье включает в себя ряд определенных сторон, признаков и качеств.

Одной из самых важных характеристик социального здоровья является самосохранительное поведение личности. Самосохранительное поведение, выступающее объективным показателем социального здоровья, имеет универсальный характер, проявляющийся в его соотнесённости со всеми сферами жизнедеятельности студента: оно является компонентом контактного (общения), творческого, образовательного, потребительского, трудового, досугового видов поведения. Вы-

деляют также направленность самосохранительного поведения, которая может быть как позитивной, так и негативной. Позитивная направленность соответствует цели сохранения и укрепления социального здоровья, чувства самоудовлетворения, осознанности самореализации, раскрытия творческих сущностных сил личности. Формула позитивной направленности может быть представлена в виде смысловой ценностной доминанты личности: «сам себя образующий и создающий сегодня, сейчас, в данное мгновение». Негативная направленность самосохранительного поведения ведёт к разрушению социального здоровья личности. Причём негативная направленность может выражаться как в осознанных действиях (например, когда социальным здоровьем жертвуют ради достижения какой-то цели), так и в неосознанных (действия и поведения личности при плохой информированности о наличии признаков девиантного поведения, саморазрушение и деградация личности).

Максимально положительную направленность самосохранительное поведение студента приобретает тогда, когда имеющийся у него достаточный объём знаний о правилах сохранения социального здоровья, ценностных ориентациях, социальных нормах, процессах самосозидания, будущей трудовой деятельности и её целях позволяют ему соответствующим образом организовывать свою повседневную жизнедеятельность, минимизируя вредное воздействие внутренних и внешних факторов. Формирование социально активного поведения молодёжи в значительной мере обусловлено также состоянием её социального самочувствия. Именно социальное самочувствие влияет на индивидуальный образ жизни молодого человека, на его отношение к социуму, является одной из основных детерминант молодёжной активности. Социальное самочувствие характеризует субъективную сторону социального здоровья и отражает уровень восприятия и оценки студентом своего общего состояния. Можно сказать, что социальное самочувствие представляет степень удовлетворения разнообразных потребностей, поступков, оправдания возможных ожиданий. Оптимальный уровень

социального самочувствия студента характеризуется осознанием им своей определённой значимости социальной группе, удовлетворённостью своим социальным статусом в семье, социальной группе, студенческой группе, а также в социальном благополучии. Социальное самочувствие может осуществляться на чувственно-эмоциональном уровне, уровне мировоззренческо-ценностной оценки и самооценки, уровне гражданского самоопределения. Индикаторами социального самочувствия могут являться следующие показатели: удовлетворённость личности различными аспектами жизнедеятельности, успехами в овладении выбранной профессией; уверенность в своём будущем; удовлетворённость в реализации своих творческих возможностей и способностей; в решении конкретных актуальных жизненных проблем; участии в различных сторонах общественной жизни; положительном восприятии государственной политики по отношению к молодёжи. В целом состояние оптимальности социального здоровья приобретает в сочетании высокого уровня социального самочувствия и самосохранительного поведения.

Наконец, создание условий для выражения самореализации личности требует подготовки её для самостоятельной жизни и успешной интеграции в обществе, что может быть выражено в определённой формуле «5 сам»: самоизменение, саморазвитие, самореализация, самостоятельное жизнетворчество, самочувствие. Таким образом, в рамках дальнейшего исследования необходимо решение следующих проблем: 1) уточнение понятия социального здоровья и его структуры; 2) определение реального уровня социального здоровья студента в сочетании его социального самочувствия и самосохранительного поведения; 3) определение, опираясь на субъективные оценки личности студента, уровня его социального самочувствия; 4) создание паспорта социального здоровья студента; 5) сравнительный анализ в рамках конкретных социологических исследований параметров социального здоровья студентов младших и старших курсов; 6) отработка специфических социологических методов, подходов для подобных исследований.

Библиографический список

1. Жук, О.Л. Социогуманитарная подготовка студентов / О.Л. Жук // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 2. – С. 288 – 297
2. Журавлева, И.В. Социальное здоровье подростков / И.В. Журавлева. – М., 2002. – 280 с.
3. Кант, И. Сочинения. В 6 т. Т. 5. / И. Кант. – М., 1966. – С. 464 – 469.
4. Кузнецов, В.И. Социально-валеологический аспект феномена здоровья современной молодежи / В.И. Кузнецов. – Ростов н/Д, 2002. – 200 с.
5. Маркс, К. Критики гегелевской философии права / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 1. – С. 242.
6. Маркс К. Ницета философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 162.
7. Маркс К. Превращение прибавочной стоимости в капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 623.
8. Митев, П. Социология лицом к лицу с проблемами молодежи / П. Митев. – София, 1983. – 153 с.
9. Осипов, В.И. Современные социальные технологии в управлении политическим поведением российской молодежи / В.И. Осипов. – М., 2003. – 203 с.
10. Павловский, В.П. Ювенология: проект интегративной науки о молодежи / В.П. Павловский. – М., 2001. – 201 с.
11. Пак, Л.Г. Социализация студенческой молодежи в социокультурном контексте / Л.Г. Пак // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 4.
12. Смирнов, П.И. Социология личности : учеб. пособие / П.И. Смирнов. – СПб., 2001. – 204 с.
13. Социология молодежи : учебник / под ред. В.Т. Лисовского. – СПб., 1996. – 298 с.
14. Фролов, И.Т. Перспективы человека / И.Т. Фролов. – М., 1979. – 336 с.
15. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М., 1989. – С. 272.
16. Чупров, В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. – М., 2000. – 298 с.
17. Шаламова, Л.Ф. Студенческая молодежь и государственная молодежная политика / Л.Ф. Шаламова, А.Ю. Ховрин // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 4. – С. 3 – 14.
18. Шаламова, Л.Ф. Социальное самочувствие и социальная активность молодежи / Л.Ф. Шаламова // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 2. – С. 172 – 184.

Научное издание

ТРУДЫ ВЛАДИМИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 6

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Подписано в печать 24.11.09.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 15,34. 10.11.09. Тираж 100 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета.

600000, Владимир, ул. Горького, 87.